

Индекс П8643

1
2021

РОССИЯ XXI 2021 1

РОССИЯ XXI

1. 2021 январь-февраль

Ярлыки и мифы

Геннадий Костырченко

Белорусский калейдоскоп: от войны до 1950-х и от Москвы и Минска до западных областей __ 6

Павел Чернов

Полковые истории XIX – начала XX вв. как инструмент формирования исторической памяти ____ 36

Национальная доктрина

Наталья Суханова

«Русское государство» или Россия? (А.И.Деникин о роли горцев Северного Кавказа в Гражданской войне) _____ 60

Салават Исхаков

К вопросу о партийном строительстве у татар Крыма в 1917–1928 гг. _____ 80

Страницы истории

Оксана Киянская

Соратники Пестеля.

Декабрист Василий Давыдов _____ 102

Наталья Черникова

Номинальный председатель:

император во главе Государственного
совета _____ 118

Пути духовных исканий

Андрей Ранчин

Каин и Святополк:

прецедентные имена в древнерусской
культуре _____ 136

Актуальный архив

Кирилл Шапошников

«Мы считаем Ю.М.Соколова поли-
тическим врагом и дальнейшее его
пребывание в Музее невозможно...»

Обстоятельства увольнения

Ю.М.Соколова с поста директора
Библиотеки Государственного
исторического музея (1929 г.) _____ 150

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);

Каравашкин А.В.;

Ковалев М.В.;

Любин В.П.;

Петрова И.Н.;

Фельдман Д.М.;

Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрику на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Гораздо легче выиграть войну, чем мир.

Жорж Клемансо

Всякий существующий порядок приходится непрерывно наводить.

Владислав Гжегорчик

Традицию нельзя
унаследовать —
её надо завоевать.

Томас Стернз Элиот

Геннадий Костырченко

БЕЛОРУССКИЙ КАЛЕЙДОСКОП:

ОТ ВОЙНЫ ДО 1950-Х И
ОТ МОСКВЫ И МИНСКА
ДО ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

929

Налаживание мирной жизни в Белоруссии по освобождении ее в 1944 г. от гитлеровцев сопрягалось с решением массы сложных проблем в таких основных сферах социальной жизнедеятельности, как экономика, государственная и общественная безопасность, идеология, кадровая политика. Наиболее критический характер эти проблемы носили в западных областях БССР, где ситуация осложнялась императивом возобновления прерванной войной советизации. Негативно влияла на послевоенную нормализацию в Белоруссии и подковерная борьба за высший пост первого секретаря ЦК КП(б)Б (в основном между П. Пономаренко и Н. Гусаровым). И главным арбитром в ней был Сталин, поддерживавший свое единовластие манипулированием конкурировавших друг с другом кремлевских номенклатурных группировок.

The establishment of a peaceful life in Belarus after its liberation from the Nazis in 1944 was associated with the solution of a host of complex problems in such basic spheres of social life as economy, state and public security, ideology, ineffective personnel policy. These problems were most critical in the western regions of the BSSR, where the situation was complicated by the forcing of Sovietization. The post-war normalization in the Republic was negatively influenced by the undercover struggle for the first secretary post of the Central Committee of the CP(b)B. The arbiter in it was Stalin, who constantly manipulated the nomenklatura groups.

Ключевые слова: Белоруссия; БССР; Западная Белоруссия; Великая Отечественная война; послевоенное восстановление; советизация; И. Сталин; П. Пономаренко; Н. Гусаров; Армия Крайова; УПА, белорусские националистические организации.

Key words: Belarus; West Belarus; The Great Patriotic War; post-war reconstruction; sovietization; J. Stalin; P. Ponomarenko; N. Gusarov; The Armia Krajowa; The Ukrainian Insurgent Army; belarusian nationalist organizations.

E-mail: genkost@mail.ru

Испытание 1941-м

Великая Отечественная война сыграла в истории Беларуси громадную роль, возможно, одну из самых ключевых в сравнении с другими странами и этнорегионами постсоветского пространства. Эта бывшая республика СССР понесла в 1941–1945 гг. колоссальные людские потери¹ и огромный материальный ущерб². Многие движимые патриотическим чувством люди встали там с оружием в руках на защиту родной земли, превратив обширную ее часть в грозный для врага партизанский край. При активном участии народных мстителей летом 1944 г. прошла масштабная наступательная операция советских войск «Багратион», в ходе которой БССР была полностью очищена от гитлеровцев.

Весомый личный вклад в организацию массовой борьбы с оккупантами внес первый секретарь ЦК КП(б) П.К.Пономаренко, возглавлявший с мая 1942 г. ЦШПД при Ставке Верховного Главнокомандования. До назначения 19 июня 1938 г. партийным руководителем Белоруссии этот 36-летний украинец с Кубани имел уже насыщенный пертурбациями, но пока что скромный по рангам послужной список. Совсем юным он добровольно пошел в 1918 г. в Красную армию, оборонял от белых Екатеринодар. В 1919 г. подался на нефтепромыслы, где освоил профессию паровозного машиниста. В 1925 г. вступил в компартию, а в 1932 г. окончил Московский институт инженеров транспорта. Полученные знания применил на Дальнем Востоке, где служил на командирской должности в железнодорожных войсках. Возвратившись в 1936 г. в Москву, устроился во Всесоюзный электротехнический институт, выполнивший вскоре престижный правительственный заказ на разработку электроарматуры для агрегата подсветки звезд на кремлевских башнях. Начавшаяся тем временем тотальная зачистка центрального партаппарата обернулась для Пономаренко прорывным карьерным назначением – приглашением на работу в ЦК ВКП(б). Утвержденный 15 декабря 1937 г. в должности инструктора ОРПО, он уже 26 марта 1938 г. стал заместителем заведующего этим отделом Г.М.Маленкова.

¹ По подсчетам специалистов, прямые людские потери БССР в годы Великой Отечественной войны составили 2,0–2,3 млн человек, включая свыше 800 тыс. евреев – жертв Холокоста, из которых около 570 тыс. проживало в Западной Белоруссии [36, с.127–128; 49, с.25; 22, с.67].

² В Белоруссии было разрушено 209 городов и районных центров, было сожжено 9200 деревень, в том числе 619 вместе с жителями. Республика лишилась более половины национального богатства [36, с.128].

П.К.Пономаренко и Н.Г.Грекова
(председатель Верховного Совета БССР, секретарь ЦК КП(б)Б). Осень 1939 г.

Мощная волна кадрового обновления, головокружительно вздымавшаяся синхронно с Большим террором, не дала Пономаренко засидеться в Москве. С подачи покровительствовавшего ему Маленкова он уже летом 1938 г. был поставлен, как отмечалось, во главе Белоруссии. Там спустя три года и встретил великую войну, ставшую для него серьезным жизненным испытанием. Особенно тяжкими выдались первые дни гитлеровского вторжения. Массированное и стремительное, оно быстро посеяло хаос и панику не только в приграничных областях республики, но и в столичном Минске. Пономаренко тоже определенно тогда растерялся, как впрочем, и многие руководители других западных регионов СССР. Однако значительная доля вины за это лежала на Сталине, который должным образом не озаботился до войны разработкой четкого нормативного алгоритма первоочередных действий аппарата власти при вражеском нападении, и потому, свершившись, оно с удвоенной силой ввергло функционеров на местах (и не только их!) в смятение, разброд и шатания³.

³ По свидетельству секретаря ЦК КП(б)Б Н.Е.Авхимовича, примерно за 10 дней до начала войны Сталин жестко отчитал по телефону Пономаренко за «провокационное» обсуждение на Бюро республиканской компартии очевидных признаков скорого германского вторжения [45, с.100].

Одним из главных упущений Пономаренко стало критическое промедление в развертывании массовой эвакуации материальных и людских ресурсов. Пытаясь потом оправдаться перед центром, он прибегнул к завуалированному антисемитизму, о чем свидетельствует его записка, направленная Сталину где-то в начале второй декады июля. Докладывая о первой реакции властей и населения республики на вторжение, Пономаренко особо отметил, что вся пропаганда гитлеровцев «идет под флагом борьбы с жидами и коммунистами, трактуемыми "как синонимы"». При этом обвинил «служилый люд городов» в том, что его, имеющего «большую еврейскую прослойку»⁴ и ни о чем не думающего, «кроме спасения шкуры», объял «животный страх перед Гитлером, и [в результате] вместо борьбы – бегство» [11, с.211].

Столь очевидное использование евреев в не раз навязывавшейся им прежде роли «козлов отпущения» определенно понадобилось Пономаренко для того, чтобы переложить вину за явно поспешный – рано утром 25 июня – выезд из Минска республиканских партгосчиновников высшего звена, явно шокированных шедшей почти весь предшествующий день первой массированной воздушной бомбардировкой города. Даже преодолев на автомашинах в восточном направлении 200 км пути и оказавшись с семьями в Могилеве, они так и не избыли обуявший их страх. В противном случае Пономаренко, добравшийся туда же с автоколонной штаба Западного фронта, сразу не отправил бы этих особо оберегаемых беженцев, да и своих родственников тоже, далее в Москву.

Бомбежка Минска. 24 июля 1941 г.

⁴ *Всего на западе Белоруссии проживало перед войной более 480 тыс. евреев [41, с.10].*

Прибыв 26 июня на тех же легковушках в советскую столицу, все они разместились в постпредстве БССР. Тогда же там оказалась и семья второго секретаря горкома Гомеля Борщева. И хотя сам он не сбежал с рабочего места, Гомельский обком расценил такую его заботу о родных как использование служебного положения в личных целях, чреватое совершенно непозволительной в условиях войны дискредитацией власти. Первый секретарь обкома Ф.В. Жиженков, проявивший, в отличие от Пономаренко, высокую ответственность и принципиальность, добился жесткого наказания Борщева (и не только его), подписав 29 июня следующее решение: «Бюро обкома КП(б)Б считает, что секретарь Гомельского горкома КП(б)Б т. Борщев и председатель горисполкома т. Кореневич в первые же дни военных действий проявили неустойчивость и малодушие, выразившиеся в отправке своих семей в Москву и Краснодар (в Краснодар выехала семья Кореневича. – Г.К.), хотя это никакими обстоятельствами не вызывалось. Вместо того, чтобы им, как руководителям города, обеспечить повседневную и правильную политическую информацию трудящихся о военных действиях и организовать решительную борьбу с элементами паники среди отдельных групп населения, они, наоборот, фактом отправки своих семей за пределы Белоруссии объективно способствовали росту панических настроений и вызвали своим поведением вполне законное возмущение партийной организации и трудящихся Гомеля. Бюро обкома, считая поступок тт. Борщева и Кореневича несовместимым с занимаемыми ими постами, постановляет: <...> За неустойчивость и малодушие снять т. Борщева с поста второго секретаря Гомельского ГК КП(б)Б, а т. Кореневича с поста председателя Гомельского горисполкома, послав их на низовую работу <...>» [5, д.67, л.226].

Страшась ли подобных взысканий или, как хочется верить, осознав, наконец, аморальность служебного дезертирства, отдельные номенклатурные беженцы отправились обратно в Могилев, покинув 2 июля 1941 г. постпредство в Москве. Однако большая часть самовольно находившихся там минских чиновников отказалась возвращаться, даже несмотря на уговоры постпреда М.Т. Финогенова. И тот, боясь, видимо, быть обвиненным в незаконном укрывательстве в военное время, уведомил 4 июля секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова о «недопустимых явлениях» в постпредстве БССР – несанкционированном пребывании секретарей ЦК КП(б)Б Т.С. Горбунова и Н.И. Прохорова, зав. Сельхозотделом ЦК республики С.М. Гласова, председателя Минского облисполкома А.И. Темкина, председателя Верховного суда БССР В.Я. Се-

дых, начальника Управления по делам искусств Ф.И. Дудиной и др. [5, д. 67, л. 227–227об., 228].

Последовавшее вмешательство ЦК ВКП(б) быстро разрешило ситуацию. Очевидно, по заданию Маленкова секретарь ЦК, МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербаков вызвал секретаря ЦК КП(б)Б по агитации и пропаганде Т.С. Горбунова (был старшим группы прибывших в Москву чиновников) и не без издевки поинтересовался: «Что это вы так быстро бежали из Белоруссии?» [31, с. 124–125]. Приведенные в чувство, все укрывавшиеся в Москве белорусские функционеры, за исключением двух серьезно больных, уже на следующий день выехали обратно в Могилев, в котором, правда, не задержались (был захвачен немцами 26 июля), отправившись в Гомель, а потом далее на восток.

Проблема кадров в освобожденной Западной Белоруссии

После того как три года спустя, летом 1944 г., вместе со всей республикой были очищены от врага ее западные области⁵ и потребова-

лись люди, способные организовать в них восстановление разрушенных и сожженных городов и сел, а также быстрое наращивание и расширение производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, первым делом вспомнили об участниках белорусского партизанского движения, показавшего себя, пожалуй, самым грозным и эффективным в боевом отношении отрядом народного сопротивления на оккупированных территориях СССР⁶. Вот почему в руководящем составе послевоенного кадрового корпуса Западной Белоруссии тон задавали вчерашние партизаны. 83 секретаря подпольных райкомов, семеро из которых имели звание Героя Советского Союза, возглавили райкомы мирного времени. Ветераны партизанского движения заняли ведущие позиции и в управлении сельским хозяйством региона. Среди председателей сельсоветов их было 66 %, председателей колхозов – 31 %, директоров МТС – 80 % [2, д. 155, л. 136]. Учитывая социально-экономическую специфику западных областей, кото-

⁵К таковым в послевоенный период относились: Гродненская, Брестская, Пинская, Барановичская (ликвидирована 26 апреля 1954 г.), Молодечненская (упразднена 20 января 1960 г.) и частично Полоцкая.

⁶К концу 1943 г. в Белоруссии насчитывалось около 153 тыс. партизан, объединенных в 998 отрядов и бригад (434 из них – в западных областях). Они контролировали 108 тыс. км² территории БССР (58,4 %), включая 37,8 тыс. км², полностью очищенных к тому времени от врага. А всего через республиканское партизанское движение прошло в войну почти 375 тыс. патриотов [34, с. 113, 126; 48, с. 380; 33, с. 291; 4, д. 139, л. 201об.].

рыми, как отмечалось, «нельзя заниматься от случая к случаю», руководство БССР решило в начале 1945 г. ввести в высших партийно-правительственных управленческих структурах республики (отделах ЦК Компартии, СНК, наркоматах, других ведомствах) специальную должность замруководителя по Западной Белоруссии и образовать из назначенных на эту должность чиновников Совет по западным областям при СНК БССР [2, д. 155, л.549–550].

Некоторые современные белорусские историки полагают, что «практика выдвижения руководителей в Беларуси после войны... была направлена на отстранение беларусов от власти» и что тогдашнее «доминирование русского этноса просматривается вполне отчетливо» [37, с.553]. Однако фактические данные этого не подтверждают. По составленной на их основе таблице видно, что во второй половине 1940-х гг., напротив, отмечался рост абсолютной и относительной численности белорусов в республиканских структурах власти.

Национальный состав основных работников республиканских, областных и районных органов номенклатуры ЦК КП(б)Б

[4, д. 139, л.215; 44, с.96]

Национальность	1941 г.		1945 г.		1948 г.		1949 г.	
	Количество работников	%	Количество работников	%	Количество работников	%	Количество работников	%
Белорусы	2109	57	2870	61,8	2879	62,5	2748	62,2
Русские	733	19,5	1248	25,9	1172	25,5	1185	26,8
Евреи	658	17,8	282	6,1	299	6,49	240	5,42
Украинцы	нет данных		нет данных		192	4,2	247	5,6

Более того, авторы, рассуждающие о доминировании русских кадров в управленческих звеньях БССР, невольно опровергают самих себя. Не решаясь игнорировать реальную динамику послевоенной представленности белорусов в республиканской компартии (базисной кадровой институции!), они признают, что если в 1945 г. их доля в ней составляла 46,5%, то в 1948 г. – 55%, а в 1955 г. – 60,2%. Те же авторы вынуждены констатировать, что, например, в том же 1955 г. белорусами было замещено 61,4% республиканских руководящих партийных должностей [37, с.554].

Пономаренко vs Гусаров

Разумеется, кадровая белорусизация осуществлялась никак не вопреки воле Москвы, а в рамках проводившейся ею национальной

политики. Другое дело, что в иных случаях центр лишь изображал заботу о правильной постановке кадровой работы в национальных регионах. Такой имитацией прикрывались обычно тайные аппаратные интриги. В водоворот одной из подобных игр и попал после войны руководитель Белоруссии Пономаренко. Будучи «человеком» Маленкова, он стал резко терять в номенклатурном рейтинге после того, как этот его покровитель оказался в мае 1946 г. в опале, лишившись стараниями группировки А. А. Жданова поста второго секретаря ЦК ВКП(б).

Но главным заказчиком и инспириатором той кадровой перетряски все же был Сталин, предпринявший ее, дабы окоротить тех государственно-партийных и военных деятелей, которые набрали в Великую Отечественную чрезмерные, как ему казалось, политический вес и общественную популярность. В отношении таковых он в первые послевоенные годы не прибегал к расстрелам (с середины 1947 по начало 1950 гг. смертная казнь в СССР была запрещена) и даже далеко не всех отправлял за решетку. Вместо этого в ход шли подспудная компрометация и кадровое понижение. Именно им и будет подвергнут Пономаренко (об этом далее), причем не один, а в компании с возглавлявшим Украину Н. С. Хрущевым, благо оба занимали в своих республиках по два главных поста – первого секретаря ЦК Компартии и председателя Совета Министров. Такая концентрация власти в одних руках, к тому же в странах-членах ООН, могла показаться мнительному Сталину избыточной и даже чреватой опасным антиимперским сепаратизмом. А то, что он сам возглавлял во всесоюзном масштабе и партию, и правительство, воспринималось им, наверное, как исключение, подтверждающее правило в духе известной пословицы о Юпитере и быке.

И вот как по заказу, Министерство госконтроля СССР провело в июле – августе 1946 г. в Минске ревизию Белглавснаба – организации, распределявшей в БССР трофейное имущество, товары, производившиеся в советской оккупационной зоне Германии, и благотворительную помощь, поступавшую по линии ЮНРРА. Памятуя о серии так называемых трофейных дел, инспирированных тогда Сталиным против высших чиновников и военных, можно предположить, что и эта проверка, вскрывшая крупные корыстные злоупотребления бе-

лорусских руководителей, включая и Пономаренко, не была случайной. В ходе нее была выявлена, в частности, незаконная бесплатная передача ему и его семье различного антиквариата на сотни тысяч рублей – хрустальной и фарфоровой посуды, столовых приборов, мебели, ковров, люстр, музыкальных инструментов, а также стройматериалов для личной дачи и т.п. Серьезные нарушения финансовой дисциплины обнаружались и при обследовании Управления делами ЦК КП(б)Б, предпринятом вскоре функционерами с московской Старой площади: закупка в комиссионных магазинах и на рынках на парт. – и госбюджетные средства дорогостоящей обстановки, посуды и пр. В октябре 1946 г., как нельзя кстати, в редакцию «Правды» поступило из Минска анонимное письмо, в котором утверждалось, что Пономаренко строил за госсчет личную дачу под Москвой [28; 29].

Впечатленный ли данными фактами или просто исходя из независимо от них принятого общего решения о должностном редуцировании первых лиц в Белоруссии и на Украине, но в конце 1946 г. Сталин направил в эти республики комиссии ЦК ВКП(б) во главе с инспекторами ЦК С.Б.Задюнченко и Н.И.Гусаровым, нацелив (через Жданова) на сбор соответственно в Белоруссии и на Украине данных, негативно характеризующих первых лиц республик и, так сказать, объективно обосновывающих необходимость их «задвижения». При этом и Задюнченко, и Гусаров были лично заинтересованы в расчистке для себя места первого секретаря и потому сделали все, что от них требовалось, и даже больше [28; 29].

31 декабря Задюнченко направил Жданову и другим секретарям ЦК ВКП(б) отчет о проверке в Белоруссии, в котором деятельность Пономаренко оценивалась как «неудовлетворительная» буквально по всем направлениям: от выполнения «важнейшей задачи» послевоенного восстановления народного хозяйства республики до руководства западными областями, в которых, как подчеркивалось, при «более 300 тысяч человек неграмотного населения... работа по ликвидации неграмотности поставлена крайне плохо». Особо отмечалось, что «крупные недостатки и ошибки в работе ЦК КП(б)Б являются результатом порочного метода и стиля работы бюро ЦК КП(б)Б и секретаря ЦК т.Пonomаренко» [4, д. 139, л.158–175].

В середине января 1947 г. Пономаренко вызвали в Москву на Старую площадь, где он вынужден был оправдываться по обвинениям, выдвинутым комиссией ЦК ВКП(б). Но это не имело никакого смысла – его отставка с поста первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии

была предreshена. Правда, поскольку за ним сохранялась должность председателя республиканского Совмина, вышедшее 25 января постановление ЦК ВКП(б) «О работе ЦК КП(б) Белоруссии» не содержало в отношении него сколько-нибудь жестких формулировок. В нем лишь отмечалось: «Бюро ЦК КП(б)Б прошло мимо мелкобуржуазных проявлений со стороны отдельных руководящих работников республики, развившихся в строительстве собственных домов с использованием государственных средств и материалов, в приобретении в собственность трофейных автомашин и другого имущества» [6, с.89].

Концовка постановления даже вселяла ложную иллюзию того, что Кремль не собирается ставить крест на Пономаренко как партийном руководителе БССР: «ЦК ВКП(б) требует от ЦК КП(б) Белоруссии и его первого секретаря т. Пономаренко улучшить работу ЦК КП(б)Б и его аппарата, развернуть критику и самокритику в работе бюро ЦК КП(б)Б, улучшить руководство областными комитетами партии, периодически проверять их работу и заслушивать отчеты, организовать контроль за выполнением своих решений, повысить требовательность к руководящим кадрам за выполнение порученной им работы» [6, с.93].

Если Пономаренко и обнадежила такая формулировка, то ненадолго. Ушатом холодной воды на его голову стали новый вызов в Москву и разговор 27 февраля 1947 г. со Ждановым, сообщившим, что Сталин «принял решение упразднить совмещение должностей председателя Совета Министров и секретаря ЦК на Украине и в Белоруссии, установленное во время войны» [35, с.142]. Уже вечером того же дня Пономаренко был приглашен вместе с Хрущевым на Политбюро в Кремль к Сталину [16, с.482], который первым делом спросил у них: «Вы, наверное, хотите остаться секретарями ЦК? Верно?» Затем, прервав затянувшуюся паузу, продолжил: «Раз оба молчите, значит, верно. Но мы решили вас назначить предсовминами ваших республик, а на посты первых секретарей ЦК назначить других работников». Обращаясь после уже непосредственно к Пономаренко и явно растравливая его подозрения в отношении интриг и «подкопов» Задионченко, Сталин сказал: «Мы решили направить к вам первым секретарем ЦК КП(б)Б товарища Задионченко С. Б. Как вы на это смотрите?» Красноречивым ответом на данный явно испытующий вопрос вождя, намеревавшегося поставить во главе одной из ведущих советских республик человека, когда-то оскандалившегося из-за сокрытия своего еврейства⁷, стала хму-

⁷ В 1938 г. Хрущев донес Сталину, что Семен Борисович Задионченко (тогда первый секретарь Днепропетровского обкома) «не искренен перед партией», выдавая себя за

рая мина на лице Пономаренко. И Сталин, удовлетворившись, видимо, произведенным эффектом и наигравшись в кошки-мышки, деловито подытожил, обращаясь к Пономаренко: «Видно, что с Задюонченко вы не сработаетесь, не стоит его посылать в Белоруссию». Затем, сделав паузу, поинтересовался: "А кого бы вы порекомендовали?"» [35, с.142].

Успокоенный тем, что несмотря ни на что Сталин продолжает с ним советоваться, Пономаренко назвал в качестве возможных своих преемников на посту первого секретаря ЦК КП(б)Б С. Д. Игнатъева, Н. Н. Шаталина, Н. С. Патолечева и Н. И. Гусарова. Из них Сталин выбрал последнего, благо того уже, видимо, намеревался сделать «первым», но на Украине⁸.

Н.И.Гусаров

Родился Николай Гусаров в одной из сельских слобод под Царицыным. Мыкаясь в бедной семье жестянщика и швеи, 11-летним был отдан в подпаски. Но в 1920-м, то есть уже при новой власти, стал в 15 лет сотрудником угрозыска. Проработав в уездной милиции всего лишь год, начал выстраивать по комсомольской линии аппаратную карьеру. Более полтора десятилетия занимал различные второстепенные должности, пока не перебрался в столицу и не одолел в МАИ три курса. В марте 1938 г. его, секретаря институтского парткома, взяли на работу в ЦК ВКП(б) в качестве ответственного ОРПО. Там он и познакомился с Пономаренко, которого, как упоминалось, именно тогда назначили замзавом этим отделом. И если последнего вскоре отправили руководить третьей по значению союзной республикой, то Гусаров получил в апреле 1938 г. скромную должность второго секрет-

украинца, а также скрывая настоящее имя Шимон Борухович Зайончик и еврейскую национальность [1, д.1072, л.37].

⁸ *Поскольку вместо «переброшенного» на Белоруссию Гусарова первым секретарем ЦК КП Украины стал еврей Л.М.Каганович, возникает вопрос, как Сталин, нагнетавший тогда латентный антисемитизм в стране, мог пойти на это. Скорей всего, он потому поступил именно так, что Каганович, в сравнении хотя бы с тем же Задюонченко, обладал в стране куда большим авторитетом, а за рубежом его карьерная успешность использовалась в официальном отрицании «измышлений западной пропаганды о наличии государственного антисемитизма в СССР». Экстренно назначенный он не долго пробыл во главе Украины – всего несколько месяцев, в Москву его отозвали уже в конце 1947 г.*

таря Свердловского горкома партии. Правда, уже в октябре Гусаров, восходивший наверх, как и Пономаренко, на кровавой опаре Большого террора, стал первым секретарем Молотовского (Пермского) обкома, возглавив один из ведущих в стране оборонно-промышленных регионов. В целом он хорошо показал себя там в годы войны, когда заводы области производили чрезвычайно важные для фронта броневую сталь, боеприпасы, различное артиллерийское вооружение, авиамоторы. И Сталин, лично контролировавший выпуск подобной продукции, определенно внес тогда Гусарова в свой условный список перспективных функционеров. В противном случае он не возвратил бы его в 1946 году в Москву, назначив инспектором ЦК ВКП(б). Однако это подогрело тщеславие прямолинейного и интеллектуально ограниченного Гусарова, который, явно преувеличивая важность собственной персоны в глазах вождя, не упускал случая побравировать тем, что «инспектор ЦК – это личный представитель Сталина» [27, с.8].

Получив пост первого секретаря ЦК КП Белоруссии, Гусаров не испытывал благодарности к рекомендовавшему его предшественнику. Напротив, примыкая к группировке Жданова, делал все возможное для дискредитации Пономаренко как «человека» Маленкова. Наверняка испытывая ревность к авторитету и общественной популярности «бывшего», Гусаров не разговаривал с ним неделями, а встретившись, «иногда переходил на грубость» [23, №4, с.136].

Чтобы опорочить Пономаренко, Гусаров инициировал в начале 1948 г. так называемое «коровье дело». На мартовском пленуме ЦК КП(б)Б вдруг вспомнил, как после выделения БССР начиная с 1944 г. нескольких партий трофейного крупного рогатого скота, 27 тыс. коров были бесплатно переданы в частные руки, притом что значительная и наиболее породистая их часть досталась не материально нуждавшимся семьям погибших воинов и партизан, как объявлялось, а ответственным партийным, советским и хозяйственным работникам. Обличив последних с позиции руководителя, облаченного в тогу непримиримого борца с хозяйственно-бытовым разложением и «частнособственническими инстинктами», Гусаров добился принятия решения о возврате коров государству всеми поголовно чиновниками, включая даже тех, составлявших подавляющее большинство, чье имущественное положение было весьма скромным [29].

«Коровье дело» Пономаренко воспринял как грубую провокацию, которой Гусаров хотел «развязать себе руки», избавившись от него как председателя Совмина. Разгадав этот маневр, Пономаренко, внутренен-

не негодуя, сохранял «полную невозмутимость» [23, №4, с.139–140]. Но в кулуарах пленума ясно дал понять Гусарову, что не намерен терпеть нападков, пригрозив пожаловаться в ЦК ВКП(б). Более того, когда тот, встревожась, стал отговаривать Пономаренко от такого шага, уверяя, что, поддерживая решение пленума по «коровьему делу», он поднимет свой авторитет «на три головы», вспыллил, не удержавшись от едкого сарказма: «Корова не сможет поднять нас двоих так высоко, поднимайся на ней ты один» [23, №4, с.140].

Поняв, что Пономаренко не уломать, Гусаров решил опередить его в апеллировании к центру. В этом его поддержал уполномоченный ЦК ВКП(б) по БССР Я.В.Строжев⁹, помогший подготовить бумагу, выставившую Пономаренко главным закоперщиком «аферы» с коровами. На всякий случай Гусаров еще и съездил в Москву, чтобы наверняка настроить Жданова против Пономаренко. Последний вспоминал: «А когда однажды из Москвы привалило 20 человек инструкторов ЦК, чтобы на местах проверить записку Гусарова, я был потрясен, думал, что дело мое плохо. И тоже стал писать записку, излагавшую действительную суть вопроса. Но я ее не дописал. Инструкторы вернулись в Москву и сказали, что вопрос от начала до конца состряпан тенденциозно. Они были по адресам, связанным с фактами, изложенными в записке Гусарова. Все это честные коммунисты, живущие с лишениями. У них по избе и корове, но нет иногда стола и стула, не говоря о кроватях. Вопрос был снят с повестки дня. Гусарову было указано на его неправильные обобщения и выводы» [23, №4, с.140].

Возможно, что Гусарову действительно «было указано», как постфактум пытался представить дело Пономаренко, но все же главным итогом той разборки стал чувствительный удар по нему самому. Если Гусаров продолжил руководить БССР, то Пономаренко лишился 17 марта 1948 г. и поста председателя Совмина республики. После чего несколько месяцев пребывал в подвешенном состоянии, пока Маленков не был полностью восстановлен 1 июля 1948 г. как второй секретарь ЦК ВКП(б), заменив Жданова, серьезно заболевшего и впавшего в немилость у Сталина. Именно в тот день Пономаренко вновь обрел под собой твердую номенклатурную почву, получив в Москве должность секретаря ЦК.

Но это будет потом, а за несколько месяцев до этого, 13 апреля 1948 г., Гусаров направил Сталину и В.М.Молотову записку о «возросшей антисоветской активности еврейских националистических элементов, пыта-

⁹ Как полагал Пономаренко, Строжев «был его (Гусарова. – Г.К.) советчиком и составил всю процедуру».

ющихся распространить свое влияние на массы еврейского населения, проживающего на территории Белорусской ССР» [10, с.130–133]. Посылая этот совершенно секретный документ, подготовленный министром госбезопасности БССР Л.Ф.Цанавой, на даче которого в ночь на 13 января 1948 г. был убит выдающийся еврейский артист и общественный деятель

И.В.Сталин, Г.М.Попов, Л.П.Берия, Г.М.Маленков, П.К.Пономаренко, Л.М.Каганович. Май 1949 г.

С.М.Михоэлс, Гусаров, наверняка знавший от того же Цанавы, что эту тайную «спецоперацию» санкционировал Сталин, надеялся таким образом поднять свою котировку на номенклатурной бирже Кремля.

Но, упоенный победой над Пономаренко, Гусаров упустил при сближении с Цанавой одно немаловажное обстоятельство – давние его теплые отношения с Пономаренко (дружбу семьями!) [31, с.81]. Сам же Цанава, конечно, не забыл, как осваивавшийся в качестве первого секретаря ЦК КП(б)Б Гусаров пытался заменить его на посту министра госбезопасности БССР Н.С.Сазыкиным, работавшим с ним до войны в Молотове начальником облуправления НКВД. (Цанава не только смог усидеть в своем кресле, но и избавиться месяца через два от навязанного ему заместителем Сазыкина, сплавив в Москву помощником Л.П.Берии.)

Помимо Цанавы, Гусаров имел немало других тайных врагов, число которых, как ни парадоксально, множил сам. Как отмечал Пономаренко, Гусаров «не стеснялся выражать недоверие к местным работникам,

Л. Ф. Цанавя

повел себя с ними высокомерно и грубо». Постоянно заявляя о необходимости «перешерстить» кадры, он неприятно шокировал участников одного из пленумов ЦК КП(б)Б – в большинстве своем бывших руководителей партизанского движения – следующей вульгарной сентенцией: «Как в Белоруссии после освобождения образовались органы партии и власти? Взяли по Ваньке из партизанского отряда – вот и все» [23, №4. с.36].

Дискредитируясь подобным образом, Гусаров, сам того не ведая, невольно содействовал Пономаренко, который, обретя высокое положение секретаря ЦК ВКП(б) и используя покровительство Маленкова, целенаправленно подготавливал реванш. Важным подспорьем в этом стала записка Цанавы главе МГБ СССР В. С. Абакумову о крупных провалах в сельском хозяйстве Белоруссии. Доложенная 13 апреля 1950 г. Сталину, она легла в основу постановления ЦК ВКП(б) от 10 мая «О недостатках в руководстве ЦК КП(б) Белоруссии сельским хозяйством». На открывшемся 31 мая четвертом пленуме ЦК КП(б)Б произошла развязка противостояния Гусаров – Пономаренко. Прибыв в Минск, последний не только выступил на пленуме с информацией об указанной директиве, но и как секретарь ЦК ВКП(б) обеспечил формализацию уже принятого Инстанцией решения о замене действующего первого секретаря ЦК КП(б)Б. И вот 3 июня Гусаров, обвиненный в том, что «игнорировал коллегиальность руководства... самолично изменял решения бюро ЦК... неправильно относился к критике недостатков... не работал с партийным активом... не информировал правдиво ЦК ВКП(б) о состоянии дел в республике» [32], смещается пленумом со своего поста, а вместо него избирается Н. С. Патолычев.

Возвращенный в Москву Гусаров опять становится инспектором ЦК ВКП(б). И хотя эта должность предполагала быструю метаморфозу в партийного руководителя того или иного региона, однако из-за фиаско в Белоруссии он на сей раз надолго задержался на ней – более чем на три года, вплоть до ноября 1953 г., когда был утвержден первым секретарем Тульского обкома. Но, уже войдя в карьерный штопор, пребывал в этом качестве всего лишь около двух лет, а потом опять был отозван в Москву и со значительным понижением назначен замминистра местной промышленности РСФСР.

Борьба с националистическим повстанчеством

Невероятно, но потаенные номенклатурные разборки, шедшие во властных кабинетах Москвы и Минска, не очень мешали решению текущих

проблем Белоруссии, включая и подавление в западных областях республики антиправительственной активности националистов, в том числе и вооруженной, подпитывавшейся с сопредельных территорий Литвы (Виленщина) и Польши. Наибольшая угроза региональной стабильности исходила от формирований польской АК¹⁰, которые в боевом плане не только не уступали отрядам УПА, но зачастую и превосходили их. Еще с 1943 г. местные группы АК стали интенсивно пополняться за счет поляков, ранее служивших в гитлеровской вспомогательной полиции и уверенно ориентировавшихся в местной специфике. Примерно с того же времени бойцы АК начали нападать на советских партизан и усиливать террор против просоветски настроенного гражданского населения и прятавшихся в лесах евреев.

Мобилизуя силы и средства для ответных действий, ЦК КП(б)Б принял 22 июня 1943 г. постановление «О дальнейшем развитии партизанского движения в западных областях Белоруссии» и направил в подпольные парткомы закрытое письмо «О военно-политических задачах работы в западных областях БССР», в котором особо подчеркивалось, что неприемлемо существование групп и организаций, выступающих против территориальной принадлежности Западной Белоруссии БССР

¹⁰ АК (*Armia Krajowa*) возникла 14 февраля 1942 г. на базе Союза вооруженной борьбы (*Związek Walki Zbrojnej, ZWZ*), созданного 13 ноября 1939 г. генералом В.Сикорским. После признания 30 июля 1941 г. Москвой польского эмигрантского правительства в Лондоне («соглашение Сикорского–Майского») АК начала предпринимать совместные операции с советскими войсками и партизанами против гитлеровцев, и особенно интенсивно на первых порах. Однако после того, как 25 апреля 1943 г. СССР разорвал отношения с лондонскими поляками, это сотрудничество стало перерастать во взаимную враждебность. Данный этап ознаменовался негласным сотрудничеством с гитлеровцами отдельных руководителей АК в Западной Белоруссии и Литве – А.Пильха («Гура»), Ю.Свиды («Лех»), Ч.Зайнчковского («Рагнер») и др. – в борьбе против советских партизан [50, с.194–196]. Отвергая суверенитет Москвы над территорией бывшей восточной Польши, АК еще с ноября 1943 г. действовала по плану «Буря» (“*Akcja Burza*”), предусматривавшему вооруженный перехват власти на местах в промежутке после ухода нацистов и перед приходом Красной армии. Но после освобождения последней Варшавы комендант (главнокомандующий) АК Л.Окулицкий вынужден был под давлением англичан подписать 19 января 1945 г. приказ о ее роспуске. Тем не менее она продолжала существовать в виде подпольной военизированной организации «Независимость – Не» (*Niepodległość – Nie*), которая, правда, просуществовала совсем недолго. Возглавивший ее Окулицкий вкупе с другими высокопоставленными «лондонцами» (Я.Янковским и др.) был уже в марте арестован советским «генералом Ивановым» (замнаркома внутренних дел СССР И.А.Серовым), а в июне осужден на 10 лет на «процессе 16-ти» в Москве.

и отстаивающих иностранные интересы, а также давались следующие практические указания: «1. Без шума ликвидировать руководителей польского подполья. 2. Польские отряды разоружать, оружие со складов реквизировать; рядовых партизан, если есть возможность, включать в борьбу с немцами под советским руководством. 3. Среди разоруженных и рассредоточенных по советским отрядам поляков выявлять вражеские элементы»¹¹.

Поскольку выполнение данной директивы далеко не завершилось к моменту освобождения Западной Белоруссии летом 1944 г. и АК оставалась еще довольно сильной в военном отношении¹², ее лесными боевиками всерьез занялись войска НКВД, принявшие эстафету у советских партизан. 21 августа подразделения 32-го полка внутренних войск разгромили отряд командира Новоградского округа АК майора М.Каленкевича («Котвич»), ликвидировав его самого и еще 35 офицеров окружного штаба [50, с.319–320].

С 8 сентября 1944 г. была предпринята новая серия крупных ЧВО против вооруженных структур АК. В ходе их произошло более 30 боев столкновений, приведших к рассеиванию 54 вооруженных групп, уничтожению 89 и взятию в плен 419 их участников. В последующих зачистках (облавах, прочесывании лесов) было убито еще 50 чел. и задержано 20774 [43].

Выход 12 октября 1944 г. совместного приказа НКВД СССР и НКГБ СССР №001258/00389 «О мероприятиях по усилению борьбы с антисоветским подпольем и ликвидации вооруженных банд в западных областях Белорусской ССР» знаменовал собой дальнейшее наращивание сил и средств для пресечения действий в этом регионе АК, УПА и других националистических формирований. Одних внутренних войск там удалось сконцентрировать к концу 1944 г. до 13 полков общей численностью 18 890 чел. [17, с.211–212; 436–437], что позволило ликвидировать в тот год 275 бандгрупп с 768 участниками, пособниками и укрывателями, а также арестовать 3590 боевиков, подпольщиков и их пособников [17, с.145].

¹¹ Цит. по: [50, с.158–159].

¹² Если в конце 1943 г. в Западной Белоруссии (главным образом в Гродненской, Молодечненской, Барановичской областях) действовало 10 отрядов АК, суммарно имевших в своих рядах 1266 бойцов, то в последующем численность АК в этом регионе существенно выросла. Только в Новоградском округе АК (Гродненская и Барановичская области) она составила к весне 1944 г. 7 тыс. бойцов [48, с.379–380; 38].

Тем не менее в западных областях БССР еще продолжало действовать на 1 января 1945 г. 81 польское, украинское и иное националистическое боевое формирование общей численностью в 2385 участников.

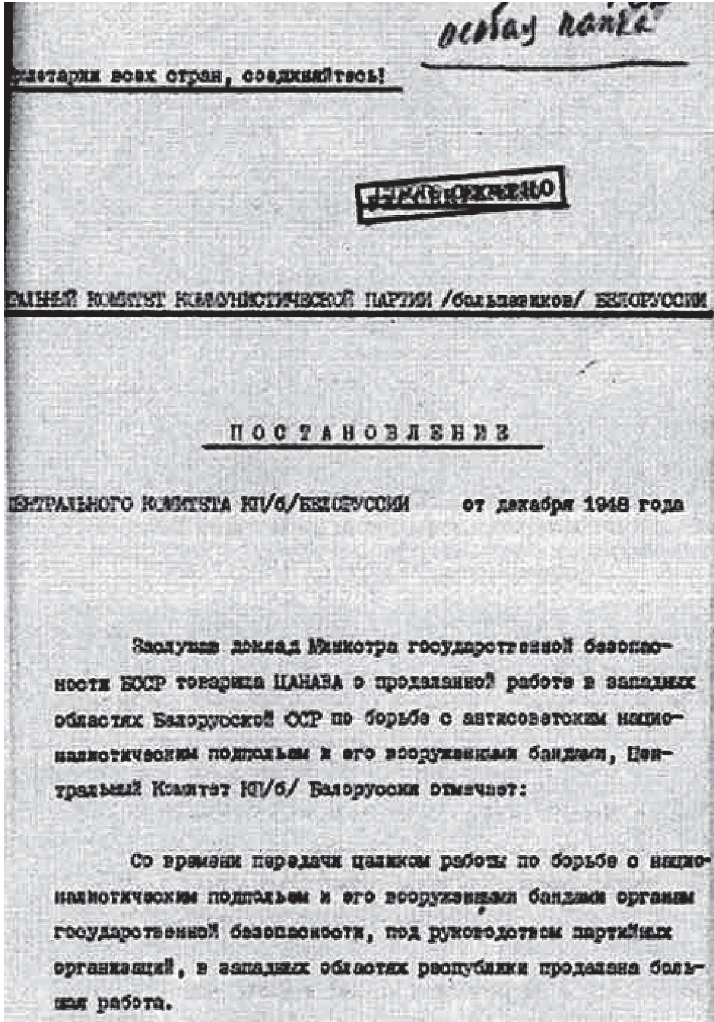
Один из отрядов АК в Западной Белоруссии

В течение 1945 г. они совершили 189 терактов, убив 138 и ранив 25 советско-партийных функционеров и местных жителей, а также осуществив 3 диверсии, 41 грабёж и 13 поджогов различных построек. Противодействуя террору националистов, внутренние войска Белорусского округа провели с января по октябрь 1945 г. 1384 ЧВО, в результате которых количество оперировавших в регионе групп боевиков снизилось к 1 октября 1945 г., по неполным данным, до 38, а общая их численность – до 281 чел. К тому же удалось покончить со сколько-нибудь крупными отрядами АК, которые были рассеяны по лесам. Подводя в июле 1946 г. итог двухлетней борьбы с боевиками в Западной Белоруссии, ЦК КП(б)Б докладывал в Москву:

- «ликвидировано 814 подпольных террористических организаций и вооруженных банд, из них 667 польских, 97 белорусских, 23 украинских и 27 других фашистско-националистических организаций и банд» и при «их разгроме убито 3035 и арестовано 17872 бандитов и участников подпольных антисоветских организаций»;
- захвачено 211 минометов, 193 противотанковых ружей, 3587 пулеметов, 68377 автоматов и винтовок, 2979 пистолетов, 36078 гранат

и мин, 5 тонн тола, около 4 миллионов боевых патронов, 40 множительных аппаратов, 47 раций;

- в ходе боевых операций войска НКВД потеряли убитыми 924 чел. [50, с.338].

Постановление ЦК КП(б)Б «О состоянии работы по борьбе с антисоветским националистическим подпольем и бандитизмом в западных областях БССР». 3 декабря 1948 г. (Национальный архив Республики Беларусь)

Чтобы спасти своих партизан и подпольщиков от полного уничтожения, руководство АК предприняло их массовую отправку в Польшу под видом репатриантов, снабдив документами, сфальсифицированными тайными агентами в официальных переселенческих структурах.

В 1945 г. из Новогрудского округа АК было вывезено около 300 боевиков, но самому «коменданту» округа Л.Ненартовичу («Мазепе») не повезло: 15 августа его арестовали [50, с.337].

Согласно информации Гусарова в ЦК ВКП(б), на июль 1947 г. в западных областях насчитывалось «до 40 банд (из них в Гродненской области – 18), которые, несмотря на свою малочисленность, ведут активную антисоветскую деятельность» [3, д.894, л.89–99]. В том же году ноябрьско-декабрьский пленум ЦК КП(б)Б поставил перед партийными и советскими организациями следующие важнейшие задачи: «полная ликвидация в западных областях БССР остатков разгромленных польских, белорусских, украинских националистических банд» и «окончательное разоблачение враждебной белорусскому народу» националистической идеологии [14, с.99].

Чрезвычайное положение в Западной Белоруссии фактически сохранялось до 1949 г. Все это время и потом советские военные противостояли там агрессивному национализму не только силой оружия, но и мирными средствами: выступлениями перед гражданским населением агитбригад политработников; оказанием воинскими частями практической помощи селянам (в первую очередь безлошадным и семьям фронтовиков) в сборе урожая зерновых и овощей, а также в ремонте школ и изб-читален [6, д.37, л.96, 98–100; 33, с.483].

Организованное сопротивление польских националистов удалось подавить лишь к весне 1953 г.: 20 марта их последняя группа была рассеяна в Зельвенском районе Гродненской обл. [33, с.493]. Примерно к этому времени в БССР в основном было покончено и с коллективным повстанчеством украинских националистов, добивавшихся включения белорусского Полесья в будущую «самостийную соборную Украину». Пик боевой активности отрядов ОУН–УПА, локализованных на территории Брестской и Пинской областей, пришелся на 1944–1946 гг. В тот период они совершили 2384 диверсии и теракта, приведших к гибели 1012 чел., в том числе 50 сотрудников НКВД, 8 офицеров, 28 солдат и сержантов внутренних войск, а также 171 партийного и советского работника и 298 гражданских лиц [20, с.10]. Однако, получив мощный отпор, бандеровцы располагали к октябрю 1951 г. в БССР лишь несколькими недобитыми «боевками», составлявшими вместе с ячейками АК 13 групп общей чис-

ленностью 67 чел. Наряду с ними продолжали разрозненно действовать еще 30 «бандитов-одиночек» [20, с.413–414].

Чтобы снизить накал повстанческого сопротивления, правительство Белоруссии дважды – в 1945 и в 1947 гг. – объявляло полную амнистию всем, кто не запятнал себя тяжкими преступлениями. Подавляющему большинству боевиков, отказавшихся, сложив оружие, сдаться властям и продолжавших фанатично сражаться, был уготован печальный конец. В мае 1952 г. был убит А. Т. Степанюк («Богун»), руководивший с мая 1948 г. БОП ОУН¹³. Помимо него в 1944–1952 гг. в БССР захватили 34-х и ликвидировали 50 главарей бандеровцев, включая М. Березовского («Евген»), А. Клинового («Шах», «Панас») и др. Последняя группа ОУН под руководством И. Панько («Сикора»), обнаруженная в Ивановском районе Брестской обл., была ликвидирована в том же 1952 г. После чего на свободе осталось лишь около двух десятков боевиков-одиночек [42].

А. К. Гранский – начальник Управления по борьбе с бандитизмом НКВД (МВД) БССР (1944–1948). В 1945 г. награжден орденом Ленина за «большую работу по вскрытию и изъятию... националистического и бандитского элемента»

Всего с 1944 по апрель 1953 гг. в БССР арестовали 1320 подпольщиков ОУН и боевиков УПА, а также их пособников [20, с.450].

Наряду с польскими и украинскими националистами, в Западной Белоруссии действовали и литовские (в Гродненской, Молодечненской и Полоцкой областях), где, собственно, проживали этнические литовцы. Тамошние отряды «лесных братьев» были рассеяны силами МВД–МГБ в 1946–1947 г. Однако туда продолжали совершать ночные рейды их соратники из Литовской армии свободы (Lietuvos laisvės armija) и т. п. военизированных организаций с территории Литвы, где даже на нача-

¹³ Находясь в подчинении «Краевому проводу северо-западных земель Украины», БОП руководил Брестским, Кобринским и Пинским надрайонными проводами; до 1948 г. именовался Брестским окружным проводом.

до 1955 г. действовало, по официальным данным, 6 бандгрупп общей численностью 26 чел. и 25 одиночных «лесных братьев» [7, д. 72, л. 94]. Во исполнение постановления ЦК КПСС от 30 декабря 1952 г. министр госбезопасности СССР С. Д. Игнатьев подписал 24 января 1953 г. приказ о нанесении в феврале – апреле 1953 г. «сокрушительного удара» и «ликвидации до конца националистического подполья и вооруженных банд в западных областях Украинской и Белорусской ССР, в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР» [8, д. 238, л. 5–7]. И хотя внутренние войска сделали все возможное для того, чтобы достойно увенчать десятилетие борьбы с вооруженными националистами в Западной Белоруссии полной победой над ними, однако обезвредить всех так и не удалось. По оперативным данным госбезопасности, даже на 1 января 1955 г. в Западной Белоруссии продолжали действовать и скрываться до шести одиночных вооруженных националистов [7, д. 72, л. 94].

Оценивая в целом значение повстанческого движения в истории послевоенной Белоруссии, важно отметить главное: ни АК, ни ОУН–УПА, ни тем более группы литовских «лесных братьев» не пользовались сколько-нибудь широкой поддержкой белорусского населения западных областей республики, включая крестьян, составлявших подавляющее большинство (80%) местных жителей. К ним они испытывали преимущественно страх и ненависть, стараясь помочь властям в обезвреживании опасных чужаков. Возможно, поэтому в Западной Белоруссии, в отличие от Западной Украины, не проводилось сколько-нибудь массовых депортаций гражданских лиц в отдаленные регионы СССР в связи с родственной связью и солидарностью с националистами-боевиками.

Идейная подгонка западных областей под восточные

Специфика общественно-политической ситуации в Западной Белоруссии, характеризовавшаяся непродолжительной, всего лишь двухлетней

довоенной советизацией и последовавшим трехлетним воздействием оккупационной гитлеровской пропаганды, заставила власти сразу после освобождения региона взять курс на усиленную идейную перековку его жителей. Отправным пунктом стало постановление ЦК ВКП(б) от 20 января 1945 г. «О политической работе партийных организаций среди населения западных областей БССР». В соответствии с ним VI пленум ЦК КП(б)Б потребовал 18 февраля: «<...> Партийные организации обязаны учитывать, что большая часть интеллигенции в западных областях формировалась в панской Польше под влиянием помещичье-бур-

жуазной идеологии, что у старых кадров интеллигенции сильны еще капиталистические предрассудки, и что поэтому недооценка партийно-политической работы с интеллигенцией и перевоспитание ее в социалистическом духе теперь, когда решается большая государственная задача дальнейшего укрепления советской власти в западных областях БССР, особенно нетерпимы. <...> Партийные организации обязаны учитывать, что без перевоспитания интеллигенции в советском духе и привлечения ее к активному участию в политической жизни и культурной работе невозможно успешно решить серьезные задачи хозяйственного и культурного строительства в западных областях Белоруссии... Пленум ЦК КП(б)Б считает первоочередной задачей партийных организаций, особенно западных областей БССР, окончательное разоблачение всех фашистских националистов, их идеологии...» [19, с.55–57].

Поскольку в данной директиве особо предписывалось «до конца разоблачить антимарксистские извращения и вражескую контрабанду буржуазно-националистического характера в исторических вопросах, имеющих в работах отдельных историков» [19, с.59], на следующем пленуме ЦК КП(б)Б, рассмотревшем в конце 1947 г. вопрос «О политической работе среди интеллигенции», уже конкретно критиковались историки, заподозренные в прозападных симпатиях и приверженности «буржуазно-националистической» «теории золотого века» Белоруссии в составе Великого княжества Литовского [48, с.401–402].

Еще одним объектом повышенного внимания Агитпропа в Западной Белоруссии была та образованная и социально активная молодежь, которая в период оккупации тяготела к Белорусской центральной раде, Белорусской народной самопомощи, Союзу белорусской молодежи (калька Гитлерюгенда), Белорусской краевой обороне, другим коллаборационистским организациям, усиленно разыгрывавшим карту белорусского национализма и использовавшим такую атрибутику, как бело-красно-белый флаг, герб «Погоня» и т.п. Среди пронацистских структур, пожалуй, самую печальную известность снискала Белорусская независимая партия, представлявшая собой аналог ОУН, подобно которой имела военно-повстанческое крыло и сотрудничала с Абвером (немецкая военная разведка и контрразведка). Правда, члены БНП действовали значительно менее масштабней, чем бандеровцы¹⁴.

¹⁴ Из-за скудости источников получили распространение несколько противоречивых версий относительно БНП и одного из ее лидеров М.А. Витушки (Витушко). По одной из них он был убит в начале 1945 г., а саму организацию чекисты разгромили на Белосточчине спустя год, казнив в мае 1946 г. по «делу шести» захваченных руководителей. По другой – часть повстанцев БНП уцелела, продолжая оперировать в лесах Западной Белоруссии

Как ни парадоксально, но росту воинственного этнонационализма в молодежной среде отчасти невольно содействовали советские агитпроповцы, особенно те из них, которые, прибыв с востока и не зная белорусского языка, а также игнорируя и даже попирая местную культурно-бытовую специфику, проводили советизацию с грубыми перехлестами¹⁵. Ответной реакцией стал резкий рост среди молодежи, преимущественно городской, антисоветских настроений. В первую очередь именно в этой эмоционально подвижной социальной страте и возникали подпольные националистические организации. Среди них выделялись следующие:

- **Союз белорусских патриотов.** Был создан на Витебщине на рубеже 1945–1946 гг. учащимися педучилищ городов Глубокое и Постава. Приняв присягу на верность белорусскому народу и разбившись на автономные группы-«пятерки», члены СБП ставили целью выход Белоруссии из состава СССР и достижение ею независимости. Они вели националистическую агитацию, изготавливая и распространяя антисоветские листовки. Внедрение в организацию негласных агентов МГБ привело в феврале 1947 г. к ее разгрому и арестам всех членов. По делу прошло два процесса, осудивших более 40 чел. Четырех руководителей СБП, обвиненных в измене родине, военный трибунал приговорил к смертной казни, которую из-за отмены в мае 1947 г. заменили 25-летним тюремно-лагерным сроком. Остальных также отправили в лагерь: 27 чел. на 10 лет, 3-х – на пять, а одного – на 3 года.

- **«Чайка».** Группа под таким романтическим названием была учреждена в мае 1946 г. в окрестностях Слонима, возглавлялась бывшим членом СБМ В. Супруном. В конце 1946 – начале 1947 гг. ячейки «Чайки» появились в Бресте (в железнодорожном техникуме), Жировичах (в сельхозтехникуме), Ганцевичах (в педагогическом училище), Барановичах (в учительском институте), в Пинском и Ильянском районах. Некоторые из них – в Слонине, Барановичах и Бресте – объединились в Центр белорусского освободительного (вызвольнага)

чуть ли не до середины 1950-х гг. Причем Витушка якобы смог прорваться в 1950 г. на Запад, где умер в 2000-х гг. [26, с.154].

¹⁵ *Этот момент был после смерти Сталина конъюнктурно обыгран Л.П.Берией, настоящим на принятии 12 июня 1953 г. постановления Президиума ЦК КПСС, констатировавшего: «...особенно неблагоприятным является привлечение на руководящую работу в партийные и советские органы западных областей Белорусской ССР коренных белорусов – уроженцев этих областей, что является грубым извращением советской национальной политики» [15, с.62].*

движения. В ожидании неизбежной, по мнению лидеров «Чайки», войны между СССР и Западом ее члены готовились к партизанской войне против коммунистического режима. Летом 1947 г. организация была выявлена, а более 30-ти ее участников арестовано. Почти всех обвинили в подготовке вооруженного восстания с целью отделения Белоруссии от СССР и после осуждения военными трибуналами войск МВД в Барановичах (16–18 октября 1947 г.) и Минске (21 ноября 1947 г.) отправили в лагеря на сроки от 5 до 25 лет.

- **Союз освобождения Белоруссии.** Действовал с ноября 1946 по май 1947 гг. в Новогрудке и других городах Барановичской обл. Основатель – Г.Козак, который в годы войны был сначала членом СБМ, а потом в Берлине служил солдатом и унтер-офицером в батальоне БКО, преобразованном в 30-ю (1-ю белорусскую) ваффен-гренадерскую дивизию СС. Там же вступил в БНП. После войны возвратился в БССР. Разработал устав СОБ и его программу, предусматривавшие обретение Белоруссией независимости. 30 мая 1947 г. органы госбезопасности арестовали 18 членов союза, а в августе они получили от военного трибунала войск МВД от 8 до 25 лет лагерей. Оказавшись в Карлаге (пос. Долинка), Козак вскоре погиб при невыясненных обстоятельствах.

- **Союз борьбы за независимость Белоруссии.** Возник летом 1946 г. и действовал до начала 1949 г. на территории Столбцовского, Клецкого и Несвижского районов Барановичской обл. Основатель – бывший секретарь районной организации СБМ и служащий БНС И.Романчук («Ястреб»), большинство участников – студенты Гродненского пединститута. Программа союза отражала упование его членов на то, что скорое военное столкновение между СССР и Западом принесет Белоруссии независимость. Именуя себя президентом Белоруссии, Романчук сколотил вооруженную банду (16 чел.), которая терроризировала, грабила и убивала сотрудников советских силовых структур и работников партийного и советского аппарата. В мае 1949 г. он был захвачен в одном из боестолкновений и приговорен военным трибуналом войск МВД к 25 годам лагерей.

- **Мядельско-Сморгонская организация.** Основана Р.Лапицким в 1947 г. Действовала в райцентрах Молодечненской обл. Мяделе и Сморгони, занимаясь в основном изготовлением и распространением

ем листовок и другой антисоветской пропагандисткой деятельностью. Просуществовала до начала 1950 г., когда прошли аресты ее членов. Заседавший 17–20 июля 1950 г. в Молодечно трибунал Белорусского военного округа вынес Лапицкому смертный приговор (исполнен 28 октября), а его поделщиков отравил в лагеря: 11 чел. на 25 лет, 4 – на 10 лет и 1 – на 8¹⁶.

Антисоветскую молодежную активность в западных областях БССР власти, несомненно, воспринимали не только как политический вызов системе, но и как серьезную идеологическую угрозу. Также настороженно они относились и к католической церкви, духовно питавшей этнонационализм и существенно влиявшей на массовое сознание в этом регионе. Поэтому данная конфессия подвергалась после войны наибольшим рестрициям и гонениям. И начавшиеся интенсивные миграция населения и репрессии привели к тому, что уже к 1946 г. в Барановичской, Брестской, Гродненской, Молодечненской, Пинской и Полоцкой областях осталось 387 действовавших костелов и 225 ксендзов против, соответственно, – 416 и 501 в 1939-м [40].

Ситуация еще более усугубилась после обращения 23 июля 1947 г. Н.И. Гусарова в ЦК ВКП(б) с запиской «О фактах реакционной антисоветской деятельности польского католического духовенства в западных областях БССР». В ней утверждалось, что «застрельщиками и вдохновителями антисоветской борьбы польских националистов, пошедших на службу к англо-американским реакционерам, чаще всего являются представители реакционного католического духовенства – ксендзы и руководимый ими костельный актив» [3, д.894, л.100–109].

В тот год католическим священникам запретили не только подготовку местных детей к первому причастию, но и любое другое религиозное общение с ними. Объявленную тогда в БССР процедуру официальной перерегистрации смогли пройти к 1 января 1948 г. только 234 католических общины из 272 ранее действовавших. А к 1950 г. были закрыты и переведены в Польшу все католические монастыри – два в Гродно и по одному в Друе, Кобрине, Несвиже, деревнях Городец и Грибовщина (Антопольский и Несвижский районы) [40].

После смерти Сталина положение католичества несколько улучшилось. Из лагерей и ссылок стали возвращаться священнослужители этой

¹⁶Подпольные молодежные группы были вскрыты также в местечке Лебедево (Молодечненская обл.; 1948–1951 гг.), в Лиде (1950–1951 гг.), Пинске, Полоцке и других городах [46; 47].

конфессии. К началу 1956 г. в БССР действовало 152 костела: 80 в Гродненской области, 54 в Молодечненской и 16 в Брестской [40].

Характеризуя в целом развитие Западной Белоруссии в послевоенный период, следует отметить, прежде всего, что хотя оно в общем плане совпадало с тем, что происходило и в других западных этнорегионах СССР (Западной Украине, республиках Прибалтики, бессарабской Молдавии), однако в отдельных частностях имело и свои особенности. И главной из них, как представляется, являлась более быстрая и менее болезненная (в сравнении с теми же Западной Украиной и Прибалтикой) советизация западнобелорусского населения и его политико-экономическая, идеологическая и социально-психологическая адаптация в рамках имперского проекта СССР.

Список сокращений

АК	Армия Крайова
Белглавнаб	Главное управление снабжения при СНК (СМ) БССР
БКО	Белорусская краевая оборона
БНП	Белорусская независимая партия
БНС	Белорусская народная самопомощь
БОП	Белорусский окружной провод ¹⁷
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
М.–СО	Мядельско-Сморгонская организация
МАИ	Московский авиационный институт
МГБ	Министерство государственной безопасности
МВД	Министерство внутренних дел
МГК	Московский городской комитет
МК	Московский комитет
МТС	машинно-тракторная станция
НКВД	Наркомат внутренних дел
ОРПО	Отдел руководящих партийных органов
ОУН	Организация украинских националистов
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	Российский государственный военный архив
СБМ	Союз белорусской молодежи

¹⁷Провод (укр. провід) – руководство в организациях.

СБНБ	Союз борьбы за независимость Белоруссии
СБП	Союз белорусских патриотов
СНК	Совет Народных Комиссаров
СМ, Совмин	Совет Министров
СОБ	Союз освобождения Белоруссии
УПА	Украинская повстанческая армия
ЦК	Центральный комитет
ЦШПД	Центральный штаб партизанского движения
ЧВО	чекистско-войсковая операция
ЮНРРА (UNRRA)	Администрация помощи и восстановления ООН (United Nations Relief And Rehabilitation Administration)

Библиографический список

1. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3.
2. РГАСПИ. Ф.17. Оп.45.
3. РГАСПИ. Ф.17. Оп.117.
4. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122.
5. РГАСПИ. Ф.17. Оп.127.
6. РГВА. Ф.38656. Оп.1.
7. РГВА. Ф.38651. Оп.1.
8. РГВА. Ф.40600. Оп.1
9. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы / сост. Н.А.Бондаренко [и др.]. Мн., 2003.
10. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 (Россия. XX век. Документы) / Сост. Г.В.Костырченко; под общ. ред. А.Н.Яковлева. М., 2005.
11. Из истории Великой Отечественной войны [Публ. документов] // Известия ЦК КПСС. 1990. №7. С.193–216.
12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. / Под общ. ред. А.Г.Егорова, К.М.Боголюбова. В 16 тт. Т.7: 1938–1945 гг. М., 1985.
13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). 9-е изд., доп. и испр. В 16 тт. Т. 8: 1946–1955. М., 1985.
14. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК / Под ред. Г.Г.Бартошевича. В 6 тт. Т.4: 1945–1955. Мн., 1986.
15. Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. (Россия. XX век. Документы) / Под общ. ред. А.Н.Яковлева; Сост. В.Н.Наумов, Ю.В.Сигачев. М., 1999.

16. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Науч. ред. А.А.Чернобаев. М., 2008.
17. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) / Сб. док. Сост. Владимирцев Н.И., Кокурин А.И. М., 2008.
18. Освобожденная Беларусь. Док. и мат. В 2 кн. Кн.1. Сент. 1943 – дек. 1944 / Сост.: В.И.Адамушко и др. Мн., 2004.
19. Освобожденная Беларусь. Документы и материалы. В 2 кн. Кн.2. Январь – декабрь 1945 / Сост. В.И.Адамушко и др. Мн., 2005.
20. ОУН-УПА в Беларуси. 1939–1953 гг.: документы и материалы / сост. В.И.Адамушко [и др.]. 2-е изд. Мн., 2012.
21. Сталинские депортации. 1928–1953 (Россия. XX век. Документы) / Под общ. ред. А.Н.Яковлева; Сост. Н.Л.Поболь, П.М.Полян. М., 2005.
22. Холокост на территории СССР. Энциклопедия / Гл. ред. И.А.Альтман. М., 2009.
23. Пономаренко П. События моей жизни [фрагменты мемуаров] / Предисл. А.Кудравца, подгот. текста и публ. Ф.Т.Константинова // Неман. 1992.
24. Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. С.385.
25. Белозорович В.А. Западнобелорусская деревня в 1939–1953 годах. Гродно, 2004.
26. Ёрш С.Вяртаньне БНП. Асобы і дакумэнты Беларускай Незалежніцкай Партыі. Менск-Слонім, 1998.
27. Гусаров В.Н. Мой папа убил Михоэлса. Frankfurt a. M., 1978.
28. Жирнов Е. «В разбазаривании государственного имущества и излишествах повинны руководители Белоруссии» // Коммерсантъ Власть. 2020. 8 ноября. №44.
29. Жирнов Е. «Особая бесхозяйственность» // Коммерсантъ Власть. 2010. 15 ноября. №45.
30. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960. М., 2003.
31. Иоффе Э.Г. Пантелеймон Пономаренко: «железный» сталинист. Мн., 2015.
32. Иоффе Э.Г. Его называли наместником Сталина. К 110-летию Николая Гусарова: малоизвестные факты из жизни бывшего руководителя компартии Беларуси.
33. История белорусской государственности. В 5 т. Т.4. / А.А.Коваленя, Н.Б.Нестерович и др. Мн., 2019.
34. Коваленя А.А., Шашкевич Н.С. Великая Отечественная война советского народа (В контексте Второй мировой войны). Минск, 2004.
35. Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999.
36. Литвин А.М. К вопросу о количестве людских потерь Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Беларусь ў XX стагоддзі: зб. навук. прац. Вып.1. Мн., 2002.
37. Мазец В.Г. Национальная политика коммунистов в БССР (1945–1985 гг.) // История имперских отношений: белорусы и русские. 1772–1991 гг. / Сост., пер. с бел. яз., науч. ред. Тарас А.Е. 2-е изд. Мн., 2008. С.508–556.

38. Матох В. Лесные братья // БелГазета. 2006. 17 апр.
39. Магусевич В.А. Социалистическая законность в деятельности местных Советов БССР в послевоенный период (1945–1952 гг.). Очерки. Мн., 1960.
40. Навіцкі У.І. Дзяржаўна-канфесіянальныя адносіны ў 40–90-я гг. // Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В.В.Грыгор'ева, У.М.Завальнюк, У.І.Навіцкі (наук. рэд.), А.М.Філатава. Мн., 1998.
41. Население России в XX веке. Исторические очерки / Под ред. Ю.А.Полякова. В 3-х тт. Т.2. 1940–1959. М., 2001.
42. Озимко К. Деятельность Украинской повстанческой армии в белорусском Полесье.
43. Рыбак Н. Метады і сродкі ліквідацыі акаўскіх і постакаўскіх фарміраванняў у заходніх абласцях Беларусі у 1944–1954 гг. // Беларускі Пстарычны Зборнік (Białoruskie Zeszyty Historyczne; Białystok). 2000. № 14.
44. Смиловицкий Л.Л. Евреи Белоруссии: до и после Холокоста. Сб. избр. статей. Иерусалим, 2020.
45. Спирин Л.М. Сталин и война // Вопросы истории КПСС. 1990. №5. С.90–105.
46. Тарас А.Е. Антисоветское молодежное подполье в БССР (1944–1951 гг.) // Деды. Вып.7. Мн., 2011.
47. Тисецкий А. «Президент Беларуси» Иван Романчук, он же «Цыган», он же «Ястреб», и «Союз борьбы за независимость Беларуси» (Эпопея в Барановичской области 1944–1949»).
48. Чигринов П.Г. Очерки истории Беларуси / 3 изд. испр. Мн., 2007.
49. Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004.
50. Яковлева Е.В. Польша против СССР. 1939–1950 гг. М., 2007.

Павел Чернов

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

ПОЛКОВЫЕ ИСТОРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

УДК

94(47).08

В конце XIX – начале XX вв. в России было издано несколько сотен историй воинских частей, авторами которых были профессиональные военные. Ни одна из этих книг и брошюр не претендует на оригинальность и самостоятельность в оценках описываемых исторических событий и персон, что ставит под сомнение правомерность возможности считать их частью отечественной историографии. В то же время перспективным выглядит анализ этих изданий как инструмента коммеморации. В статье рассматривается использование истории воинских частей для складывания представлений о прошлом как средстве формирования имперской идентичности.

In the late XIX – early XX centuries in Russia, several hundred stories of military units were published, the authors of which were professional military personnel. None of these books and pamphlets claim to be original and independent in their assessments of the historical events and persons described, which casts doubt on the legitimacy of considering them part of Russian historiography. At the same time, the analysis of these publications as a tool of commemoration looks promising. The article considers the use of the history of military units for the formation of ideas about the past as a means of forming an imperial identity.

Ключевые слова: полковые истории; историческая память; имперская идентичность; армия России.

Key words: regimental history; historical memory; identity of the Imperial Russian army.

E-mail: pulsar.pvl@mail.ru

В 1874 г. в России была проведена реформа, коренным образом изменившая систему комплектования армии [22]. Отменялась рекрутчина, существовавшая с петровских времен, и вводилась всесословная воинская повинность, которая предусматривала призыв на несколько лет на службу в вооруженных силах с последующим зачислением в запас и мобилизацию в случае войны. В дореформенный период долговременное пребывание в армии (от пожизненного до 15-летнего срока) обеспечивало бывшим крестьянам обретение политической устойчивости («надежности» в терминологии XIX века). Новобранцы в своих полках не только приобретали профессиональные навыки, но и узнавали «предания» части.

Еще в царствование Николая I военное руководство осознало необходимость «исторического» просвещения нижних чинов. Об этом свидетельствует выход в 1847 г. первого номера специального журнала «Чтение для солдат», предназначенного для «умственного и нравственного самообразования». Один из пяти разделов этого периодического ежемесячного издания включал в себя тексты исторического характера «с применением статей к понятиям солдата» [16]. Сокращение срока службы потребовало интенсифицировать воспитательную работу с личным составом, поскольку число нижних чинов, являвшихся носителями традиций и преданий, резко сократилось. Быстрый подъем грамотности в тех слоях населения, которые являлись основным призывным контингентом, совершенствование системы обучения чтению нижних чинов уже в составе армии, повышало эффективность печатного слова при решении поставленных задач.

Во второй половине XIX в Военном министерстве сложилось мнение о потребности использования исторической литературы для идеологической и политической работы с солдатами и матросами. «Исходя из той мысли, что одним обучением нельзя выработать истинных солдат, и что для сего необходимо еще и воспитать их в духе беззаветной преданности своему августейшему вождю, любви к общему нашему отечеству – России и уважении к законному порядку, генерал-адъютант Столыпин в своих приказах по Гренадерскому корпусу неоднократно указывал, что лучшим и вернейшим способом для достижения этих воспитательных целей послужит составление кратких историй частей, благодаря чему явится возможность воскресить в памяти войск великие образы минувших времен, старую славу и доблестные подвиги наших боевых предков» [2, с.3], – говорится в истории Самогитского гренадерского полка. Аналогичные фразы читатель обнаруживает практически

во всех изданиях такого рода. Истории из «славного боевого прошлого», примеры отваги, смекалки и самопожертвования в изданиях «для нижних чинов» должны были способствовать повышению «нравственности» солдат и матросов. Для убедительности эти примеры предполагали помещению их в рамки реальных исторических событий с указанием эпохи и царствования, с названием мест и дат сражений, имен военачальников и т. д. В результате полковые «памятки» и другие варианты истории частей становились пособиями, по которым военнотружущие знакомились с прошлым своей страны.

Полковые истории русской армии

Во второй половине XIX века правительство было убеждено в необходимости формирования у военнотружущих разных национальностей и вероисповеданий представлений о единстве имперских вооруженных сил. Понятие «идентичность» тогда еще не вошло в употребление, но значение подобных конструктов, консолидирующих воинские коллективы, уже никем не оспаривалось. Память о «совместно пролитой крови» становилась одной из основ сплоченности «русского воинства».

Написание полковых историй в последней трети XIX – начале XX вв. приняло поистине массовый характер [4, с.88–90; 5, с.1–14; 20]. Библиографические справочники позволяют утверждать, что в этот период вышло 687 изданий такого рода, различных по объему, жанру, полиграфическому исполнению и т. д. [15].

История полка – особый жанр

Несмотря на солидные объемы многих трудов, на использование огромного числа разнообразных источников (архивных документов, мемуаров и т. д.), наличие в ряде изданий таких элементов как сноски, именные, предметные и географические указатели, полковые истории

трудно считать научными сочинениями. Ни одна из них не претендует на оригинальность и самостоятельность в оценках описываемых исторических событий и персон. Все авторы (исключительно офицеры) выглядят адептами официально-монархического взгляда на события прошлого. Однако трудно утверждать или опровергать тезис о том, что такой взгляд объясняется их политической позицией. Известно, что российское офицерство в целом относилось к консервативному крылу [7, с.292–294]. Главной причиной определенной идейной монолитности полковых историй в данном случае является их «вторичность», следование тем общеисторическим и специальным текстам, которые оказывались в распоряжении их авторов.

В связи с этим изучение полковых историй как области отечественной историографии не представляется корректным. Гораздо более адекватным подходом выглядит их анализ как инструмент формирования исторической памяти и даже инструмента политики памяти, хотя само такое понятие в XIX – начале XX вв. еще не было в ходу.

Полковые историографы довольно часто опирались на первоисточники, но тексты, написанные ими, во всех без исключения случаях являются пересказом документов без малейшей попытки подвергнуть эти материалы источниковедческому анализу. Создается впечатление, что авторы даже не подозревали о необходимости его проведения. Это не вызывает удивления, поскольку все они не имели соответствующей профессиональной подготовки. Таким образом, полковые истории представляли собой компиляции, причем иногда на основе нескольких изданий, также не отличающихся академизмом. Нередкими являются текстовые совпадения, временами носящие дословный характер.

Кроме потребности в воспитании нижних чинов, написание полковых историй мотивировалось еще двумя обстоятельствами. Во второй половине XIX века происходили важные изменения в составе командного состава Российской армии, он активно пополнялся элементами, которые тогда нередко называли «демократическими» [11, с.210–212]. Доля потомственных дворян в офицерском корпусе неуклонно падала, что вызывало озабоченность правительства и порождало в военной публицистике призывы к усилению воспитательной работы не только с рядовым, но и с командным составом. В связи с этим полковым историям придавалось значение инструмента, позволявшего повысить боеготовность вооруженных сил. Эти книги рассматривались не только как способ просвещения офицеров, но и как форма профессионального образования. История ратного искусства традиционно являлась важ-

ной частью программ военно-учебных заведений всех уровней, и повествования о боевых действиях в различные эпохи вполне укладывались в рамки такой дидактической литературы. В полковых историях в ряде случаев заметны следы того, что их авторы получали хорошие оценки при изучении мирового военного опыта.

Еще одной важной причиной массового написания полковых историй во второй половине XIX – начале XX вв. является то, что данный период характеризуется общим повышением интереса к отечественному

Изображение М.И. Кутузова на страницах
Истории Псковского пехотного полка

прошлому. Одна из характерных особенностей этого явления – очевидная тенденция к демонстрации личной, родовой или корпоративной причастности к эпохальным событиям и знаменитым персонам. Авторы такого рода книг всеми способами старались показать роль своих частей в знаменитых победах русского оружия, историческую связь с именами А. В. Суворова, М. И. Кутузова, А. П. Ермолова, М. Д. Скобелева и др. В этом отношении полковые истории – одна из составляющих того коммеморативного процесса, который бурно развивался в России в изучаемый период. Офицерство составляло часть того, что в дореволюционную эпоху было принято называть «образованным

обществом», которое тогда охватила настоящая юбилейная лихорадка [27, с.42–43]. «Сегодня первый акт гусарского праздника в Царском Селе по случаю 50-летнего гусарства государя императора. У нас завелся юбилейный недуг. Ко всему привязываются, чтобы отпраздновать...» – записывал министр внутренних дел П. А. Валуев в своем дневнике 22 апреля 1868 г. [6, с.266].

Эта профессиональная группа была чрезвычайно активна при подготовке празднования юбилеев, при сборе средств на памятники и в проведении иных коммеморативных акций. В результате этого написание истории воинской части становилось чрезвычайно органичным явлени-

ем. Вооруженные силы пополнялись новыми частями в каждое царствование, что позволяло без проблем подобрать дату «славной годовщины» (200-летие, 150-летие, 75-летие и т.д.).

Массовой публикации трудов такого характера очень способствовала такая особенность военного мира, как соперничество полков, являвшихся основной организационной единицей сухопутных войск. Книга, в которой были представлены все доказательства воинских заслуг, служила в этом соперничестве очень важным инструментом. Эта конкуренция в ряде случаев принимала довольно острые формы, отголоском чего являлись опасения, что она может «...внести нотки нездорового сепаратизма». Начальник штаба корпуса гренадеров генерал-майор А. И. Маныкин-Невструев на торжественной трапезе по случаю 11-летия штурма сказал: «Плевна и Карс, это два гренадерских близнеца, два дорогих, блестящих, драгоценных камня в победном венке, которым украсил себя Гренадерский корпус в минувшую кампанию. В силу этого не может быть никакой розни между гренадерами, бывшими под Плевной и гренадерами, бывшими под Карсом» [2, с.71].

Формирование полка как сотворение мира

Тексты практически всех книг и брошюр построены по хронологическому принципу – от формирования части полка до года завершения работы. Иногда конечным рубежом являлся юбилей, к которому старались приурочить выпуск полковой истории или «памятки». Поскольку на протяжении XVIII–XIX вв. воинские части неоднократно переименовывались и реформировывались, существовало официальное положение о праве считать своими те боевые заслуги, которые имели предшественники. Таковыми считались части, служившие своеобразными донорами при создании нового полка. Например, 117-й Ярославский пехотный полк, учрежденный в 1863 г., имел законное право на лавры Смоленского пехотного полка, появившегося в списках армии в 1833 г., и который, в свою очередь, получил при формировании два батальона из состава Курского пехотного полка, существовавшего в русской армии с 1763 г. [21]. Многие истории частей содержат фрагмент, посвященный генеалогии части, а в приложениях обычно помещается хронологическая таблица с указанием всех переименований и реформирований [2, с.4–6]. Это исключает недоумение по поводу наличия у полка, сформированного во второй половине XIX века, регалий за подвиги в Наполеоновских войнах. Почти во всех историях содержится отсылка к славе

«предков», максимально четко выраженная следующим образом: «В первые же дни существования полка в нем был насажден тот корень, который в будущем дал рост его боевому направлению» [30, с.4].

Завершаются книги тирадами, раскрывающими их главное назначение: «Вот вам, молодые Ярославцы, история жизни и подвигов родного полка. Многие страницы ее записаны кровью наших предков! Было много побед, бывали и поражения, но ни в одном из них наш полк не запятнал трусостью или бегством своей вековой славы!» [14, с.77].

Практически все полковые истории имеют приложения, в которых приведены имена полковых командиров и шефов, списки георгиевских кавалеров, списки чинов убитых и раненых в различных кампаниях и отдельных сражениях. Такие материалы придают этим трудам дополнительную убедительность.

История полка по-разному встраивалась в общую картину событий. В одних случаях авторы предвзято описывали военные действия указывая на обстоятельства военного конфликта. Применение силы обосновывалось необходимостью защиты христиан от угнетения иноверцами (войны с Турцией) или потребностью оказать помощь союзникам (война с Францией 1806–1807 гг. и Венгерская кампания 1849 г.) [14, с.42, 45, 48]. В других случаях повествования о походах и сражениях начинаются без каких-либо объяснений.

За царем служба не пропадет...

Вооруженные силы были важным социальным лифтом, многие отставные солдаты не возвращались в деревню, а находили занятия, не только позволявшие прожить без изнурительного труда (сторожа, лесники, конюхи, ремесленники, торговцы и т. д.), но и создававшие для их детей более выгодные позиции для дальнейшего социального роста. Более того, выходцы из податных сословий в армии имели реальную возможность выслужить обер-офицерские чины и пополнить ряды дворянства. Наиболее часто такая возможность появлялась во время военных действий, когда наградой для рядовых за боевую заслугу становилось производство в унтер-офицеры, а для унтер-офицеров – награждение чином прапорщика (подпоручика) с последующим продвижением по карьерной лестнице. Многие полковые истории содержат страницы, которые можно объединить в рубрику, озаглавленную известной поговоркой «За царем служба не пропадет». В них

рассказывается о людях, которые пришли в армию простыми солдатами, а вышли в отставку, не только украшенные орденами и медалями, но и обеспечившими своему потомству материальное благополучие и высокий социальный статус. В книге о Самогитском гренадерском полке помещен портрет командира 2-го батальона подполковника В.И. Грановского. Он поступил в эту часть рекрутом в 1848 г. и прослужив в нижних чинах 15 лет, в 1863 г. за отвагу в бою с польскими повстанцами получил Знак ордена Св.Георгия и был лично Александром II произведен в подпоручики [2, с.42]. В рассказах для нижних чинов – конногвардейцев упоминается судьба солдат, которые при Аустерлице захватили французское знамя. Ф.А. Ушакова «определили» служителем в полковой лазарет, а в 1816 г. произвели в прапорщики в Саранскую инвалидную команду. И.Ф. Омельченко в 1816 г. произвели в прапорщики, в 1828 г. – в подпоручики, а в отставку ветеран полка вышел в чине капитана с орденом Св.Георгия 4-й степени за выслугу 25 лет в офицерских чинах [29, с.24].

Такие фрагменты в полковых историях придавали конкретность историям о подвигах однополчан, наглядно связывали воинские заслуги и возможность изменения социального положения. В данном случае конструирование исторической памяти в «полковом» формате полка получало важное социальное наполнение.

История полков и культуры военачальников

В полковых историях отчетливо просматривается воздействие «культур», т.е. устоявшихся практик поклонения самым известным военным героям и эпохальным сражениям. Главными фигурами здесь были Петр Великий, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, А.П. Ермолов, М.Д. Скобелев. В советское время из списка великих царских военачальников был вычеркнут Г.А. Потемкин, тогда как до 1917 г. он в этот список входил. Свидетельство тому – присвоение его имени эскадренному броненосцу Черноморского флота, спущенному на воду в 1900 г. При первой же возможности авторы старались показать, что в прошлом их часть воевала под знаменами этих известных полководцев. Тем самым тексты такого рода превращались в средство формирования исторической памяти, распространения и закрепления в сознании россиян определенных приемов символического обозначения военных заслуг.

Так же старательно акцентировалось внимание читателя на участии в Полтавской и Бородинской битвах, как и в обороне Севастополя

ский король Фридрих Великий, автор книги об этом виде войск в России применил следующую формулу: идея создания высоко маневренных батарей родилась в голове Петра I, а развитие она получила полвека спустя уже в мозгу правителя Пруссии [1, с.12].

Как известно, Павел I в отечественной историографии часто обвиняется в насаждении пруссачества. Редкий текст о его царствовании обходится без указания на конфликт на этой почве императора с А.В.Суворовым (образ которого можно назвать эталонным). Однако офицеры конной артиллерии заметно выделяются своим «добрым словом» в адрес этого императора, указывая на то, что их вид оружия обязан своим существованием этому правителю, и что именно он сделал много полезных нововведений. Более того, это царствование в целом представлено очень комплиментарно [1, с.15–27].

Коварные поляки...

Важная особенность военной меморации – ее особая роль в формировании образа врага. История вооруженных конфликтов представляет собой ряд сюжетов, в которых на авансцене находится не только тот, от лица которого ведется повествование, но и противник [18, с.14]. При этом противник занимает особое место, поскольку именно его действия во многих случаях диктуют складывание картины происходившего на поле боя и на фронте в целом. Поэтому даже в тех случаях, когда авторы не ставят перед собой задачу характеризовать своего врага, им приходится это делать по законам военной истории. Противник в полковых историях – тот самый «чужой», образ которого необходим для формирования собственной национальной и культурной идентичности, причем этот «чужой» наделяется особо отрицательными чертами из-за специфики военных текстов.

Характеристики противника формируются вследствие использования традиционных риторических приемов и лексики для описания единоборств. Враг именуется жестоким, коварным, упорным и т.д. Разумеется, во многих случаях эти слова и обороты речи применяются не для объективного изображения происходившего, а для того, чтобы возвысить свои собственные моральные качества, чтобы показать высокую цену победы, объяснить причины военных неудач. Кроме того, военные нарративы в целом, а данном случае – полковые истории создавались под сильным влиянием общей политической и социокультурной обстановки.

Анализ текстов полковых историй позволяет говорить о существовании определенного ранжирования противников, правильнее сказать – их образов. По частоте упоминаний, по объему текстов, отведенных на описание походов и сражений, есть все основания на первое место поставить турок. Объяснений тому несколько. К рубежу XIX–XX вв. российская регулярная армия имела в своем «послужном списке» девять войн с османами (1695–1696; 1711–1713; 1735–1739; 1768–1774; 1787–1791; 1806–1812; 1828–1829; 1853–1856; 1877–1878). Из-за продолжительности столкновений двух империй воевать с османами довелось многим воинским частям. Вторым фактором можно назвать то обстоятельство, что важнейшим лозунгом российских вооруженных сил была борьба за освобождение христиан (славян) от иноверцев. В контексте этой борьбы турки упоминались чаще всего. Для полков, сформированных после Крымской войны, единственной возможностью продемонстрировать свою доблесть стала Русско-турецкая война 1877–78 гг., поскольку в подавлении восстания в Польше 1863–1864 гг. и операции по присоединению Средней Азии участвовало сравнительно небольшое число полков. К тому же к военным заслугам так называемых «туркестанцев» в армии России существовало определенное предубеждение [10, с.58–59]. Кроме того, победы над турками в истории России традиционно связывались с именами Петра Великого, Г.А.Потемкина, А.В.Суворова и М.Д.Скобелева, а о значении культа этих полководцев уже говорилось выше. Наконец, в отношении России и Турции сохранялась определенная военно-политическая напряженность, и этот южный сосед в конце XIX – начале XX рассматривался как один из самых вероятных противников.

Несмотря на четыре войны со шведами (1700–1721; 1741–1743; 1788–1790; 1808–1809), полковые историографы не наделяли шведов именем «природных» врагов россиян. Несмотря на постоянно возраставшее в изучаемый период напряжение между коронной властью и финляндцами, шведы в полковых историях представлены противниками России только в тех случаях, когда участие в войнах с ними занимало какое-то особое место в истории частей. Хотя этнические шведы играли большую роль в национальном движении Финляндии, они не выглядели «опасностью», поскольку в российской публицистике рубежа XIX–XX столетий для определения антироссийски настроенных граждан Великого Княжества Финляндского в большинстве случаев используется корректное выражение «финны» или презрительное слово «чухны» («чухонцы»). Уже упоминавшаяся аполитичность армии препятствовала превращению политических противников в противников военных. Несмотря на то, что

коренное население «страны тысячи озер» составляло около 10% численности шведской армии до 1809 г., а в частях, воевавших против России, доля этнических финнов была еще выше, представители этого народа не относились в полковых историях к категории «противник».

Французы были недругами во время кампаний 1805–1814 гг., а Отечественная война в дореволюционной истории считалась самым важным событием. Бородино стало важнейшим символом воинской доблести и успешно конкурировало с таким символом, как Полтава, несмотря на значимость культа Петра Великого, в котором победа в 1709 г. над Карлом XII занимает едва ли не центральное место. Французский контингент сыграл важнейшую роль в захвате Севастополя во время Крымской войны. Несмотря на эти обстоятельства, французы не стали для русских «исчадиями ада». Это проявилось уже в 1854–1855 гг. в Крыму. Есть немало свидетельств о том, что русские, несмотря на всю ожесточенность боев, относились к этим противникам со своеобразной симпатией, отдавая дань их воинским качествам. При этом имели случаи расправы с ранеными или пленными англичанами. Несмотря на эпизодичность прямого военного столкновения с британцами, в полковых историях довольно отчетливо просматривается живучесть тезиса «англичанка гадит». На смягчении взгляда на французов, как противников, в этот период несомненно сказалось и сближение двух стран с последующим заключением военного соглашения 1892 г. [23]. Дело дошло до того, что в 1912 г. правительство приняло меры против излишне резких высказываний при праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. [25, с.21].

О французах, несмотря на рассказы о кровопролитных боях в 1799, 1805, 1806–1807 и 1814 гг., в историях Ярославского полка говорится без оскорбительных выпадов. Это вполне можно расценить как следствие союзнических отношений в начале XX столетия. В пользу этого свидетельствует следующая фраза в истории Ярославского пехотного полка: «Из уважения к русской храбрости, наши недавнее противники – французы прислали 10 марта (1856 г. – *ПЧ*) к нам в полк свою депутацию; ее угостили на славу; На следующий день в гости к французам поехали наш командир полка со всеми штаб-офицерами. С той поры между недавними жестокими врагами завязалась искренняя дружба» [25, с.54].

Немцы (пруссаки) были противниками России только во время Семилетней войны 1756–1763 гг. Хотя в 1812–1814 гг. под французскими знаменами воевало большое количество войск из германских государств (Саксония, Бавария, Вестфалия, Вюртемберг, Пруссия, Гессен–Дармштадт и др.), Отечественная война 1812 г. рассматривалась как столкновение

с французами. Сказалось и союзничество во время Наполеоновских войн. Немцы (германцы) в полковых историях не выглядят как обязательные противники. Победы над ними поминаются либо в высокопарных фразах для демонстрации, что русские солдаты одерживали верх над «всеми нациями», либо при напоминании о том, что в Семилетней войне они одолели самого непобедимого Фридриха Великого. Все вышеуказанные неприятели характеризуются не эмоционально, в отличие от поляков, которые в полковых летописях выглядят коварными и жестокими врагами.

В истории Ярославского полка о поляках сказано: «они проявили такое зверство, которое возмутило все русские войска и послужило поводом к новой кровопролитной войне» [14, с.16]. Подробное, эмоциональное и наиболее пространное описание боев с поляками в 1792–1794 гг. (в совокупности более 12 страниц) создавало впечатление, что именно они являются главнейшими противниками русской армии. «В 1863 г. вспыхнул польский мятеж. Шайки поляков прятались по лесам, нападали на русские поселки, вешали тех, кто оставался верен русскому Царю, разоряли и грабили русские казенные учреждения» [14, с.55]. Это особенно заметно на фоне того, что ни турки, ни шведы, ни кавказские горцы, ни крымские татары, с которыми пришлось ярославцам «скрестить штыки», не наделены какими-то отрицательными чертами.

Читатель истории Самогитского гренадерского полка также получал негативное представление о поляках: «От татарского ига спаслось только одно славянское племя поляков, живших в далеких и недоступных татарам болотистых лесах. С тех пор началась рознь между русскими и поляками. Русские страдали под татарским игом, а поляки, живя близко к немцам, от которых они переняли латинскую или католическую веру, сильно отделились от остальных православных славян и не только не помогали им, а даже часто, вместе с татарами, грабили русскую землю и, наущению немцев и латинцев, пытались обратить всю Русь в католичество... Поляки заодно с Французами сражались против немцев и русских...» [2, с.11–13]. Это представление усиливалось после прочтения указаний на «черную неблагодарность» поляков, которые в ответ на прощение их выступления на стороне Наполеона и на царские милости, подняли в 1830 г. восстание [2, с.13–17]. Дополняло картину изображение того, как «стыд и злоба» придали польским изменникам новые силы в сражении под Гроховым, когда они увидели в рядах своих противников части Литовского корпуса, не изменившие присяге [2, с.27–28]. При этом причины такого поведения поляков представлены предельно лаконично: в 1794 и 1815 гг. были «поделены» между Россией, Австрией

и Пруссией, «возмущение» 1831 г. вообще никак не объясняется, а события 1863–1864 гг. преподносятся так: «...Сбежавшие в 1831 г. за границу мятежники решили вновь поднять восстание» [2, с.38].

Так называемые Польские походы 1768–1772 гг., Польские войны 1792–1794 гг. и 1830–1831 гг., а также подавление восстания в Польше в 1863–1864 гг. нашли свое отражение во многих полковых историях. Это в некоторой степени связано с уже упоминавшимся характером хронологий

Варшава. Памятник фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу 1870 г.

императорских вооруженных сил. Для частей, созданных после Отечественной войны 1812 года, Польские походы 1831 и 1863–1864 гг. были очень значимыми событиями. Подавление восстания 1831 г. было увековечено в столице империи установкой Московских триумфальных ворот, а в Варшаве – памятником фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу и польским генералам, павшим от рук повстанцев. Ликвидация Польши как независимого государства в 1794 г. неразрывно связана с образом А. В. Суворова, который командовал армией при штурме Варшавы. Еще одна важная причина негативного отношения к полякам, которое просматривается в риторике анализируемых изданий, – традиционная для дореволюционной России полонофобия.

Не победное, но героическое

Общей особенностью военно-исторических мифов, нацеленных на формирование представлений о героическом прошлом, является умолчание о проигранных сражениях и войнах. Если таковое оказывается неудобным, военная неудача представляется «победой духа», внимание акцентируется не на исходе битвы, а на подвигах отдельных частей, солдат и офицеров. Распространенностью этого приема, нацеленного

на воспитание военнослужащих, объясняется то, что в полковых историях много места уделено сражениям при Аустерлице (1805 г.) и Фридлянде (1807), неудачному штурму Браилова (1810) и т.д. Так, в историях частей, которые выглядели достойно в катастрофической для русской армии битве при Аустерлице в 1805 г., этой странице истории 3-ей антифранцузской коалиции уделено большое внимание [1, с.30–33].

Русско-шведские войны 1741–1743 гг. и 1788–1790 гг. по целому ряду причин не заслужили должного внимания со стороны отечественных ученых, предельно скромно отражены эти вооруженные конфликты и в исторической памяти [19, с.112–116]. Разгром корпуса генерала Римского-Корсакова в Швейцарии и неудачи экспедиционного корпуса генерала Германа в Голландии в 1799 г. традиционно оказываются в тени славы тогда же совершенного знаменитого перехода корпуса Суворова через Альпы. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. также по известности уступает войнам екатерининской эпохи (1768–1774 и 1787–1791 гг.). Авторы полковых историй не следовали траектории общего героического российского мифа, поскольку таковая вступала в конфликт с героизацией истории полка как корпорации. Так, в истории Ярославского полка показано участие ярославцев во втором Роченсальмском сражении 27 июня 1790 г., которое закончилось уничтожением русского гребного флота и гибелью большого числа солдат и матросов.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. в отечественной истории и в отечественном героическом мифе занимает очень скромное место, поскольку память о ней вступает в конфликт с такими важнейшими элементами Петровского и Суворовского (Екатерининского) культов как взятие Азова и Очакова. Еще в дореволюционную эпоху сложилось прочное представление, что первую турецкую крепость взял Петр I в 1696 г., а вторую – Суворов в 1788 г. При этом крайне редко встречаются упоминания, что русские знамена над этими форпостами османского владычества в северном Причерноморье поднимались соответственно еще в 1737 и 1738 гг. Кроме того, фокусировке внимания на этом столкновении Петербурга и Стамбула препятствовало то обстоятельство, что главными фигурами тогда оказались полководцы, являвшиеся своеобразными символами так называемого «немецкого засилья», упоминание которого – обязательный элемент описания царствования Анны Иоанновны. Этими причинами можно объяснить, что в ряде полковых историй эта война полностью отсутствует, хотя могла бы пополнить список воинских заслуг этой части [3].

Аустерлицкое сражение в подробностях читатель видит в истории гвардейских улан, поскольку их часть в нем отличилась и за это была причислена к гвардии [3, с.7–9]. Эта же публикация подробно описывает бой под Красным, поскольку именно уланы оказались в той группировке, которой генерал Милорадович сделал знаменитый «подарок» накануне своих именин [3, с.18–19]. Он «подарил» русским кавалеристам отступавшую колонну французов. Этот эпизод является своего рода обязательным фрагментом очень многих текстов, посвященных истории Отечественной войны 1812 г.

Героическое сражение под Красным

Особое внимание во всех историях уделено тем событиям, за которые полки имели регалии. Эти знаменательные для воинской части битвы и кампании описаны с повышенной эмоциональностью и подробно, им в общем объеме книги выделено большое количество страниц. Очень часто в полковых историях упоминаются предметы, занимавшие видное место в полковых музеях. Так, автор истории гвардейских улан акцентировал внимание на бамбуковых пиках, которые стали обязательной частью вооружения полка после того, как это повелел Александр II в память о трофеях, взятых в 1878 г. в Адрианополе [3, с.32].

Кавказские полки

Персидский поход Петра Велико-го в 1722–1723 гг. положил начало формированию особой воинской группировки, основной задачей которой стало решение имперских задач на пространстве между Черным и Каспийским морем. Сначала она называлась Низовым (Персидским) корпусом, с входящими в него войсками Кавказской линии. Присоединение Закавказья привело к созданию в 1811 году Грузинского корпуса, переименованного в 1820 г. в Отдельный Кавказский Корпус (с 1857 г. – Кавказская армия). В учрежденном в 1865 г. Кавказском военном округе к 1914 году имелось три армейских корпуса, первые дивизии которых состояли из полков, чья история была, в основном, связана с присоединением этого огромного и обширного региона к России. В сражениях и походах против турок, персов и горцев принимали участие десятки частей императорской армии, причем некоторые из них провели в этих операциях наибольшую часть своего существования, их коллективные регалии и отличия их чинов являются напоминанием о боях в этом регионе.

Таким образом, в течение двух веков на Кавказе сформировалась своеобразная военная корпорация, претендовавшая на признание ее особых заслуг в строительстве империи и на свой особый статус. Пехотные полки, воевавшие еще под командованием А. П. Ермолова (Апшеронский, Грузинский, Кабардинский, Кавказский, Куринский, Мингрельский, Навагинский, Тенгинский, Тифлисский, Ширванский, Эриванский), и кавалерийские полки (Тверской драгунский и Нижегородский драгунский) сформировали неофициальную местную «гвардию» с такой же неофициальной внутренней иерархией [9, с.9–13]. В 1863 г. из резервных и гарнизонных батальонов с использованием вышеуказанных частей в качестве «доноров» сформировали двенадцать новых полков (Черноморский, Таманский, Пятигорский, Владикавказский, Бакинский, Дербентский, Кубинский, Елисаветпольский, Имеретинский, Кутаисский, Абхазский). В 1865 г. этот список пополнился Северским драгунским полком. В 1875 году таким же способом сформировали Александропольский, Ахалцыхский, Ленкоранский и Закатальский пехотные полки. В 1880–1890-е гг. распространение всеобщей воинской повинности на христианское население Кавказа привело к появлению Ардагано-Михайловского, Горийского, Лорийского, Новобаязетского, Потийского, Сальянского, Сухумского, Шемахинского пехотных полков. Кроме того, в этом регионе было сформировано несколько Кавказских стрелковых батальонов, пе-

реформированных в начале XX в. в полки. Огневую поддержку этим войскам оказывали несколько артиллерийских бригад, также считавших Кавказ местом своей славы.

Некоторые из названных полков в изучаемый период были дислоцированы вне Кавказского военного округа, но их регалии настойчиво напоминали о боевом прошлом, связанным с этим краем. 151-й Пятигорский пехотный полк в 1894 г. перевели в Варшавский военный округ, но его первый батальон строился под Георгиевским знаменем с надписью

«За взятие Карса 6 ноября 1877», все офицеры части имели нагрудные знаки «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г.», а нижние чины – такие же знаки на головных уборах. Своими предками «пятигорцы» считали «тифлисцев» и «самурцев», поскольку именно из этих, уже прославленных, частей были выделены так называемые «кадры». Таким образом, несколько полков, составлявших ядро Кавказской армии, служили здесь с начала XVIII столетия, с легендарных петровских времен. Несмотря на то, что во второй половине XVIII – начале XIX они прославились на полях Европы, своим основным военным поприщем эти части считали Кавказско-горскую войну.

При всех переформированиях и переименованиях так называемые «кавказские» полки получали своего рода «закваску» в виде ветеранов, которые служили носителями традиций и боевых навыков. Уже упоминавшаяся корпоративная конкуренция полков также способствовала скорейшему формированию традиционного комплекса, придававшего необходимые черты индивидуальности новой части [17, с.283].

Для полков кавказской армии фокусировка внимания на их боевых заслугах в боях против горцев, персов и турок была своеобразной компенсацией за европоцентричность отечественного военно-исторического нарратива. Империя смотрела на запад и презентовала Европе свою воинскую доблесть прежде всего в знаках побед в сражениях с французами, шведами и турками. Легендарный кавказский генерал П. С. Котлярев-

Офицерский и солдатский нагрудные знаки
«За отличие при покорении
Западного Кавказа в 1864 году»

ский, сыгравший важную роль в войне с Персией 1804–1813 гг., сетовал в 1846 году на забвение героев сражений на Кавказе, что выглядело, по его мнению, особо несправедливо на фоне внимания к участникам войны с Наполеоном [26, с.186–187]. Еще один пример – переименование Восточной войны 1853–1856 гг. в войну Крымскую. Второе название решительно вытеснило первое по причине фокусировки внимания на события вокруг Севастополя и в связи с формированием представления о войне как о столкновении православной и высокодуховной России с враждебным, морально ущербным Западом, и битва эта развернулась в Крыму. На европейском театре военных действий царская армия терпела неудачу за неудачей, на азиатском (на Кавказе) раз за разом побеждала, но это не отменяло ощущения катастрофы, охватившей Россию в последние годы правления Николая I.

О том, что основное внимание историков и читающей публики было обращено на Балканский театр военных действий, свидетельствуют различные библиометрические данные. В российской печати тексты по истории военных действий в Закавказье как в Крымскую войну, так и в Русско-турецкую 1877–1878 гг. по объему и по количеству значительно уступают материалам, посвященным боям и походам в Европейской Турции [12; 24; 28; 8]. Об этой диспропорции генерал-майор С.О.Кишмишев, уроженец Армении, ветеран боев с горцами и турками, разведчик (в 1863–1864 гг. был на нелегальном положении в Анатолии), писал со всей откровенностью в одной из лучших монографий по истории войны 1877–1878 гг.: «Четыре раза в XIX столетии Азиатская Турция становилась для нас театром военных действий, и каждый раз, когда нам там приходилось иметь дело, внимание наше было отвлечено другим театром войны, событиями на Дунае, на Балканах, в Крыму, вообще ходом дел в Европе решалась участь наших войн с Турцией. То же, что совершалось в Азии, служило только придатком к летописям нашей военной славы. [...] Война в Азиатской Турции в представлениях русского общества рисовалась чем-то отдаленным и малозначачим – точно не наши сыновья и не наши братья совершали там чудеса геройства и проливали кровь свою, и каждый раз, как громы ее умолкали, самая память о ней как бы исчезала бесследно...» [13].

Таким образом, полковые истории второй половины XIX – начала XX вв. представляли собой особый культурный феномен, имевший не более чем косвенное отношение к историографии. По своим основным признакам эти сочинения капитанов и полковников были средствами формирования исторической памяти. Это были своего рода коллектив-

ные воспоминания, хотя и написанные одним лицом, которому поручалось сформировать представления о боевом пути части и о ее жизни в мирное время. Они выполняли главную роль коллективных представлений о прошлом, которая заключается в формировании идентичности, в данном случае – война Российской империи.

Библиографический список

1. Абаза В. А. История Л.-гв. конной артиллерии. СПб.: типо-лит Р.Голике, 1896. 78 с.
2. Абаза К. В. Краткая история 7-го Гренадерского Самогитского генерал-адъютанта графа Тотлебена полка. 1788–1817–1833–1888. М.: тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1888 (обл. 1889). 100 с., 12 л. Ил., карт. 25.
3. Александровский К. В. Очерк истории Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка. СПб., 1896. 131 с.
4. Беловинский Л. В. Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88–90.
5. Бобровский П. О. Истории полков русской армии // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. 24 с.
6. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел в двух томах. Т. II. 1865–1876 гг. М. 1961. 592 с.
7. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 412, [1] с. [12] л. портр.: ил., табл.
8. Герои русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Эпизоды, анекдоты и сцены боевой жизни за Дунаем и на Кавказе: Собр. по разн. источникам и рассказам очевидцев. СПб.: тип. И. Гольдберга, 1890. 160 с.
9. Гизетти А. Л. Хроника Кавказских войск. Тифлис.: тип. Канцелярии Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1896. 598 с.
10. Гушин А. В. Русская армия в войне 1904–1905 гг.: Историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб.: реноме, 2014. 256 с.
11. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903 [текст]. М.: Мысль, 1973. 351 с.
12. Золотарев В. А. Научно-библиографический обзор русско-турецкой войны 1877–1878 годов [текст] / Штаб Ленингр. Воен. окр. Воен.-науч. Отд.-ние. Л.: 1975. 19 с.
13. Кишмишев С. О. Война в турецкой Армении. 1877–1878 гг. СПб.: Военная тип., 1884. IX, 508, [3] с., [11] л. карт.

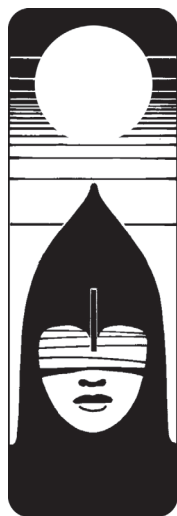
14. Козлов Д. Ф. Краткая боевая история 117-го Ярославского пехотного полка. 1763–1913 / Кап. Д. Ф. Козлов. Рогачев: тип. насл. Залкинда, [1913]. 90 с., 5 л. ил.: ил., портр.
15. Козюренко К. Л. Полковые истории русской армии. Библиография.
16. Корякин М. В. Массовая военная библиотека как институт социализации военнослужащих. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М. 2005; Предеин А. Как это было. Чтение для солдат // Московский журнал. 2002. № 8.
17. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX в. СПб.: Европейский дом, 2008. 400 с.
18. Лапин В. В. Проблемы коммеморации Гражданской войны в СССР // Военная история России XIX–XX вв. Материалы XIII международной военно-исторической конференции. 4 декабря 2020 г. СПб. 2020. С. 14.
19. Лапин В. В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 112–116.
20. Лютов С. Н. Военная книга в России. (Вторая половина XIX – начало XX века). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. 204 с.
21. Максудов В. П. История 25-го пехотного Смоленского полка за II века его существования. 1700–1900 гг. СПб., 1901. 1115 с.
22. Полное собрание законов Российской Империи. II полное собрание законов 1830–1884 гг.: в 55 томах. СПб.: Тип. II Отделение С. Е. И. В. К. Том XLIX. № 52982.
23. Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. / Рыбаченок И. С.; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР, 1993. 351 с.
24. Сборник военных рассказов, составленных офицерами – участниками войны 1877–78 гг. Т. 1–6. СПб.: Мещерский, 1878–1879.
25. Сергеев Ю. В. Великая годовщина // Россия. 1 января 1912. № 1881. С. 21–54.
26. Соллогуб В. А. Биография генерала Котляревского / Соч. гр. В. Соллогуба. Тифлис: тип. Канцелярии наместника кавказского, 1854. 220 с., 1 л. фронт. (портр.).
27. Цимбаев К. Н. Православная церковь и государственные юбилеи Императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42–51.
28. Чичагов Л. М. Примеры из прошлой войны. / сост. Л. М. Чичагов. 5-е изд. СПб.: Издал В. Березовский, 1898–1903. Описание отдельных солдатских подвигов. 1898. 80 с.: ил.
29. Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. 1730–1880.: Излож. для ниж. чинов [Кон. лейб-гвардии] полка полк. бар. К. Штакельберг. СПб.: тип. В. Ф. Демакова, 1881. 272 с.
30. Яновский К. А. 156-й пехотный Елисаветпольский генерала князя Цицианова полк во время Турецкой войны 1877–1878 гг. Тифлис: тип. Канцелярии Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1897. 200 с.

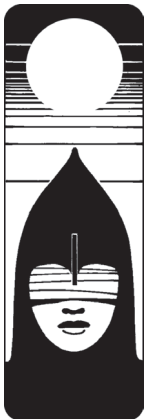
Прошлое легче порицать,
чем исправить.

Тит Ливий

Когда народ не боится
могущественных, тогда
приходит могущество.

Лао-цзы

Наталья Суханова

«РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО» ИЛИ РОССИЯ?

(А. И. ДЕНИКИН
О РОЛИ ГОРЦЕВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
93/94

В статье анализируются взгляды генерала А.И.Деникина, возглавлявшего Белое движение на Юге России, на особенности психологии, хозяйственной и военной деятельности, социального настроения, восприятия иной идентичности, межконфессионального взаимодействия, политических интересов, поисков союзников и покровителей, способов коммуникации в условиях инокультурного окружения, свойственные горским народам Северного Кавказа в годы Гражданской войны в 1917–1920 гг. Размышления командующего раскрывают его понимание взаимоотношений России и Северного Кавказа как взаимодействия Центра и периферии в едином большом обществе. Данная концепция подтверждается практикой непростого, но все-таки результативного совместного их развития. В условиях, когда регион Северного Кавказа является сферой интересов многих государств мира, он продолжает оставаться и развиваться в составе России.

The article analyzes the views of General A.I.Denikin, who headed the White movement in the South of Russia, on the peculiarities of psychology, economic and military activities, social mood, perception of a different identity, interfaith interaction, political interests, the search for allies and patrons, methods of communication with the conditions of a foreign cultural environment characteristic of the mountain peoples of the North Caucasus in years Civil War in 1917–1920. The commander's reflections reveal his understanding of the relationship between Russia and the North Caucasus, as interaction between the Center and the periphery in a single large society. This concept is confirmed by the practice of their difficult, but, nevertheless, effective joint development. In the conditions when the North Caucasus region is the sphere of interests of many states of the world, it continues to remain and develop within Russia.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Северный Кавказ; Белое движение; этноконтактный регион; чувство национальной исключительности; горское население; ислам; казачество.

Key words: Civil war in Russia; North Caucasus; White movement; ethnic contact region; feeling of national exclusivity; mountain population; Islam; Cossacks.

E-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Гражданская война в России была эпохальным явлением. Ее изучение со временем становится все более многоплановым, глубоким, выявляющим новые аспекты и проблемы, рождающим огромную палитру исторических, философских, социологических, культурологических и прочих подходов. Множится число исследований по истории Гражданской войны. Но среди них до сих пор ярчайшим трудом остается «подлинная энциклопедия российской истории 1917–1920 гг.», созданная А.И. Деникиным – «Очерки Русской смуты» [13, с.8].

Регион, завоеванный и удерживаемый возглавляемой им Добровольческой армией, был значителен для России во всех отношениях: высокая плотность и многонациональный состав населения, достаточно развитая инфраструктура, наличие промышленного и аграрного потенциала. Между тем история Белого Юга России была недолгой. Среди множества причин поражения белых на Северном Кавказе очевидным было то, что их лидер и его окружение не оценили должным образом вызовы, предъявляемые к национальной политике в такой стране, как Россия.

Представляется, что для более полного и многомерного анализа процессов, протекавших в регионе в годы Гражданской войны, и понимания подходов к формированию национальной политики, немаловажным будет исследование позиций лидера Белого движения на Юге России – А.И. Деникина – в отношении горских народов края.

В «Очерках русской смуты» достаточно полно представлены многие аспекты российской истории в условиях революционных перемен – от военных, политических, экономических, внешнеполитических до проблем повседневности, психологии, межличностного общения и т.д. Образованность, развитый интеллект, широкий кругозор и многолетний опыт автора позволяют надеяться на достаточную объективность, честность и глубину его исследовательского труда. Не будучи историком, Деникин, по большей части, строил свое повествование на основе принципа историзма интуитивно. Автор постарался раскрыть причинно-следственные связи ярчайших событий в России в течение двух сложнейших десятилетий. При этом он был далек от простого «очернения» сил, противостоящих белым. В тексте четко просматривается его позиция как государственника. Это наложило отпечаток на изложение многих аспектов российской истории, в том числе и проблем восприятия и оценки горского населения Юга России.

А.И. Деникин отмечал: «Распад центральной власти вызвал временную балканизацию русского государства по признакам национальным, территориальным, историческим, псевдоисторическим, подчас совершенно случайным, обусловленным местным соотношением сил» [7, с.198]. Генерал вос-

принимал Россию как русское государство – в этом заключается корень его понимания национальной политики и отношения к нерусским народам, населяющим страну. В условиях мощнейшего системного кризиса старой и зарождения новой государственности, когда развал стал общим местом для всех сторон жизни российского общества, национальная политика Белого движения утверждала необходимость национального единения и «самосохранения». Это ли не называлось патриотизмом во все времена? С позиций стратегических такой подход отвечал исторической традиции российской государственности, был направлен на ее сохранение. Но тактическая его реализация белыми в столь сложное время страдала старым русским традиционализмом с националистическим оттенком. Сложно было ожидать от военных продуманной национальной программы, сформулированной к тому же в очень короткий срок. Но новые исторические вызовы оказались не под силу лидерам движения. Данный факт, по-видимому, подтверждает отсутствие созидательной парадигмы в их мировоззрении.

Центростремительные настроения окраин вызывали опасение не только у белых, но и в среде многочисленной русской общественности. Они были вызваны поведением представителей местной власти, которые замещали «чувство государственности» местечковыми целями и задачами. В условиях системного кризиса создавалась опасность того, что борьба с великорусским влиянием, государственным давлением на окраины может содействовать усилению разрыва их связей с центром, превратиться в борьбу против российской государственной власти. Этого опасались многие. Залогом величия России было сохранение ее исторической роли в судьбах населявших ее народов на протяжении многих столетий.

Исторической проверкой взглядов белых стала практическая реализация их представлений о населении Северного Кавказа, многочисленном и полиэтничном. Здесь сконцентрировались все сложнейшие противоречия эпохи и региона: средоточение на малой территории значительного количества народов, постоянная борьба за землю и лидерство между ними и внутри них, столкновение традиционалистского сознания с новыми вызовами, антирусские настроения у значительной части населения с пониманием необходимости находиться под русской защитой и помощью, мощный цивилизационный разрыв региона и России, собственное узконациональное понимание революционных процессов в стране и многое другое.

В отношении многонационального населения Северного Кавказа генерал писал: «Падение центральной власти вызвало здесь потрясение более серьезное, чем где бы то ни было... Не изжившее еще психологической розни и не забывшее старых взаимных обид, разноплеменное население Кавказа

заволновалось» [7, с.212]. Ситуация осложнялась противостоянием двух русских лагерей в регионе – казаков и иногородних. Вражда между ними усиливала раскол горского сообщества, разные слои которого привлекались русскими для усиления своих позиций. Следует согласиться с мнением историка А.С.Пученкова, справедливо утверждающего, что «наличие на Северном Кавказе множества активных игроков, каждый из которых преследовал исключительно собственные интересы,... делало обстановку в регионе неимоверно сложной», что не создавало предпосылок для успешного умиротворения края [18, с.192].

А.И.Деникин, являясь главой Добровольческой армии, а затем и Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), интересовался историей, обычаями, психологией горских народов для поисков тактических и стратегических решений движения в регионе. При этом текст «Очерков» обнаруживает его взгляд на решение национальных проблем на Северном Кавказе, который явно не претерпел изменений после Февраля и Октября 1917 г. Это стало очевидным, когда белые выдвинули лозунг «Единой и неделимой России». Первая мировая война, а затем революционный процесс 1917 г. подвели русскую армию к необходимости вникать в политику и участвовать в ее реализации. Было непросто формировать адекватное мнение о многих проблемах российской реальности, в том числе и о сохранении многочисленных народов в составе Российского государства. Их влияние на политические, экономические, социокультурные, профессиональные, внешнеполитические процессы, а также на настроения в обществе и армии было очевидным.

При этом А.И.Деникин констатировал, что «национального вопроса в старой русской армии почти не существовало» [9, с.334]. В качестве причин определенных сложностей для инородных элементов в армии, по его мнению, были «общая грубость и некультурность», но никак не национальная нетерпимость. Не считал генерал и того, что в армии происходила принудительная русификация. Русская армия в основном формировалась без учета национальных признаков. Между тем в российской армии были национальные формирования, создаваемые, как правило, добровольно их участниками. В отношении Кавказской туземной дивизии он писал: «Едва ли не стремление к изъятию с территории Кавказа наиболее беспокойных элементов было исключительной причиной этого формирования», что послужило основой ее особой структуры и военных задач [9, с.336–337]. Необходимо отметить, что часть этой дивизии вошла затем во ВСЮР. Попытка же комплектования армии по национальному признаку после октября 1917 г. с целью удержания Румынского фронта окончилась полной неудачей.

А.И. Деникин, раскрывая причины «расчленения армии по национальному признаку», выделял в качестве главной – революционный процесс 1917 г., который спровоцировал «центробежное стремление окраин». Он обвинял в этом и большевиков, и политическую элиту национальных окраин. Антон Иванович искренне недоумевал по поводу того, что «туземное» население окраин в столь сложный для страны момент было озадачено только собственными проблемами. Он допускал, что причинами центробежных настроений были исторические основания, но возмущался тем, что «беспочвенное, нелепое, питавшееся причинами, ничего общего не имеющими со здоровым национальным чувством» стремление проявляется тогда, когда русское государство стало выходить «на путь широкой децентрализации» [9, с.343–344]. В этих рассуждениях очевиден недостаточно глубокий исторический анализ процесса вхождения горских народов в состав России, социокультурных особенностей их развития, а также элементов психологии великодержавности. Упрекнуть генерала мы не вправе, время диктовало такое мировоззрение. Даже большевики видели национальный вопрос тактической частью мировой революции. По-видимому, военный тип мышления не допускал альтернатив. Его соратник Д.А. Лехович писал об этом: «Человек большого, но не гибкого ума, он поздно понял свои ошибки и, как всегда, честно признался в них в своих «Очерках» [14, с.229].

В декабре 1917 г. генерал, находясь на юге России, составлял свое мнение о горских народах уже на практике. Он отмечал их крайнюю консервативность в укладе жизни, верность своим задачам и обычаям, чуждое и враждебное отношение к большевизму. При этом он считал, что «насилие и грабеж», как прикладные методы последнего, горские народы восприняли от большевиков быстро и охотно [7, с.213]. Необходимо подчеркнуть, что не большевизм принес в северокавказскую среду эти традиции. Давняя борьба за землю, которой было крайне мало на Кавказе, ревностное охранение своей собственности, необходимость постоянной защиты своей территории, сложные условия жизни в горах, минимальные хозяйственные возможности рождали психологию воина, который любым путем, в том числе и разбойным, добывал все необходимое для существования. Поэтому более верными причинами такой реакции на большевистские методы действий можно считать опору на архаику, свойственную массовому сознанию горцев, и тактическим построениям большевиков. Скорее всего, догосударственные смыслы, предложенные большевиками, были более близки доиндустриальному обществу Северного Кавказа [5, с.9].

Исторический опыт подтверждает верное понимание Деникиным причин центробежных настроений на Северном Кавказе. Генерал видел их в осла-

блении русской власти, которое повлекло за собой усиление антирусских настроений и межэтнических столкновений, роста «прежних обид» [7, с.212]. Поскольку местное население воспринимало Россию через общение с казаками и крестьянством, то в отношении последних генерал высказывал неудовлетворенность слабостью их позиции в отстаивании интересов России в регионе. Исторические вызовы меняли ситуацию не только в горской среде, но и у носителей русской культуры на Кавказе. Казачество не было уже монолитным и патриотичным в условиях расколовшейся России. Местное крестьянство тоже было расколото и озадачено решением собственных проблем. К сожалению, именно этой исторической обусловленности Деникин не увидел (или не ставил перед собой задачи ее анализировать).

В процессе завоевания и удержания территории Северного Кавказа главнокомандующий Добровольческой армией постигал региональные особенности. Позже в «Очерках русской смуты» Деникин в общих чертах охарактеризовал наиболее ярко выраженные черты психологии, хозяйственной и военной жизни горцев. При наличии схожих черт, автор попытался выявить особенности, свойственные разным горским народам, а также их поведение в условиях войны. Достаточно одномерным выглядело деление горского населения региона на две группы. К первой он относил кумыков, ногайцев, осетин, кабардинцев и некоторые племена Дагестана. Эту часть горского населения лидер белых считал наименее опасной, поскольку их родом занятий был мирный труд. Чеченцев и «родственных им мелких племен» Деникин причислял к ведущим разбойничий образ жизни [18, с.186]. Между тем текст «Очерков» позволяет оценивать взгляд автора на горцев региона как на единую географическую и социокультурную общность. Общим для них, по мнению генерала, было активное неприятие всего русского. Эту русофобию Деникин представлял в качестве одной из главных черт горцев. В этой позиции генерала нет места анализу мощного организационного, военного потенциала и стремления общественного сознания горцев к созданию и развитию собственных национальных движений, которые стали наиболее сильными в условиях распада империи и новых модернизационных процессов. При этом автор все-таки попытался раскрыть многообразные интересы как самих жителей региона в выборе собственной исторической судьбы, так и их реакцию на те внешние силы, которые были заинтересованы в росте своего влияния в разных регионах Северного Кавказа.

«Замиренным и пояльным» к России Деникин называл Дагестан, который находился под влиянием Турции, усиливающей свою роль в регионе путем распространения панисламизма. Однако понятие «замиренный»

не означало полного фактического признания России народами Дагестана. Вынужденное подчинение сильному покровителю в сочетании с материальными возможностями, от него же получаемыми, сформировали определенный алгоритм отношения дагестанцев к России. Помимо этого их элиту привлекала возможность обучения детей в гимназиях и училищах русских городов, получения доступа к карьерному росту, особенно по военной стезе. Ослабление организующей российской власти поставило многие народы перед выбором поисков более сильного и выгодного во всех отношениях покровителя. При том, что по поводу антирусских настроений в горской среде существовало множество разных мнений, факт того, что после февраля 1917 г. ни один общественный орган северокавказских народов не проголосовал за выход из состава России, говорит в пользу предпочтительности русского покровительства. Делегаты Съездов горских народов предлагали их вхождение в состав федеративного Российского государства.

Вопрос о степени осознания большевистской или белой идеологии местными национальными лидерами был далеко не первичным. Очевидно, что основой тех или иных предпочтений были собственные интересы разных группировок. Для Дагестана важной отправной точкой раскола стали события марта 1918 г. в беспокойном Баку во время мусаватистского выступления против местных большевиков. В защите последних участвовали солдаты дагестанских полков. Но, даже с учетом этого факта, большевистский террор распространился и на мусульман города. В итоге политическая борьба за власть приобрела религиозную окраску, расколов значительную часть дагестанского народа и усилив собственное гражданское противостояние.

А.И. Деникин констатировал факт активной борьбы с большевизмом в Дагестане. Представляется, что не следует осуждать генерала за столь однозначное утверждение. Такого же мнения придерживался глава Дагестанского исполкома Д.Коркмасов [16, с.138]. Иначе высказывался генерал П.А.Половцов, возмущенный тем, что значительная часть местного населения поддерживала большевиков благодаря активной пропаганде последних [17, с.206]. Такое разночтение является отражением реального положения вещей. Слишком неоднозначным был Дагестан в этническом, социальном, политическом планах. Социальная психология его населения сложна и многомерна. Защита собственных интересов, отчужденное проживание на родовой земле с недопущением даже представителей соседских аулов, осторожность в выборе союзников были преобладающей мотивацией для многочисленных дагестанских племен. Подтверждением может служить следующий факт. Шейх Узун-Ходжа говорил, что никто из дагестанцев не должен выступать против Добровольческой армии, пока она не «покуша-

ется» на Дагестан. Но с начавшимися военными действиями армии Деникина ей была объявлена «священная война», во главе которой стали братья Узун-Ходжа и Али-Ходжа [3, л.16]. В случае невыполнения приказов о военном призыве в Дагестане и Чечне действовали карательные экспедиции белых войск. Ответом становились новые выступления горцев даже в период наибольших успехов белых в регионе. Осенью 1919 г. жители аулов Хамаюрт, Истису, Енгельюрт и некоторых других вошли в группу антиденикинских войск Узун-Хаджи. Со своей стороны белое командование жестко карало за посягательства горцев на жизнь русских. Виновные в убийстве 16-ти русских военных и разрушении железной дороги были сожжены [3, л.7]. Нередко объявлялись карательные экспедиции белых против всего народа в целом. В подобных случаях проявлялись предпочтения не только военным методам жесткой борьбы, но и имперские взгляды, свойственные многим участникам Белого движения. В этом случае их либеральные воззрения находились в явном противоречии с реальной практикой в полиэтничном регионе. Так что замирение, о котором писал Деникин, было иллюзией.

В Дагестане, по мнению самого генерала, не «имевшем предпосылок независимого существования», переплетались интересы разных политических группировок. Большевистские настроения имелись у части местного населения, астраханских пролетариев, направленных сюда, и вернувшихся из Баку рабочих-отходников. Турецкое влияние усиливало религиозный фанатизм, сопровождая его доставкой оружия и инструкторов с целью удержания Дагестана. Свой интерес пытались реализовать в регионе англичане. Менялись политические ориентиры и у местной элиты: имам Дагестана Н.Гоцинский «вместо газавата стал проповедовать связь с единой Россией» [8, с.179]. Если учесть еще и внутренние межэтнические противоречия, то палитра настроений была наисложнейшей.

В отношении настроений населения Чечни в годы противостояния Деникин также выделял преобладание собственных интересов местного населения в рассмотрении земельного вопроса, который оно планировало решить за счет казаков и осетин. Эта мотивация порождала и политические ориентиры чеченцев, разделенных, по мнению генерала, на «50–60 враждующих партий», возглавляемых влиятельными шейхами. Они, в свою очередь, боролись за собственное влияние в регионе [7, с.214]. Генерал писал о том, что нестабильное время спровоцировало агрессию чеченцев: «Грабили, разоряли и жгли дотла цветущие селения, экономии и хутора Хасав-Юртовского округа, казачьи станицы, железнодорожные станции, жгли и грабили город Грозный и нефтяные промыслы» [7, с.213–214]. Ингуши же разорили Владикавказ. При этом он утверждал, что у чеченцев и ингушей была объ-

единяющая идея борьбы с русскими колонизаторами. У такого заявления может быть обоснованием единое происхождение этносов – войнахское. Общим для двух родственных народов было еще и негативное отношение к казачеству. Но по поводу идеи об их полном единении в годы революции и Гражданской войны можно выразить сомнение.

В Чечне разброс мнений в отношении войны русских с русскими тоже был значительный. Промышленный Грозный являлся опорой красных. Среди чеченской интеллигенции имелось незначительное количество сторонников большевистских взглядов. Равнинная территория была в руках казачества, которое здесь тоже не отличалось монолитностью. Красное казачество, возглавляемое А.З.Дьяковым, поддерживало большевиков. Современная историография утверждает, что приверженность определенной доли чеченцев большевизму нельзя понимать буквально. Фанатично верующий народ не принял атеистической идеологии. Большевиков воспринимали как союзников в борьбе с казаками, а также как власть, обещавшую крестьянству землю. Даже национальная программа большевиков не стала преобладающим бонусом для них на Кавказе. Проблемы самоопределения выглядели в тех условиях сложно, воспринимались, в основном, революционной интеллигенцией, как еще один повод бороться за получение новых прав и самостоятельности. Чеченец-большевик А.Шерипов писал о наличии союза красных и горцев, лояльных казакам чеченцев, белых чеченцев [11, с.3]. Данная информация раскрывает явную внутриэтническую разрозненность, которая более ярко проявлялась под воздействием внешних факторов. Этот факт обнаруживает особенности в развитии горских народов, которые в силу ряда причин всегда связывали свое существование с наиболее сильным государством. Помимо российской ориентации, в регионе сильным было и влияние Турции. Осенью 1918 г. Чечня установила близкие сношения с турецким командованием в Баку, которое через Дагестан оказывало чеченцам помощь оружием.

В наиболее консервативном регионе – горной Чечне и западном Дагестане – была предпринята попытка создания теократического государственного образования – Северо-Кавказского эмирства, которое называют преимущественно чеченским образованием. Его история была крайне недолгой, но она дала прецедент ярко выраженных антирусских настроений. Жестокая война с русскими на территории эмирства, как с красными, так и с белыми или сторонниками тех и других, дала повод называть недолгий режим грабежей, убийств и казней «Чечней» [1, л.66].

Чеченцы не признавали власти ВСЮР. Деникину долго не удавалось покорить горные районы Чечни. Это вынудило генерала пойти по пути поли-

тики «кнута и пряника», требуя полного подчинения белому командованию. Недолгая история белого пребывания в регионе сочетала максимальное устрашение в ходе военных операций в Ботлихе и Алхан-Юрте с попытками компромисса. Генерал обещал сохранить внутреннее самоуправление, дать максимальные автономные льготы населению Чечни, поставить во главе представительного органа генерала чеченского происхождения Эрис-Хана Алиева. В условиях военного противостояния политика сочетания насилия и согласия являлась опробованной и оправданной как в мировой истории, так и российской. Относительная стабильность на Кавказе нужна была белым для облегчения продвижения в центр России. Но эти военно-политические задачи были чужды интересам местного населения. Поэтому белыми снова использовалась политика террора.

При описании особенностей ингушского народа А.И.Деникин акцентировал внимание на сложившихся исторически предпосылках морального облика ингушей – «скотоводство и грабеж», в котором они достигли особого искусства. Из тех же условий генерал исходил в освещении политических ориентиров ингушей: «Ингуши стали ландскнехтами советской власти, ее опорой, не допуская, однако же, проявления ее в своем крае» [8, с.175]. Он подчеркивал, что ингуши грабили всех соседей. Грабежи, совершаемые ингушами, шли повсеместно, за что их «ненавидели все», но что помогло им стать «самым богатым племенем на всем Кавказе». А.И.Деникин назвал ингушей вершителями судеб Северного Кавказа, не расшифровывая этой формулировки. По-видимому, имелась ввиду высокая степень его военной организованности и спаянности при незначительной численности ингушского народа. Он достаточно жестко сопротивлялся требованиям белого руководства, которые были неприемлемы по своей сути. Возврат казакам земель и имущества, переданных большевиками ингушам, мобилизация мужчин от 18 до 40 лет в войска ВСЮР, открытие пути на Грозный для белой армии – все это входило в явное противоречие с нормами жизни ингушей.

Земля на Кавказе – важнейшее условие выживания любого этноса. Территория, занимаемая ингушами, была незначительной, равнины – и того меньше. Вопрос земли был краеугольным камнем всех проблем. Отказ отпразднить самую деятельную часть мужского населения в войска ВСЮР тоже объясним и с позиций потери рабочей силы, и с позиций нежелания участвовать в братоубийственной войне русских друг с другом. Достаточно сложным был для белых процесс мобилизации ингушей в Добровольческую армию. Против нее выступили одиннадцать аулов. И в этом случае деникинцы использовали тактику террора. Известно, что до 1917 г. воинская повинность в России не распространялась на ряд народов, в том числе

и на горцев-мусульман Северного Кавказа. Поэтому ингуши восприняли всеобщий призыв в армию как покушение на утвердившиеся вековые нормы и их права. При этом, несмотря на начавшееся антиденикинское восстание ингушей в Назрани, белым удалось подчинить местное население. Использовались известные методы – устрашение и попытки сформировать согласие. Второе заключалось в расширении прав самоуправления, ежегодном созыве съездов ингушского народа, решавших насущные вопросы, назначение на высшую должность выходца из ингушей и материальной помощи для восстановления хозяйства региона. Между тем историк И.Г.Алмазов считает, что «масштабных восстаний против белых, в отличие от соседних Чечни и Дагестана, в Ингушетии не наблюдалось» [4, с.20]. К тому же был сформирован ингушский конный полк в составе ВСЮР. Относительная стабильность в ингушском обществе в крайне тяжелой и противоречивой для него обстановке, умение пойти на компромисс, даже временный, говорит о потребности и способности малочисленной общности к выживанию и самосохранению.

При этом невозможно поддержать тезис об абсолютной приверженности того или иного народа к какой-нибудь одной либо двум военно-политическим силам. Сама природа Гражданской войны не предполагает наличие только двух противостоящих сторон. Их было намного больше. Сложное время обнаруживало в людях массу чувств, качеств, способов самовыражения или самосохранения, порою непредсказуемых даже для самих людей. Следует учитывать еще и следующий факт. Горские народы, находясь, в основном, на этапе родовых отношений, в начале XX в. были включены в систему товарно-денежного обращения, борьбы за собственные территориально-административные образования, революционные процессы. Все это подрывало крепкие устои традиционализма, и делало «пестрым» этническое самосознание. Но Деникин односложно представлял эту палитру, в основном, ограничиваясь ориентацией горцев либо к красным, либо к белым.

Осетинский народ представлен Деникиным разделенным на «многие частные враждебные подразделения», при этом состоявшим из православных и мусульман. К тому же осетины-христиане жили среди преобладающего мусульманского населения Северного Кавказа, сохраняя многие традиции горских народов. Этот факт существенно влиял на позиции осетин и их общественные настроения. Значительное влияние на их формирование имело множество факторов. В качестве важнейших Деникин выделял земельный вопрос, одинаково остро стоявший перед горцами, а также антиингушские настроения, существовавшие на протяжении веков из-за территориальных споров. Автор был убежден, что осетинский народ «выдержал

искушение большевизмом», ненавдя большевиков. Осетины оставались пассивными, официально признавая советскую власть, но «тайно неорганизованно входили во все комбинации для ее свержения» [8, с.176]. Генерал выделял осетинский народ среди прочих горцев тем, что здесь не было примеров жесткой борьбы, грабежей и насилия. Даже к причинам грабежей владикавказских граждан ингушами он отнес их «беспомощность и непротивление» [8, с.176]. А.И. Деникин считал важнейшим качеством большинства осетин «приверженность к старым государственным связям и полную несклонность ни к большевизму, ни к крайним формам национальной независимости» [8, с.176–177]. Историческая обусловленность такого поведения очевидна. В окружении мусульманских народов Кавказа и Турции Осетия могла рассчитывать только на Россию.

Между тем полностью отрицать пестроту политических настроений в Осетии было бы неправильно. Такое обобщение не подтверждалось реальным ходом событий. Эпоха схожим образом проявлялась во всех регионах России: единения не могло быть в условиях системного кризиса. Осетинский народ прошел через опыт Национального Совета, ненадолго вошедшего в состав Терской народной республики. Здесь активно действовала партия «Кермен», названная С.Кировым большевистской с осетинским оттенком [12]. Им в оппозиции находился и действовал Казачье-крестьянский Совет во главе с Г.Бичераховым. Значительная часть осетинской интеллигенции видела будущее своего объединившегося народа, который в процессе мирного национально-государственного строительства получит право самоопределения в составе демократической России. Немалое количество офицеров и представителей интеллигенции поддерживало Белое движение. Достаточно сложным оставался вопрос о воссоединении Северной и Южной Осетии, где сторонников большевиков было значительно больше. Следует согласиться с мнением историка С.А.Хубуловой о том, что в регионе шел процесс формирования взаимоисключающих систем органов власти и управления; сохранялись прежние разногласия и были сильны сепаратистские настроения [20]. Так что и этот регион вносил свою долю проблем в формирование горской политики Белого движения.

Из анализа, сделанного Деникиным, вытекает, что важным фактором в совместных выступлениях горцев Северного Кавказа были антирусские настроения. Исключением, по мнению генерала, стали кабардинцы, сохранявшие нейтралитет. При этом автор констатировал, что они забрали землю у своих феодалов и стали «жить мирно». Это утверждение представляется достаточно достоверным, подтверждается историками Кабардино-Балкарии. Так, по утверждению О.А.Жанситова, местная аристократия, «значи-

тельно численно и в определенной мере качественно истощившаяся в годы Кавказской войны», лишилась работающих на нее крестьян в условиях революционных. Это вело к потере ею экономического статуса и политического влияния [10, с.4]. Во время Гражданской войны генерал охарактеризовал население Кабарды как смирившееся в условиях большевистского завоевания. При этом он же констатировал, что отношение к советской власти здесь определялось географическим положением. Малая Кабарда, находясь между большевиками и ингушами, признала советскую власть. Большая Кабарда, в соседстве с терскими казаками, выступала против большевиков [8, с.177]. Такой подход обнаруживал вынужденное признание советской власти частью кабардинцев.

Мощное социальное противостояние, усиливавшееся действиями и пропагандой большевиков, порождало военные внутриэтнические столкновения. Они умело использовались главными акторами Гражданской войны – белыми и большевиками. Активную и жестокую борьбу с балкарскими сторонниками большевиков и даже жителями нейтральных селений вели войска сподвижника Деникина – Даутокова-Серебрякова. Очевидна мотивация его политики: не идеи белого движения, но борьба с собственными политическими противниками. Картина достаточно схожа с тем, что происходило внутри каждой этнической общности в условиях военно-политического противостояния белых и большевиков. Оно провоцировало и без того сложные взаимоотношения внутри каждого народа.

При характеристике каждой горской общности командующий обошел вниманием тот факт, что среди них было немало офицеров. В своем труде А.И. Деникин вскользь упомянул о представителях горского офицерства в рядах Вооруженных сил Юга России. Эта тема имеет глубокие исторические корни во взаимоотношениях России и Северного Кавказа. На протяжении долгой совместной истории местная элита имела возможность получения образования в гимназиях, университетах, военных учебных заведениях русских городов. Таким образом русская власть готовила свою опору в регионе, формировала определенный культурный задел для роста общероссийского общественного сознания.

Известно, что в составе Добровольческой армии Л.Г.Корнилова достойно воевал Черкесский конный полк, который был целостным национальным военным образованием у белых. По мере укрепления позиций белых в регионе росло количество отрядов и частей, сражавшихся на стороне Добровольческой армии. Наиболее массовым национальным соединением в составе Добровольческой армии была Первая Туземная горская дивизия, в состав которой входили Кабардинские, Черкесские, Осетинские и Карачаевские

военные подразделения. Следует назвать имена военачальников-горцев Д.К.Абациева, М.К.Анзорова, Ф.Н.Бековича-Черкасского, З.А.Даутокова, М.К.Крым-Шамхалова, А.Б.Котиева, Э.А.Мистулова, А.С.Султан-Гирея, Б.Тамбиева и других, кто возглавлял различные военные подразделения. Одним из важнейших противоречий между ними и командованием Добровольческой армии был вопрос о степени самостоятельности военных национальных формирований. Деникин не был сторонником бесконтрольных действий горских воинов. Можно предположить, что мотивация генерала имела несколько составляющих. Одной из них являлся взгляд на проблему с позиций «единой и неделимой России». Эта концепция определяла приоритет русских в многонациональном государстве и очевидно более низкий уровень развития горцев. При этом их приверженность традиционализму, интересам собственного этноса, потребность к самоидентификации, восприятие России как колонизатора не создавали предпосылок для уверенности в надежности офицеров-горцев. К тому же белое командование считало, что стремление военной элиты каждого народа к созданию своих национальных подразделений таило в себе определенную опасность в усилении внутрорегиональной вражды, поскольку межэтнические противоречия тоже были реальностью на Северном Кавказе. Такая позиция белого командования формировала, в свою очередь, недовольство горцев. Поэтому говорить о последовательном и крепком союзничестве между ними следует с определенными оговорками.

Серьезным образом на позицию Деникина на Кавказе влиял и религиозный фактор. Еще в начале Первой мировой войны в России стали формировать мусульманские полки из добровольцев, но процесс шел сложно и противоречиво. В годы революции и Гражданской войны горцы стали использовать религиозные знамена для борьбы за самостоятельность и дальнейшее развитие собственной цивилизации в новых условиях. Патриотический подъем, а также необходимость защиты от грабежей содействовали формированию своеобразных отрядов самообороны под знаменем ислама. Духовная интеллигенция, семинаристы, учащиеся духовных и примечетских школ создавали такие организации, в которых «сочетание знакомых традиционных форм с религиозным мировоззрением ислама привело к образованию войска, поднявшего зеленое знамя в борьбе за социально-политические преобразования» [19, с.178]. Однако даже при таком положении вещей генерал запрещал преследования по религиозному признаку.

А.И.Деникин не был историком, не был искушенным политиком. Стремясь к объективности, он оставался пристрастным военным, видевшим причины многих процессов и событий в воле людей или сообществ. В одной

из своих книг Антон Иванович предостерегал от преувеличения роли объективных факторов в развитии исторического процесса. В размышлениях о сложностях войны на Северном Кавказе он придерживался той же позиции. «Агитация, посулы большевистских агентов и угрозы горцев», «частная инициатива местных советских организаций, указания из центра» и подобные «причины» он считал важнейшими в эволюции сознания людей в регионе [7, с.215]. При этом, отдавая дань историческому прошлому, «природной» основе казачьих военных формирований, он отказывал в этом горцам, которые всегда были воинствующими народами, считая, что последние формировали военные подразделения «интуитивно».

Понимание А.И.Деникиным проблем, связанных с особенностями российской полиэтничности, базировалось на известных константах национальной политики в России эпохи самодержавия. Качественные перемены, происходившие в России во второй половине XIX – начале XX вв., не стали объектом серьезного внимания генерала, что мешало ему разобраться в меняющейся реальности межнациональных отношений в стране. Националистические лозунги в революционных условиях играли против белых. Нельзя утверждать, что интернационализм большевиков и их обещания суверенитета завоевали сознание горцев, но опора белых на старые порядки во взаимоотношениях единого крепкого Центра и этнических окраин ассоциировалась с восстановлением прежнего режима. При этом очевидными были неравнозначные подходы к сепаратизму казачества (хотя и вынуждено признаваемые Деникиным) и стремлению горцев к самостоятельности.

Здесь очевидна цепь взаимосвязанных элементов идейных позиций, стратегии и тактики военно-политической борьбы белых. Каждое очередное звено, цепляясь за предыдущее и последующее, вносило зависимость от ряда заблуждений в принятии важных и верных решений. Ставя перед собой поначалу только военные задачи в условиях сильнейшего политического кризиса, белое командование вносило сумятицу в умы населения и поведение самих добровольцев. В «Очерках» Деникин признался, что «жизнь... выбивала нас из ... русла, требуя немедленного разрешения таких коренных государственных вопросов, как национальный, аграрный и другие, окончательное разрешение которых я считал выходящим за пределы нашей компетенции» [8, с.366]. Признавался он и в недооценке идеи федерации, которая могла бы разрушить вековые исторические связи народов России [8, с.101].

Текст «Очерков» дает основания утверждать, что генерал осуждающе относился к националистическим настроениям горцев, которые не понимали общероссийских задач сохранения единой российской государственности.

Он считал, что Россия несла им более высокую культуру, поддерживала материально, осуществляла защиту от внешнего вмешательства. Нередко выстраивание политики белых на Северном Кавказе было напрямую связано с представлениями их лидеров о горцах как неотъемлемой части большой страны, которая обязана быть патриотически настроенной по отношению к России. Деникин писал: «На Северном Кавказе мы встретились с многосторонним национализмом горских племен, осложненным деятельностью горского меджлиза, панисламистским и пантюкистским течениями». Командующий считал, что попытки создания государственных образований на Кавказе всегда были «... "орудием", направленным против России» [8, с.105]. Утверждение о враждебности кавказской мозаики Деникин обосновывал не единожды в своем труде. При этом он связывал эту враждебность с влиянием внешних сил, заинтересованных в усилении своих позиций в регионе. Генерал не рассматривал подробно и критично истоки русской политики на Северном Кавказе как повод к враждебности горцев. Усиливались их антиденикинские настроения и политикой, охранявшей права казачества, которое для местного населения олицетворялось с колониальной политикой русских. Диссонансом этому курсу выглядела антиказачья политика большевиков, что содействовало сохранению традиционного негативного восприятия «старой русской армии».

Противоречивость в восприятии Деникиным уровня национального самосознания горцев проявилась и в появившихся позже проектах глобальных преобразований в регионе. Они явно не укладывались в тот короткий срок, который Деникин отвел военным задачам белых по уничтожению Красной армии и большевизма. Они также не вписывались в программу «непредрешения», ставшую опорной для временной власти белых. «Смута, – писал он, – еще более обострила взаимоотношения, существовавшие между народностями Северного Кавказа, поэтому задачей добровольцев является справедливое примирение интересов подчас враждующих народов, восстановление правильной экономической жизни при содействии органов управления Добровольческой армии, помощь свободному развитию местных установлений, приобщение края к русской государственности». Далее он продолжал: «Надо подготовить материалы и по экономической созидательной работе, школьного и культурно-просветительного дела (последнее особенно важно, если вспомнить, что почти все кавказские народности до сих пор еще не имеют своей письменности)» [2, л.44–45]. Но очевидно, что А.И.Деникин был убежден в совпадении двух целей: сохранении края для России и неоспоримой важности российской власти для народов Северного Кавказа.

Однако поражение белых на Северном Кавказе стало фактом. Это связано не только с ростом влияния большевизма или с мощным сопротивлением горцев. Исчерпание резервов физических, моральных, идейных, организационных и прочих, подтверждавших невозможность удержания ими страны, стало причиной ухода белых с территории Северного Кавказа. Но при этом нельзя не учитывать тех ошибок, которые были допущены ими в оценке особенностей горского региона.

При достаточно высоком уровне обобщений, сделанных А.И.Деникиным, очевидна недостаточно глубокая аналитическая работа автора по изучению общественных настроений горцев Северного Кавказа. Командующий, давая краткую характеристику каждому народу в отдельности, выделил ряд общих черт, свойственных горцам, их поведению в условиях Гражданской войны в России. Но их перечень не представляется исчерпывающим для понимания мотивов поведения жителей Северного Кавказа в гражданском противостоянии. Характеристикам горцев, данных русским генералом, не хватало довольно важных черт.

Автор недостаточно учитывал роль тайповости их организации, а следовательно, и общественного сознания, и мотивации определенного поведения в условиях борьбы. На фоне того, что сила традиционализма была чрезвычайно велика, не только внутриэтническая, но и межэтническая борьба всегда была реалиями жизни северокавказского сообщества. Слишком малое пространство, недостаток земли и иных жизненно необходимых ресурсов были потенциальными причинами враждебности и настороженности соседских народов друг к другу в регионе. Этот фактор не помогал единению горцев. Чаще оно было кратковременным или формальным. Учет этого факта мог бы содействовать более успешной политике белых в регионе.

Пожалуй, важнейшим цементирующим фактором для горских народов Северного Кавказа был ислам. Недопустимыми были случаи пленения мусульманских лидеров белыми. После таких прецедентов авторитет русских военных падал навсегда.

Как и у многих малочисленных народов, у горцев Северного Кавказа существовало обостренное чувство собственной идентичности. Именно оно помогало выживать и сохранять этнос. В переломные периоды это чувство становилось более обостренным. Процесс отторжения «другого», а особенно иноконфессионального, в таких условиях усиливался. Этому содействовал и религиозный фанатизм, основанный на религиозной и культурной безграмотности. Исторически сложившаяся связь между этничностью и религиозностью, приводящая к ментальным качествам, «проявляет свой деструктивный потенциал в столкновениях в полиэтничных и поликонфессиональных

регионах», особенно в переломные периоды истории [21, с.198]. Этот союз служит мощным основанием для националистической идеологии. Можно приводить тому множество примеров. Так, в ходе Кавказской войны усилилась организующая и мобилизующая роль ислама, хотя Россия была достаточно веротерпимой страной.

Еще один факт важен для понимания мотивации поведения горцев в годы Гражданской войны. Наслоение новых многочисленных проблем, переплетение множественных противоречий, которые принесла война, делали воинственные народы еще более жестокими и непримиримыми. Поэтому задача, поставленная Деникиным главе Терско-Дагестанского края генералу В.П.Ляхову по умиротворению населения края в годы гражданского противостояния, была неразрешимой.

Следует также упомянуть тот факт, что в сознании горцев сиюминутные интересы зачастую брали верх над перспективными задачами, что не позволяло значительной части населения доверять обещаниям как белых, так и красных. И еще один фактор слабо учитывался белым руководством. Оно само формировало национальную политику, исходя из стратегических военных и политических задач. Поэтому большевистские национальные лозунги в отношении союза с разными горскими формированиями они тоже воспринимали как стратегические, но не тактические. Это заблуждение вносило свою долю диссонанса в политику белых на Северном Кавказе.

Издревле для автохтонного населения Северного Кавказа быть воином – означало быть достойным человеком. Здесь срабатывал комплекс природно-климатических и географических факторов, содействовавших такому развитию местной идентичности. Поэтому горцы всегда ценили силу и поклонялись ей. Этим можно объяснить частые переходы от сопротивления к проявлению лояльности (зачастую показной) со стороны горцев в отношении добровольчества, как только последнее жестоко усмиряло местное население [15, с.297]. Несмотря на утверждение некоторых региональных историков о чрезвычайной жестокости Добровольческой армии на Северном Кавказе, следует упомянуть о значительном количестве уступок, совершаемых белым командованием в отношении горских народов. Между тем, горцы Северного Кавказа всегда искали сильных союзников. Отсутствие полноценного светского государственного аппарата, административно обозначенной собственной территории, организованных вооруженных сил вынуждало принимать чье-то покровительство, ища, с одной стороны, поддержки, с другой – шантажируя бывших союзников. Эта, казалось бы, противоречивая особенность не всегда учитывалась командованием белых.

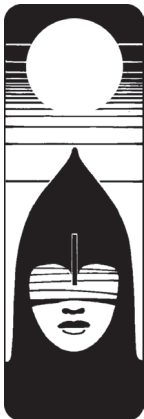
Своеобразную роль в судьбах народов Северного Кавказа играла местная интеллигенция. По мнению Деникина, она превратила собственный народ – темный, совершенно инертный в политическом смысле – в орудие своих политических или лично честолюбивых целей [15, с.322–323]. Историческая практика показывает, что во все времена, особенно переломные, местная горская интеллигенция не отходила от идеи сохранения идентичности своего народа, чрезвычайно боясь русификации, а, зачастую, демонстративно проявляя и утверждая свою этническую самобытность. Поэтому надежды Деникина на полную поддержку туземной интеллигенции были тщетны.

Между тем, учитывая все перечисленное, утверждение, что «поражение Деникина на Северном Кавказе было обусловлено только непониманием генералом специфики региона» [6, с.197–198], было бы не совсем исчерпывающим. Важнейшим недостатком белых в выстраивании отношений с горским сообществом была опора на старые формы политической и общественной жизни, отсутствие созидательных процессов в условиях меняющейся реальности. Военного мировоззрения было недостаточно для восприятия новых вызовов и их практического воплощения в условиях, когда в кавказском регионе сталкивались интересы очень многих стран. Отношения Россия – Северный Кавказ всегда эксплуатировались политиками. Поэтому долгая история совместного развития народов России и Северного Кавказа полна частых «шатаний» разных группировок горцев в поисках нового покровителя. Но и сегодня регион находится под крылом России, что служит очередным доказательством исторической предопределенности и необходимости быть вместе.

Библиографический список

1. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-440. Оп.1. Д.34.
2. ГАРФ. Ф.1318. Оп.1. Д.42.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.65. Д.37.
4. Алмазов И.Г. Особенности национально-государственной политики Добровольческой армии Юга России в Ингушетии в 1919–1920 гг.// Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 100-летию Великой Русской революции. Сб. статей. Краснодар. Изд-во «Традиция», 2017. С.14–22.
5. Ахизер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 610 с.
6. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб, 2009. 224 с.

7. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. Мн.: Харвест, 2002. 400 с.
8. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. Мн.: Харвест, 2002. 560 с.
9. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Мн.: Харвест, 2002. 464 с.
10. Жанситов О.А. Межсловные отношения в Кабарде в контексте революционных процессов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 67 с.
11. Кавказский горец. №1. Прага, 1924.
12. Киров С.М. «Избранные речи и статьи. 1912–1934 гг.»
13. Козлов А.И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, ученый). – М.: Собрание, 2004. 440 с.
14. Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992. 368 с.
15. Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920 годах / Науч. ред. В.И.Голдин. СПб.: Владимир Даль, 2017. 483 с.
16. Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях. М.: Наука, 1986. 208 с.
17. Половцов П.А. Дни затмения (Записки Главнокомандующего Войсками Петроградского Военного Округа генерала П.А.Половцова в 1917 году). М., ГПИБ, 1999. 206 с.
18. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.) М.: Научно-политическая книга, 2016. 399 с.
19. Текуева М.А. Исламское движение в Кабарде и Балкарии во время Гражданской войны на Тереке / Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей. / Отв. ред. В.В.Черноус. Ростов-на-Дону: «Издательство СКНЦ ВШ», 2001. С.174–186.
20. Хубулова С.А. Участие населения Осетии в Гражданской войне: новые подходы // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2015. №2 (часть 1). 30.07.2015.
21. Шульженко М. Этнорелигиозный терроризм и политический ислам: вопросы соотношения // Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.–информ. исслед. М., 2008. №6 (192). С.196–203.

Салават Исхаков

**К ВОПРОСУ
О ПАРТИЙНОМ
СТРОИТЕЛЬСТВЕ
У ТАТАР КРЫМА
В 1917–1928 гг.**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК

329.3:297

Статья посвящена партийному строительству среди крымских татар в 1917–1928 гг., целям их партийных руководителей, отношениям между ними и руководством Крыма, политическим контактам крымских политиков с местными большевиками, с ЦК РКП(б). В приложенных материалах, в том числе архивных, содержатся разнообразные сведения о партийной жизни крымских татар, ее особенностях в течение этих 10 лет.

The article is devoted to party building among the Crimean Tatars in 1917–1928, the goals of their party leaders, relations between them and the leadership of Crimea, political contacts of Crimean politicians with local Bolsheviks, with the Central Committee of the RCP(b). The attached materials, including archival materials, contain a variety of information about the party life of the Crimean Tatars, its features during these 10 years.

Ключевые слова: Крымская АССР; «Милли фирка»; А.С.-А.Озенбашлы; Дж.Сейдамет; В.Ибраимов; Крымский ревком; Крымский обком РКП(б); национальная политика.

Key words: Crimean ASSR; «Milli firka»; A.S.-A.Ozenbashly; J.Seidamet; V.Ibraimov; Crimean Revolutionary Committee; Crimean Regional Committee of the RCP(b); national politics.

E-mail: rusrevref@mail.ru

В историографии почти 100 лет идет дискуссия о времени появления в Крыму политических партий у татар, их программах, сходстве и различиях. Подводя итоги этим спорам, известный крымский историк Р.И.Хаяли пишет, что очень часто в публикациях допускается путаница: одну партию путают с другой. Сначала, как полагает этот известный исследователь истории крымско-татарского народа XX века, в конце октября 1917 г. в Крыму была принята программа Татарской партии, близкая к идеям эсеров, определявшая устройство обновленной России как демократической федерации с равными правами языков. Важнейшей задачей в национально-правовой области подразумевалось создание условий для широкого самоопределения, развитие всеобщего обязательного бесплатного образования, введение делопроизводства на родном языке в национально-духовных учреждениях. По мнению составителей программы, суверенитет народа определялся сосредоточением верховной государственной власти в его руках, с обеспечением равного прямого тайного голосования в государственные учреждения и органы местного самоуправления сроком на 4 года. Важное внимание уделялось обеспечению равных прав независимо от национальности, социального и религиозного положения. В конце 1917 г. в рядах Татарской партии насчитывалось, по одним данным, 60 тысяч членов и сочувствующих. Весной – осенью 1918 г. Татарская партия, не завершив своего организационного формирования, постепенно прекратила свое существование.

Другая партия под названием «Милли фирка» («Народная партия»), продолжает Р.И.Хаяли, возникла осенью 1918 г., а активное начало политической деятельности ее относится к первой половине 1919 г. Первые упоминания в прессе о «Милли фирка», по его данным, появились только в 1919 г. Имеющиеся архивные документы, упоминающие о деятельности этой партии, приходятся на начало 1920-х годов. Таким образом, с 1917 г. по 1928 г. крымскими татарами, по Р.И.Хаяли, были созданы две политические партии: Татарская партия и «Милли фирка» [См. подробнее: 15, с.30–41].

В нашей статье содержатся документы и свидетельства современников, которые иначе описывают партийное строительство у крымских татар, начиная с 1917 г. Один из их популярных крымско-татарских политиков А.С.-А.Озенбашлы¹, в 1925–1928 гг. председатель «Милли фирка», писал

¹ *Озенбашлы Амет Сеид-Абдулла (1893–1958) – крымский татарин, врач, публицист, активный участник революционных событий в Крыму в 1917–1920 гг., один из лидеров крымско-татарского движения, в 1919 г. директор народного просвещения Крымско-Татарской национальной дирекции, редактор газеты «Миллет» (Народ). Противник сотрудничества с белыми, при денкинской и врангелевской администрации находил-*

в апреле 1919 г. в симферопольской газете о «Народной партии [–] "Милли фирка"», что она существовала на протяжении двух последних лет (см. приложение, док. 1), т. е. с весны 1917 г. На этот же срок указал и другой очевидец революционных событий в Крыму в 1917 г. В.М.Хайкевич², который отметил в мае 1919 г. в симферопольской газете как само собой очевидный факт: «Татарская национальная партия [–] "Милли фирка"» впервые выступила на арену политической жизни края в самом начале русской революции 1917 г.» [14, 6 мая]. Один из лидеров этой партии Дж.Сейдамет³, находясь в Европе, писал в марте 1921 г., что после занятия Крыма войсками ген. А.И.Деникина летом 1919 г. там существовал в нелегальных условиях ЦК Татарской партии [17, f.106], т. е. она вовсе не исчезла к тому времени.

После взятия Крыма Красной армией в ноябре 1920 г. члены этой партии приняли активное участие в установлении там советской власти и затем вошли в различные органы управления полуострова. 25 ноября 1920 г. в Крымский ревком с запиской, которая распространена в историографии, обратились 7 членов ЦК этой партии во главе с ее председателем С.-Дж.Хаттатовым. В этой записке именно Татарской народной партии [–] «Милли фирка» в ЦК РКП(б), которая впервые полностью публикуется без искажений, изложена ее работа за трехлетний период, т. е. с 1917 г. В ней содержалось предложение легализовать эту партию, передать татарские религиозные, просветительские дела и вакуфы (имущество, переданное на религиозные или благотворительные цели) в ее ведение, разрешить издание газеты «Миллет» («Народ»), литературных и научных журналов и книг (см. приложение, док.3). Эта записка была отправлена в ЦК РКП(б), откуда передана в Центральное бюро агитации и пропаганды среди тюркских народов РСФСР при ЦК РКП(б), где был дан отрицательный ответ (см. приложение, док.4).

ся на нелегальном положении. После установления советской власти в Крыму активно сотрудничал с ней; заместитель наркома финансов Крымской АССР (1924–1927 гг.). В 1928 г. арестован, приговорен к расстрелу, который был заменен 10 годами ИТЛ. В 1934 г. досрочно освобожден без права проживания в Крыму и жил в Павлограде (Днепропетровская обл.), работая врачом. В 1947 г. арестован в Румынии и приговорен к 25 годам лишения свободы. В 1955 г. освобожден.

²*Хайкевич (Хайцевич) Владимир (Исаак) Маркович (1899–1937) – в 1917–1918 гг. партийный работник в Феодосии, затем сотрудник Секретариата ЦК РКП(б), в апреле 1919 г. направлен в Крым на партийную работу.*

³*Саит-Амет Саит (в 1917 г. Сейдамет, Сейдаметов, Сейид Ахмедоглу) Джафер (1889–1960) – крымский татарин, юрист, прапорщик (1916 г.), один из лидеров крымско-татарского движения, депутат Всероссийского Учредительного собрания, в январе 1918 г. председатель крымско-татарского правительства, министр иностранных дел в 1-м Крымском краевом правительстве С. Сулькевича. В ноябре 1918 г. уехал в Европу.*

Несмотря на этот запрет для местных работников, прибывший в Крым из Москвы представитель советского руководства А.А.Дауге⁴ в дневнике Полномочной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма, который он вел, записал, что 17 июня 1921 г. у членов этой комиссии состоялось «свидание с татарскими деятелями из "Милли фирка"», а 29 июня имели место «переговоры с представителями "Милли фирка", т. Чапчакчи⁵ и выяснение программы и политической линии этой партии в данное время» [1, л.1–2].

Причина этих контактов очевидна – большое влияние миллифирковцев на ситуацию в Крыму и особенно на местных татар, среди которых партия большевиков и ее цели не пользовались какой-либо заметной поддержкой. Так, состоявшийся в феврале 1923 г. Всекрымский съезд работников просвещения прошел, по сведениям чекистов, при ближайшем участии запрещенной властью «Милли фирка». В марте 1923 г., по данным чекистов, усилилась агитационная и пропагандистская работа среди татарских «националистических групп», т. е. у миллифирковцев росла популярность в народных массах, что вызывало раздражение власти. В апреле – мае 1923 г. деятельность миллифирковцев, по наблюдениям чекистов, «оживляется», им удалось объединить мулл и учителей. Деятельность миллифирковцев и мулл в Крыму в июне – июле значительно усилилась [10, с.793, 877, 924]. Эти факты свидетельствуют, что религиозное и народное движения действовали все более солидарно, сближались, представляя тем самым большую угрозу для советской власти в Крыму.

24 сентября 1924 г. в крымском селении Кизилташ состоялось тайное совещание членов «Милли фирка», на котором были приняты решения не помогать советской власти в проведении «национальной» политики, не обучать пришлых советских работников крымско-татарскому языку, политику татаризации взять под свой контроль, выдвинуть перспективных специалистов и молодежь в государственные и партийные органы, направить молодежь в наиболее перспективные вузы и др. [9, с.134]. Именно это решение запрещенной «Народной партии» послужило причиной неожиданной для власти активности крымских татар в жизни Крыма, т. е.

⁴ Даугель-Дауге (Дауге) Александр Густавович (1887–1942) – педагог, член РСДРП с 1905 г., в 1916–1918 гг. преподаватель Учительского института в Феодосии, в 1917 г. член Феодосийского совета рабочих и солдатских депутатов, в 1918 г. член Феодосийского ВРК, в 1919 г. заместитель наркома внутренних дел Крымской ССР, в 1921 г. член Полномочной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма.

⁵ Чапчакчи Халил Селяметович (1889 – после 1931) – крымский татарин, в 1917 г. член Временного Крымско-мусульманского исполнительного комитета, делегат Курултая (1917 г.), в 1921–1928 гг. нарком здравоохранения Крымской АССР, член ЦИК Крымской ССР. Репрессирован.

провозглашенного центром курса на татаризацию органов управления полуостровом.

Такой общественно-политический подъем крымских татар власть, естественно, приписывала себе, популярности коммунистических идей и лозунгов среди них. «Политическая активность татарских трудящихся масс за последние годы возросла, – отмечалось, к примеру, в партийном офицкозе летом 1926 г. – чрезвычайно; об этом красноречиво говорят результаты последней кампании по перевыборам Советов, в которой избиратели-татары оказались наиболее активными среди избирателей всех других национальностей... В период прошедшей перевыборной кампании выборыные собрания посещались татарками-крестьянками на 90%» [8, 6 июля]. Подобные социальные показатели и эмпирические индикаторы политического поведения до сих пор интерпретируются обычно как результат успешной советской национальной политики в Крыму, но на деле было иначе.

В мае 1926 г. в Крыму происходило, по оценке чекистов, «обострение» взаимоотношений русских и татар. Среди татар, в частности в Ялтинском районе, местные работники из различных органов вели агитацию с требованием татаризации всего аппарата на 100%. В июне 1926 г. в Алушке местные работники среди татарского населения вели аналогичную агитацию. В д. Актачи Евпаторийского района миллифирковец М.Бадраклы устраивал тайные собрания татар и, согласно чекистскому лексикону, «разжигал» вражду между татарами и русскими. Когда секретарь Кекинского сельсовета (Ялтинский район) Бекмамбетов вел у себя на квартире беседу антирелигиозного характера по поводу мусульманского праздника Курбан-байрама, то мулла вместе с религиозным обществом потребовал выдачи его для самосуда. Тот сдался, собравшиеся изорвали на нем рубаху, а мулла хотел избить его палкой, но был удержан. Бекмамбетов, по настоянию религиозного общества, извинился перед муллой [11, с.384, 430, 516].

В мае 1927 г. заведующий бахчисарайской библиотекой (бывший мулла) в разговоре со своими знакомыми заявил: «В отношении татар ведется очень плохая и суровая политика...» В июне 1927 г. в деревне Чоргунь Севастопольского района мулла грозил обещанием образовать «Крымскую татарскую республику» [12, с.412, 476–477]. По данным чекистов, члены «Милли фирка» вели тогда организованную кампанию против происходившего интенсивного переселения в Крым евреев, при этом предпринимали реальные шаги по привлечению крымско-татарской эмиграции к этой кампании, чтобы с ее помощью повлиять через иностранные правительства на СССР с целью добиться отмены решения о переселении в Крым евреев и организации вместо этого реэмигра-

ции татар [13, с. 593]. Все эти факты означали, что в Крыму был налицо глубокий социально-политический кризис, вызванный действиями центральной власти, которая решила взвалить всю вину за свои неудачные решения на местных партийных и советских руководителей.

В июле 1928 г. в Крым из Москвы прибыла комиссия ЦК ВКП(б) во главе с ответственным инструктором ЦК Н.А. Филатовым, чтобы провести полное обследование Крымской партийной организации. В докладе, направленном им в Оргбюро ЦК ВКП(б), отмечалось, что ключевые должности в местном правительстве занимали бывшие татарские, как сказано в документе, «националисты», которые составляли ядро партии «Милли фирка» и в 1917 г. выступали за национально-культурную автономию в Крыму. Таким образом, по заключению Филатова, советская власть в Крыму строилась при непосредственном участии, по его определению, «националистических» деятелей, которые активно затем боролись с ней в период ее становления в 1918 г. 1 августа 1928 г. Оргбюро ЦК рассмотрело вопрос о работе и состоянии этой организации. Филатов еще раз подчеркнул, что политику в Крымской ССР направляли деятели «Милли фирка», а переселению евреев препятствовал лично В.Ибраимов⁶ и его сторонники. Филатов отмечал, что когда они поняли, что руководство ЦК ВКП(б) в вопросе еврейской колонизации не пойдет на компромисс, они обратились к зарубежному центру «Милли фирка» (во главе с Дж. Сейдаметом), который находился в Турции, и получили от него директиву – переселению евреев не препятствовать. Тем не менее вскоре в Крыму развернулась новая волна политических репрессий, показательных процессов против видных представителей крымско-татарского народа и бывших членов партии «Милли фирка» [16, с. 367–368]. В результате эта партия в 1928 г. была разгромлена и все ее лидеры, которые находились в СССР, были репрессированы в течение нескольких лет.

Таким образом, весной–летом 1917 г. в Крыму возникла Объединенная социалистическая крымско-татарская партия, которая была преобразована в Татарскую народную партию (сокращенно – Татарская партия или Народная партия) на I Крымско-татарском делегатском съезде (24–25 июля 1917 г.), т.е. в 1917–1928 гг. в Крыму существовала одна та-

⁶Ибраимов Вели Ибраимович (1889–1928) – крымский татарин, в 1906–1908 гг. эсер (в Севастополе), наборщик, в 1917–1918 гг. наборщик татарской типографии в Симферополе, в 1917 г. председатель Симферопольского городского мусульманского комитета, депутат Курултая (1917 г.), член РКП(б) с 1918 г., в 1918–1919 гг. на подпольной работе в Стамбуле, в 1919–1920 гг. сотрудник Разведывательного управления Кавказского фронта, с ноября 1921 г. член Крымского обкома РКП(б), в 1921–1922 гг. заместитель председателя ЦИК Крымской АССР, в 1923–1928 гг. председатель ЦИК Крымской АССР. Расстрелян.

тарская политическая партия, Народная партия – Милли фирка, которая была ликвидирована в СССР, но продолжала существовать за границей.

№ 1

**Письмо А.С.-А.Озенбашлы в редакцию
газеты «Таврический коммунист»**

27 апреля 1919 г.

Письмо татарского деятеля

Таковы главные мотивы национального движения татар в первый период их политической жизни после 27 февраля 1917 г.

Насколько вначале татары как в массе, так и в лице отдельных руководителей видели свое спасение на обломках старого, отживающего свой век буржуазного строя в виде ли учредилки или какого ни на есть сейма, настолько в последнее время как трудовая татарская масса, так и отдельные ее представители стали больше оглядываться на Советскую Россию, прислушиваться к голосу своих северных соплеменников, поволжских татар, киргизов и башкир и присматриваться к новой жизни их на лоне советской республики. И отсюда началось инстинктивное влечение в татарских трудовых массах к советскому строю и заметное отрезвление руководителей, выразившееся в подготовке татарских трудовых масс к должной встрече большевиков, приход которых они предвидели уже месяцев 5–6 тому назад. Такой перелом в настроениях ответственных руководителей татарских трудовых масс был вполне естественен, и можно с уверенностью сказать, вполне соответствовал точно такому же перелому в настроениях широких трудовых татарских масс. Тут, кстати, отметим, что представители так называемой революционной Народной партии[–]«Милли фирка», из коих состояло почти все Бюро Татарского парламента, тенденциозно прозванные кадетами «курултайцами», и были истинными выразителями чаяний и настроений трудовых татарских масс. Это обстоятельство неоднократно сказалось в выборах в разные учреждения, о том же свидетельствует и та ненависть, которую питали мурзы к членам Народной партии[–] «Милли фирка». И вот руководители из «Милли фирка» – члены Татарского парламента, перевидав и переиспытав на протяжении двух этих последних лет прелести почти всех видов существующих на подлунном мире государственных строев, должно быть, узнали их цену. С другой стороны, зорко следя за совершенно новым течением в социально-политической жизни,

течением, ознаменовавшим собою мировую революцию и возвестившим неслыханные до сего лозунги, вполне подходящие и приемлемые для этих народников, они и стали серьезно и вполне искренно готовиться и готовить идущие за ними трудовые татарские массы к новому строю на советских началах. Правда, в атмосфере кадетской травли и мурзацких доносов задача эта казалась не из легких. Но нужно отдать должное Бюро Татарского парламента, что оно очень ловко и искусно справилось с этой задачей. Оно в своих органах «Крым» и «Миллет» регулярно предвозвещает зарю новой жизни и порой проповедует идеи коммунизма. А самое главное, ловкой рукой наносит непоправимый удар контрреволюционерам-белогвардейцам, проваливая объявленную ими мобилизацию. Наконец на закрытом частном заседании Татарского парламента те же руководители, не стесняясь сидевших тут же мурз и реакционеров, проповедуют идеи коммунизма и призывают к союзу с большевиками.

Фахри⁷

От редакции: Статья принадлежит перу одного из вождей Татарской народной партии[–]«Милли фирка» [и печатается] ввиду важности затрагиваемых в ней вопросов [14, 27 апреля].

№ 2

Письмо А. С.-А. Озенбашлы в редакцию газеты «Таврический коммунист»

21 мая 1919 г.

Второе письмо татарского деятеля

Мы должны признать, что образованием Временного рабоче-крестьянского правительства, в котором участвуют 4 татарина, коммунистическая партия лишней раз доказала свою дальновидность в разрешении политических проблем. Российская коммунистическая партия математически правильно угадала значение крымского вопроса, какое он имеет для тех, которые искренне желают дружбу с мусульманским миром.

Крым – это преддверие необъятного мусульманского мира, представляющего собою обширную плодородную ниву, на которой пышно расцветают семена древа коммунизма. Крым – это зеркало, которое будет отра-

⁷ Фахри – один из псевдонимов А. С.-А. Озенбашлы.

жать в себе новые устои жизни на советских началах для мусульманского мира, расположенного по ту сторону Черного и Средиземного морей.

Подобно тому, как мы, крымские татары, украдкой познакомились с жизнью своих соплеменников, поволжских татар, киргизов и башкир, на началах советской власти и, одоббив эту жизнь, радушно приняли красноармейцев как желанных гостей, несущих нам освобождение от ига белогвардейцев и счастливую жизнь на началах советских, – несомненно по нашей же жизни здесь в Крыму на тех же советских началах, будет оказан тот или иной прием предвестникам социальной революции и там, на тех берегах Черного моря, когда они, предвестники социальной революции, в скором будущем пристанут к его южным берегам. Это ясно, как божий день, и о том неоднократно писалось в коммунистической прессе.

Мы, видя в коммунизме начало, задавшееся целью в корне уничтожить мировой капитализм и империализм, под гнетом которого стонал весь мусульманский мир в течение последних веков, искренне желаем, чтобы коммунистическое движение, поскольку оно останется верным самому себе, правильно и довольно рельефно отразилось в нашем зеркале, здесь в Крыму, дабы могло сразу соблазнить остальные мусульманские народы.

Вот почему мы нашли нужным высказать свои соображения по способу установления у нас, среди татар, новых основ советской власти.

Прежде всего, необходимо заметить, что нужно быть очень осторожным в деле выбора сотрудников из татарских общественных деятелей, чтобы не наскочить на политических хамелеонов.

В прошлом году, например, воспользовавшись общей суматохой, стала у кормила татарских дел в Мусульманском комиссариате реакционная группа мурз, притворившихся «большевиками».

Между тем, впоследствии один из них издавал черносотенную газету «Ак сес»⁸, а другие сотрудничали в «Таврическом голосе» и плясали на все лады под дудочку д-ра Пасманика⁹.

Вот почему мы и высказались за то, чтобы трудовые татарские массы сами выбирали своих представителей: они отлично знают, кто как работает для них.

Далее мы хотели бы высказаться и за то, чтобы социальные реформы проводились среди татар постепенно и не посредством штыков, ибо со-

⁸ *Ак сес (Голос правды)* – политическая и общественно-литературная газета, издавалась в Симферополе (с 4 декабря 1917 г. – 1919 г.) на крымско-татарском и русском языках.

⁹ *Пасманик Даниил Самойлович (наст. фам., имя Даниэль Бен-Самуэли) (1869–1930 – врач, публицист, член ЦК партии сионистов (1906–1917 гг.), с 1917 г. член ЦК кадетской партии, участник белого движения, с 1919 г. во Франции. Автор воспоминаний «Революционные годы в Крыму» (Париж, 1926), весьма популярных в историографии.*

противления со стороны татарской буржуазии, поскольку ее вообще можно называть таковой, совершенно, как мы думаем, не приходится ожидать.

Всякий, кто мало-мальски знаком с бытом и с психологией татар, этого не станет отрицать.

Наконец, я хотел бы посоветовать (да простят меня товарищи) быть особенно осторожным в деле проведения в жизнь социальных реформ, имеющих какое-либо отношение к верованиям и религиозным или национальным традициям татар. Ибо, не говоря уже о той психологической связи, которая существует вообще у восточных народов с религиозными и другими традициями, татарские трудовые массы очень, может быть, такого рода круто проведенную реформу примут, как очередное издевательство над их святая святых – религией, если к тому еще поспеет какая ни на есть гнусная провокация.

Вот приблизительно те слабые стороны жизни и быта нашего народа, на которые нужно обратить особое внимание перед тем, как приступить к установке новых форм жизни у нас в Крыму, среди татар. Я не ошибусь, если скажу, что с такими же слабостями встретитесь вы и у других мусульманских народов. Коммунистам, задавшимся целью пронести луч света социальной революции через мусульманские страны, не излишне, думается нам, знакомиться постепенно с такими особенностями мусульманских народов.

Фахри

[От редакции:] Письмо принадлежит перу известного деятеля из Татарской народной партии [–] «Милли фирка» и печатается в дискуссионном порядке ввиду важности затронутых в нем вопросов.

Статья гр. Фахри показательна тем, что она вполне оправдывает наши положения, неоднократно высказанные крымскими партийными работниками на страницах «Правды» и «Таврического коммуниста» еще до освобождения полуострова, о радикальном переломе настроений татарских народнических групп в пользу советской власти и ориентации на коммунистическую партию и РСФСР, как единственных носителей идеи экономического и национального освобождения малых народностей при том международном положении, которое создалось в результате борьбы между империализмом, как высшей стадии развития капитализма, и мировым большевизмом.

Редакция охотно уделяет место статьям, характеризующим перемену настроения и политической линии мелкобуржуазных националистических партий народностей, населяющих Крым [14, 21 мая].

№ 3

Докладная записка Бюро Крымского обкома РКП(б) в ЦК РКП(б)

15 марта 1920 г.

Доклад КрымОКа в ЦК РКП (за июль–декабрь 1919 г.)
Политическая часть

1. Переговоры с «Милли фирка».

Член бюро КрымОКа в Одессе т. Шульман¹⁰ еще до установления подпольным ОК контакта с бюро связался с «Милли фирка». Им был послан в Крым т. Рахим Ага-оглы¹¹, которому удалось на основании личных бесед с членами ЦК «Милли фирка» установить возможность соглашения между Крымской областной организацией РКП и «Милли фирка». Для переговоров с бюро выехал в Одессу член ЦК «Милли фирка» д-р Енилеев¹² (насколько я помню, пред[седатель] ЦК «Милли фирка»).

2. В целом ряде [докладов] были освещены причины прежних конфликтов между РКП и «Милли фирка» (между прочим, еще во время советской власти в Крыму член ЦК «Милли фирка» Озенбашлы – министр просвещения при директории – поместил в «Крымском коммунисте» статью, в которой выяснялись недоразумения, породившие враждебность между «Милли фирка» и советской властью).

Была дана взаимная информация о настроении масс и программах партии. Новостью для д-ра Енилеева было совмещение централизации государственного аппарата с национальным самоопределением. Был поднят даже вопрос о совместном издании татарской газеты в Крыму.

При обсуждении проекта соглашения выяснилось, что отрицательная часть общей платформы – борьба с Добровольческой армией не вызывала никаких возражений. На вопрос о том, какая форма правления наиболее приемлема для «Милли фирка», д-р Енилеев дал информацию, из которой видно, что внутри «Милли фирка» борются две группы – одна за Петлюру¹³, другая – за советскую власть. Сам д-р Енилеев имел поручение от ЦК «Милли фирка» связаться с Петлюрой.

¹⁰ Шульман Ефим Рафаилович (1899?–1937) – в указанное время секретарь Крымского обкома КП(б) Украины, позже исключен из РКП(б).

¹¹ Агаев Рахим – коминтерновец.

¹² Енилеев Мухаметзян Хайбулович – крымский татарин, в 1917 г. член Крымско-мусульманского исполкома, член «Милли фирка», потом в эмиграции вместе с Дж. Сейдаметом.

¹³ Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) – глава Директории Украинской Народной Республики в 1919–1920 гг.

После того, как мною в Крыму были получены связи с «Милли фирка», я предложил ЦК «Милли фирка» делегировать официального представителя для переговоров. В конце октября старого стиля 1919 г. в Севастополь прибыл член ЦК Абдураманов¹⁴ с официальным мандатом на переговоры. В это же время в Севастополе находился прибывший на партийную областную конференцию т. Шульман. Нами было заключено соглашение: Крымская подпольная областная организация РКП и «Милли фирка» борются против Добровольческой армии.

Абдураманов заявил нам, что «Милли фирка» будет поддерживать советскую власть. Нам важно было добиться другой формулировки – «Милли фирка» признает советскую власть единственной желательной и необходимой для интересов татарских масс.

Так как у Абдураманова не было мандата на признание такой формулировки, нам пришлось ограничиться подробным разъяснением национальной программы РКП и общих целей пролетарского Интернационала и ОКК[ыма]. Абдураманов представляет собой типичного представителя «Милли фирка», партии народнической, совмещающей в себе и, по-видимому, в психике каждого своего члена и всей группировки – от безоговорочной поддержки советской власти до петлюровских, узко федералистских настроений. Нам удалось несколько раз поставить Абдураманова перед наглядным фактом противоречий в его собственном мировоззрении и программе «Милли фирка».

Абдураманов выехал в Симферополь с нашим предложением «поставить в ЦК Милли фирка вопрос о положительной части» программы «Милли фирка».

Крымобластбюро при ОК было предложено начать усиленную работу по увеличению нашего влияния внутри «Милли фирка» и в зависимости от конкретной обстановки ставить себе целью привлечение членов «Милли фирка» в мусульманские группы РКП, либо организационный раскол внутри организации «Милли фирка», либо наконец переход целых организаций «Милли фирка» на нашу платформу.

В декабре в Одессе информацию и связи с «Милли фирка» переданы вновь избранному секретарю ОК т. Бабаханяну¹⁵.

Хайцевич [3, л.188–190]

¹⁴ *Абдураман (Абдураманов) Фетта (Феттах) (1879 – после 1928) – крымский татарин, общественно-политический деятель. Репрессирован.*

¹⁵ *Бабахан Сергей Яковлевич (Бабаханян Сисак Акович) (1892–1936) – с декабря 1919 г. по ноябрь 1920 г. секретарь подпольного Крымского обкома РКП(б).*

№ 4

Докладная записка Татарской народной партии –
«Милли фирка» в Крымский ревком¹⁶

25 ноября 1920 г.

г. Симферополь

«Милли фирка» является, во-первых, отражением мусульманской общественности, восставшей против гнета, эксплуатации, унижений и оскорблений мировым капиталом мусульманского мира, а во-вторых, жизненным путем к последовательному переходу от капиталистического хозяйства к коммунально-коллективистическому.

«Милли фирка» считает, что низведение мусульманского мира до рабского и низкого состояния, большего, чем даже в Египте и Греции, объясняется двумя причинами: во-первых, отсутствием общественной организованности во всех сферах жизни мусульман и недостатком культурных сил, а во-вторых, эксплуатацией и угнетением всего мусульманского мира и всего Востока мировым капиталом и империализмом, начиная с XVIII столетия. Как известно, представительницей европейского капитализма, эксплуатирующего мусульманский мир, является Антанта, которая восстанавливает его против себя. «Милли фирка» признает, что естественными противниками европейского империализма и капитализма являются две крупные силы, одна из которых находится в состоянии активной [борьбы] в лице советской власти, которая в течение трех лет победоносно шествует против мирового капитализма и империализма, другой крупной силой против того же капитализма и империализма должно считать с каждым днем возрастающий революционный напор в пораженном мусульманском мире.

Признавая, что Советская Россия является первым верным и естественным другом и союзником угнетенного мусульманства, «Милли фирка» вместе с тем считает своим долгом сообщить следующие свои соображения и убеждения: так как в настоящее время коммунистической партии нужны работники в деле организации экономической структуры общества в направлении перехода от капиталистического строя

¹⁶ В сопроводительном письме, направленном в ЦК РКП(б) 16 декабря 1920 г. секретарем Крымского обкома РКП(б) Р. С. Самойловой, сказано: «Препровождая копию докладной записки "Татарской народной партии[–]Милли Фирка", сообщаю, что на заседании областного комитета от 30 ноября с. г. постановлено с указанной организацией, как с вредным и ненужным пережитком, в соглашение не вступать, а начать против нее усиленную кампанию и борьбу» [4, л.32]. См. док. 5.

к коллективизму на трудовых основаниях, то интеллигенция, вышедшая из недр мусульманского народа и знакомая с бытом и особенностями, психологией и традициями мусульман, вполне может принять на себя сотрудничество в этом деле, расходясь с коммунистической партией не в принципах, а лишь во времени, месте и способе осуществления, так как для этого необходимо устранить целый ряд препятствий, издавна укоренившихся в мусульманском общественном быту.

Следует признать, что у мусульманина совершенно иная, отличная от европейцев психология, и совершенно другой взгляд, общественные недуги и экономические особенности, что объясняется, прежде всего, до сих сохранившимся наличием почти у 300 миллионов из 350 000 000 мусульман полукочевой, полуседлой формы общественной жизни, препятствующей классовой дифференциации.

Наличность в мусульманском обществе шариата и рядом с ним целого ряда сект как-то: фанатический вагабизм¹⁷, аристократический мевлевизм¹⁸, коммунистический багаизм¹⁹, анархический гашишизм²⁰, индивидуалистический гуруфизм²¹ и др., далее дервишество, шаманизм, маздеизм и вытекающие из всех этих учений и толков экономические пути и исследования этих последних приводят нас к следующему выводу, что пути достижения социального счастья мусульманского народа совершенно отличны от средств и путей, избранных европейским трудовым народом.

Исходя из такого взгляда на мусульманский общественный уклад, «Милли фирка» и вступила в Крым на путь самостоятельной борьбы против религиозных, сословных и общественно-экономических суеверий крымско-мусульманского общества и в результате трехлетней деятельности партии, сегодня уже можем утверждать, татарский народ приближается к окончательному освобождению от предрассудков, рабского подчинения влиянию фанатичных мулл, властолюбивых мурзаков-помещиков. «Милли фирка» утвердила в Крыму принцип национализации вакуфов, доходы с которых по воле всего татарского народа предназначены для культурно-просветительных целей татарского народа, в то время как до революции 1917 г. эти доходы поступали в личный бюджет

¹⁷ *Т.е. ваххабизм.*

¹⁸ *Мевлевизм – суфийское братство.*

¹⁹ *Т.е. бехаизм.*

²⁰ *Имеются в виду хашавиты – прозвище мусульманских традиционалистов, проповедовавших антропоморфические взгляды, также часто употреблялось как прозвище людей, говорящих необдуманно, опрометчиво, позволяющих вольное и демагогическое истолкование высказываний и поступков пророка Мухаммеда.*

²¹ *Точнее, хуруфизм – одна из ветвей суфизма.*

муллы каждого прихода (мечети). «Милли фирка» освободила женщину-татарку от тысячелетнего семейного, общественного и религиозного рабства, допустив к участию в общественной жизни народа.

В то время как разруха сквозила во всех областях краевой жизни, татарский народ до Февральской революции не имел ни одной светской школы выше первоначального типа, «Милли фирка» в течение трех лет удалось создать по одному высшему начальному училищу в каждом уезде Крыма, татарскую женскую учительскую школу в Симферополе, татарское среднее художественное училище и учительскую семинарию в Бахчисарае, реформирует татарскую бахчисарайскую высшую духовную семинарию «Зинджирлы медресе», вводя туда гуманитарные науки, естествознание, что в мусульманском обществе достигается после слишком упорной борьбы с фанатическими предрассудками.

Статистические данные о татарских народных школах в деревнях Крыма также могут служить показателем работы «Милли фирка» в деле насаждения грамотности среди татарского крестьянства.

Авторитет института муфтиатства, властвовавший над умами мусульман в течение тысячелетий, впервые во всем мусульманском мире был поколеблен и разрушен усилиями «Милли фирка».

Все это «Милли фирка» признает как общественную борьбу и как фактор, способствовавший победе всего народа в классовой борьбе.

Все нами изложенное сводится к следующему: 1) По нашему убеждению, на Востоке буржуазией являются колонизаторы – обладатели европейского капитала и поддерживаемые ими группы; 2) Развитие и рост революционного движения в мусульманском мире зависит от степени интенсивности революционной деятельности мусульманской интеллигенции.

Если будет признано, что «Милли фирка» вела в Крыму общественную борьбу и сыграла революционную роль, то «Милли фирка» добивается: 1) легализации «Милли фирка»; 2) передачи татарских религиозных, просветительных дел и вакуфов в ведение «Милли фирка», 3) разрешения издания «Миллет», литературных и научных журналов и книг.

Председатель ЦК (подпись)²²

Члены ЦК (семь подписей)²³

Секретарь (подпись)²⁴

²² Хаттатов.

²³ Из семи подписей в историографии определены шесть: первая подпись неразборчива, Б. Чобан-заде, Х. Чапчакчи, Б. Одабаш, С.-У. Таракчиев, О. Муединов, Ф. Абдураман.

²⁴ М. А. Аджи-оглу.

Помета: В ЦК РКП.ЦБ находит невозможным добиваться легализации Милли фирка. Шамигулов²⁵. [3, л.34–34 об. Опубликовано с ошибками: 5, с.120–123; 6, с.35–37].

№ 5

Из протокола заседания Крымского обкома РКП(б)
от 30 ноября 1920 г.

Присутствовали: т. т. Бела Кун²⁶, Немченко²⁷, Ибрагим²⁸, Ульянов²⁹ и Самойлова³⁰.

Слушали: 1. О «Милли фирка».

Постановили: 1. Резолюцию, отвергающую соглашение с группой в целом, как с вредным и ненужным пережитком.

2. Начать кампанию против «Милли фирка» устной и письменной агитацией.

²⁵ Шамигулов Гали (Галим) (1891–1959) – татарин (по другим данным башкир), кирпичник, приказчик, член РСДРП с 1910 г., в 1914–1917 гг. в армии, в 1917 г. член ЦК Татарской социал-демократической рабочей партии, председатель татаро-башкирского бюро Уфимского губкома РСДРП(б), в 1918 г. член исполкома Оренбургского губернского Совета рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов, губернский комиссар по делам национальностей, в 1919 г. член Башкирского обкома РКП(б), в 1920 г. председатель Башкирского ЦИКа и СНК Башкирской АССР, затем переведен в Москву, где работал в Бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) (1921–1923).

²⁶ Кун Бела (Кун Бела Морисович) (1886–1938) – в марте 1919 г. провозгласил Венгерскую советскую республику, просуществовавшую 133 дня. В 1920 г. председатель Крымского ревкома. В 1921 г. выехал из Крыма.

²⁷ Немченко Павел Иванович (1890–1937) – один из лидеров крымских меньшевиков, с 1920 г. большевик, зав. отделом труда Крымского ревкома, член Крымского обкома РКП(б). С 1921 г. на профсоюзной работе. Репрессирован.

²⁸ Дерен-Айерлы Осман Абдул Гани (псевдоним – Ибрагим) (1898–1949) – крымский татарин, участник Гражданской войны в Крыму на стороне красных, член РКП(б) с 1918 г., с конца 1920 г. член Крымского ревкома, председатель Совета народных комиссаров Крымской ССР (1924–1926). Затем работал в Татарской АССР. В 1927–1929 гг. учился на Курсах марксизма при Коммунистической академии имени Я. М. Свердлова. В 1929 г. работал на заводе «Красная этна» в Нижнем Новгороде. В 1929 г. исключен из ВКП(б) и репрессирован.

²⁹ Ульянов Дмитрий Ильич (1874–1943) – брат В. И. Ленина, в 1919 г. возглавлял правительство Крымской ССР, в 1920–1921 гг. член Крымского обкома РКП(б), особоуполномоченный Наркомата здравоохранения РСФСР и начальник Центрального управления курортами Крыма. В 1921 г. отозван из Крыма.

³⁰ Самойлова Розалия Самойловна (1874–1947) – с 15 ноября 1920 г. до января 1921 г. секретарь Крымского обкома РКП(б).

3. Издать брошюру, направленную против «Милли фирка». Поручить написать ее т. Фирдевсу³¹.

Секретарь Р.Самойлова [2, л. 10]

№ 6

Из протокола заседания Крымского областного Татарского бюро при Крымском обкоме РКП(б) от 10 декабря 1920 г.

Присутствовали: т. т. Фирдевс, Эмирханов³², Аппазов³³, Дерен-Айерлы и Идрисов³⁴.

Слушали: 4. О «Милли фирка».

Постановили: 4. «Милли фирку» как организацию не допустить к существованию. Активных лидеров и кулаков-собственников из членов «Милли фирка» изолировать из Крыма. Честных трудовых интеллигентных членов использовать как техническую силу. Из членов «Милли фирка» не принимать в партию, пока о них не будет особое разрешение в областном комитете³⁵.

Председатель бюро И.Фирдевс

Секретарь И.Аппазов [2, л. 49]

³¹ Керимджанов Измаил (партийный псевдоним Фирдевс) (1888–1937) – крымский татарин, учитель, член РСДРП(б) с 1917 г., в 1918 г. зам. председателя Симферопольского совета, позже член Казанского губкома РКП(б), член коллегии Татарской ЧК, Центрального бюро Коммунистических организаций народов Востока, занимал ряд руководящих постов в составе правительства Таврической ССР (1918 г.) и Крымской ССР (1919 г.), сотрудник Центрального мусульманского комиссариата при Наркомнаце РСФСР (1918–1920), в 1921–1922 гг. нарком по национальным делам Крыма, в 1922–1924 гг. секретарь ЦИК Крымской ССР, в 1925 г. председатель правления Сельскохозяйственного банка Крыма. В 1926 г. выслан из Крыма, старший инспектор Сельскохозяйственного банка РСФСР. В августе 1927 г. направлен Политбюро ЦК ВКП(б) в распоряжение Закавказского крайкома ВКП(б).

³² Амирханов (Эмирханов) Ибрагим Зарифович (1889–1938) – казанский татарин, учитель, в 1916–1917 гг. в армии, в 1918–1919 гг. в Казани (народный судья, зав. Казанским губернским отделом по делам национальностей), в 1920 г. прикомандирован от Политотдела 6-й армии РККА к Мусульманскому бюро при Крымском обкоме РКП(б), в 1922–1924 гг. член Трибунала Татарской АССР.

³³ Аппазов (Апазов) Ислям Саидович (1900–?) – крымский татарин, парикмахер в 1918–1919 гг., член РКП(б) с 1919 г., в 1921–1922 гг. секретарь Алуштинского райкома РКСМ, с 1926 г. начальник районной милиции в Карасубазаре, арестован в 1933 г. и осужден к 3 годам ИТЛ.

³⁴ Идрисов Сулейман Измайлович (1878–1938) – крымский татарин, учитель, в годы Первой мировой войны в армии, в 1917–1919 гг. депутат Курултая, товарищ комиссара внешних и национальных дел в правительстве Таврической ССР, с 1918 г. член РКП(б), в 1919 г. нарком земледелия Крымской ССР, в 1920–1921 гг. член Крымского ревкома, затем заведующий управлением в Наркомате земледелия Крымской АССР. В 1934 г. репрессирован.

³⁵ В тексте опечатка: конференции.

№ 7

Статья И. Мамутова³⁶ «Милли фирка»

14 декабря 1920 г.

Такая партия, оказывается, существует в Крыму.

Сплошь состоящая из интеллигентов, сыновей зажиточных мурз и мусульманского духовенства, она обратила внимание на «умственное убожество» татарской бедноты и повела... культурно-просветительную работу.

До массового размаха эта «общественная деятельность», конечно, не доросла. Слишком опасно было бы собрать съезд или конференцию трудящихся, интересы которых вылились бы далеко за «культурно-просветительную» повестку дня «партии просвещения».

В дальнейшем, когда горячее дыхание революционного восстания Советской России откликнулось в сердцах трудящихся Крыма, «милли фирка», боясь утратить опору в массах, опасаясь срыва своей «благотворительной работы», выдвинула программу национального «возрождения» мусульманского мира. Ею всячески затемнялось классовое сознание трудящихся, отвлекаемое в сторону буйного, чисто петлюровского шовинизма.

Татарскому рабочему вбивалось в голову черносотенное убеждение, будто не английский капитал, а английский и французский народы в целом являются источником его угнетения. И вместо того, чтоб объединить классовую работу татарского пролетариата с Советской Россией против буржуазии, против Антанты, эти предатели выдвинули лозунг «самостийной» татарской государственности.

Такая постановка вопроса пришлась, понятно, по душе царскому ген. Сулькевичу³⁷, и «милли фирка» стала вхожа в высокопоставленные апартаменты великих князей.

И когда мусульманский пролетариат отдавал лучших сынов своих в отряды «зеленых» повстанцев, «милли фирка» в теплом уюте под крылышком барона Врангеля занималась школьной работой.

³⁶ Мамутов Смаил (Исмаил) (1899–?) – крымский татарин, член РКП(б) с 1918 г., в 1921 г. зав. финансовым отделом Симферопольского уездного ревкома, зам. крымского военкома, арестован в 1932 г., осужден в 1933 г. к 10 годам ИТЛ.

³⁷ Сулькевич Мацей (Масей, Матвей) Александрович (в Крыму в 1918–1919 гг. Сулейман; в Азербайджане в 1919–1920 гг. Мамед-бек) (1865–1920) – литовский татарин, член Таврической ученой архивной комиссии (1912 г.), генерал-лейтенант (1916 г.), в годы Первой мировой войны командир 37-го армейского корпуса, в 1918 г. глава 1-го Крымского краевого правительства и министр внутренних, военных и морских дел, 15 ноября 1918 г. ушел в отставку, затем покинул Крым и отправился в Азербайджан. Здесь с марта 1919 г. начальник Генерального штаба вооруженных сил Азербайджанской республики. Расстрелян большевиками.

Теперь эта партия выступила (подумайте только) от имени всего мусульманского пролетариата с предложением своих услуг... областному комитету коммунистической партии.

Товар лицом. Вот вам татарские рабочие и крестьяне. Они глупы, грубы, скотски невежественны: у них фетишизм, вогабизм³⁸, мевлевизм и другие «измы». Вам нужны татарские агитаторы. Так извольте принять нас. А то мы вам напакостить всегда сумеем. Ведь мы по-татарски разговаривать умеем.

Такая скудная история «развития» «авангарда» татарского рабочего класса.

Даже не Рабоче-Крестьянская Красная Армия, не Особый отдел ВЧК вычеркнули «милли фирка» из списка живых. Она покончила постыдным самоубийством.

Каково же надгробное слово татарских рабочих и крестьян над могилой политического мертвеца?

Мы знаем только классовых врагов и классовых друзей. Международная контрреволюция, английские, французские, русские и татарские буржуа – наши враги. Трудящиеся Западной Европы, Советской России – наши товарищи в революционной борьбе.

В Российской Социалистической Федеративной Советской Республике Красный Крым, исстрадавшийся в застенках палачей, займет почетное пролетарское место.

Только в неуклонной совместной борьбе против мирового капитала трудящиеся мусульманского мира найдут освобождение от гнета, эксплуатации и темноты, вызываемой ею.

Только коммунистическая партия, ведущая нас по этой дороге, может быть партией пролетариата.

См[аил]³⁹ [7, 14 декабря]

№ 8

Телеграмма Г. Шамигулова в Крымский обком РКП(б)

26 марта 1921 г.

В[есьма] срочно

Симферополь, Крымобком

ЦБтюркнародов просит срочно провести в жизнь постановление Оргбюро ЦК РКП от 23 марта с.г. о ликвидации КрымОКомом Национальной партии – «Милли фирка». О принятых мерах срочно сообщите.

Политсекретарь ЦБтюркнародов Шамигулов [4, л.37]

³⁸ Т.е. ваххабизм.

³⁹ Автор определен по подписи и содержанию.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-1247. Оп.1. Д.39.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.12. Д.275.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.65. Д.251.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.583. Оп.1. Д.115.
5. Бочагов А.К. Милли фирка. Национально-буржуазная контрреволюция в Крыму. Очерк. Изд.2-е. Симферополь: Крымгосиздат, 1932.
6. Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымско-татарское национальное движение. Т.2. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, 1992.
7. Красный Крым (Симферополь). 1920.
8. Красный Крым (Симферополь). 1926.
9. Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка». Документы свидетельствуют. Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Том 1. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2009.
10. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т.1. 1922–1923 г. Ч.2. М.: Институт российской истории РАН, 2001.
11. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т.4. 1926 г. Ч.1. М.: Институт российской истории РАН, 2001.
12. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т.5. 1927 г. М.: Институт российской истории РАН, 2003.
13. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т.6. 1928 г. М.: Институт российской истории РАН, 2002.
14. Таврический коммунист (Симферополь). 1919.
15. Хаяли Р.И. Политические партии крымских татар (1917–1928 гг.) // Гуманитарные научные исследования. 2017. №3.
16. Бикова Т. Як здійснювався терор проти кримськотатарської інтелігенції у 1928–1930 с. // Історія Криму у запитаннях і відповідях. Київ: Наукова думка, 2015.
17. Archives du ministère des Affaires étrangères de France. Correspondance politique et commerciale 1914–1940. Ser.Z. Car.651. Dos.2.

Идея не несет ответственности
за тех, кто в нее верит.

Дон Маркис

Если власть законодательная
и исполнительная соединены
в одном лице или учреждении,
то свободы не будет.

Шарль Монтескье

Оксана Киянская

СОРАТНИКИ ПЕСТЕЛЯ.

ДЕКАБРИСТ
ВАСИЛИЙ ДАВИДОВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
82(091)

Анализируя деятельность декабриста П. И. Пестеля, автор статьи обращает внимание на ситуацию, сложившуюся в Южном обществе. Отмечается, что у Пестеля были как серьезные оппоненты, с которыми он не мог договориться, так и верные друзья. Одним из самых близких Пестелю заговорщиков был В. Л. Давыдов, руководитель Каменской управы Южного общества. Однако, несмотря на верность и лично Пестелю, и идеям декабристов, Давыдов не был готов к революционным действиям, его деятельность сводилась лишь к разговорам о необходимости политических реформ в России.

With Decembrist Peter Pestel action analysis the author brings attention to the situation in the Southern Society. Peter Pestel had both serious opponents with whom he could not agree and loyal friends. Head of the Kamensk council of the Southern Society Vasily Davydov was one of the closest to Pestel among the conspirators. However, despite his loyalty to Pestel personally and devotion to the ideas of the Decembrists, Davydov was not ready for revolutionary actions. His activities were limited to talking about the need for political reforms in Russia only.

Ключевые слова: П.И.Пестель; А.П.Барятинский; В.Л.Давыдов; Южное общество; Каменская управа.

Key words: P.I.Pestel; A.P.Baryatinsky; V.L.Davydov; the Southern Society; the Kamensk council.

E-mail: kianoks@inbox.ru

Среди декабристов, «людей двадцатых годов», которые, согласно определению Ю.Н. Тынянова, «перестали существовать» «на очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года», безусловным лидером был Павел Пестель.

Автор этих строк уже не раз описывал биографию лидера заговора (см., напр., [16; 17; 14, с.15–97]) и пришел к выводу, что, готовя российскую революцию, Пестель опирался не на практически бездействовавшее Южное общество, а на реальные военные структуры. Финансовая деятельность Пестеля в Вятском полку тоже была направлена на подготовку заговора.

Выход этих книг сопровождался полемикой. Если суммировать предъявляемые оппонентами претензии, то, с одной стороны, в рассказе о финансовой деятельности Пестеля, о его подготовке к революционному походу рецензенты видели сознательное «очернение» человека, погибшего на виселице за свои убеждения. С другой же – биографа Пестеля обвиняли в оправдании исторического деятеля, добивавшегося своих целей негодными средствами.

Оставляя в стороне личные оскорбления, которые характеризуют, прежде всего, самих рецензентов, следует отметить, что такого рода оценки – во многом следствие неоднозначного восприятия Пестеля исследователями. Если исследователь утверждает: «Идея, что декабристы могли быть озабочены финансированием революции, не только не подтверждается источниками, но и абсолютно противоречит их образу мыслей, ментальности, системе представлений той эпохи» [36, с.151], то, конечно, автор работ, в которых идет речь именно об этой стороне деятельности Пестеля, не может быть прав по определению.

Если же исследователю важно подчеркнуть, что Пестель, последователь Макиавелли, «не смыкал политику с моралью и религией, рассматривал ее как область абсолютно автономную», что его отличало резкое несоответствие «интеллектуальных и нравственных качеств», что ему был присущ «моральный релятивизм» [32, р.112, 113, 114], то таким же «моральным релятивистом» оказывается автор работ о нем, не выносящий категорических оценок.

Если же исследовательская позиция оказывается взвешенной, если исследователь считает, что «Пестель был гениальным», что он обладал «выдающимся государственным умом», «много и серьезно» работал «над организацией тайного общества» и при этом не чуждался «интриги и политиканства» [27, с.312], то и нравственных претензий к биографу Пестеля, как правило, не возникает.

Идя от историографии к источникам, можно увидеть, что неоднозначность исследовательских оценок базируется на неоднозначности оценок Пестеля современниками.

С одной стороны, все, кто общался с ним, отдавали должное его уму. «Умным человеком во всем смысле этого слова» считал Пестеля Александр Пушкин [30, с.14]. Об «уме пестелевом», его «необыкновенных способностях» поведал на следствии Михаил Бестужев-Рюмин, один из главных южных заговорщиков, впоследствии взошедший вместе с Пестелем на эшафот [4, с.77, 68]. О свойственных Пестелю «уме и даре убеждения» рассказал в мемуарах хорошо знавший его Николай Басаргин, в 1820-х гг. – член Южного общества и адъютант начальника штаба 2-й армии [3, с.62]. «Человеком замечательного ума, образования» считал Пестеля его близкий друг Сергей Волконский [8, с.364]. Сослуживец Пестеля, заговорщик Николай Лорер, вспоминал о своем лидере как об «умном» и «оригинальном» человеке с «большими способностями» [20, с.63, 69]. «Он обольстил меня своим умом», – утверждал в показаниях другой заговорщик, отставной подполковник Александр Поджио [29, с.51].

«Особенно отличался он высоким лбом и длинными передними зубами. Умен и зубаст!» – таким запомнил руководителя заговора столичный журналист Николай Греч [10, с.364]. О том, что Пестель «действительно имеет много способностей ума», писал в частном письме начальник штаба 2-й армии, генерал Киселев [33, с.45]. «Пестеля нельзя ставить наряду с остальными членами общества; об нем все говорят как о гениальном человеке» [37, с.142] – утверждал Евгений Якушкин, сын декабриста, на основании рассказов заговорщиков.

Один из немногих, отказавших Пестелю в уме, был цесаревич Константин Павлович. В июне 1826 г. он писал брату-императору из Варшавы: «"Русская Правда" Пестеля – настоящее шутовство... если бы дело не было так серьезно. Я предполагал в нем более здравого смысла и ума, но он выказал себя только безумцем и обнаружил какой-то хаос крикливых, плохо понятых и плохо переваренных мыслей» [22, с.196]. Однако такой отзыв – следствие недоразумения: Константин, конечно, «Русской Правды» не читал, привезенная с Украины, за весь период следствия и суда она не покидала столицу. Ознакомился он с «шутовским» сочинением, скорее всего, по краткому и неточному конспекту, составленному правителем дел Следственной комиссии Александром Боровковым. Конспект этот имеется в распоряжении историков; он действительно обнаруживает «хаос мыслей» [15, с.54–55].

Осенью того же года цесаревич, согласно мемуарам, тоже заговорил об «уме» погибшего заговорщика [34, с.51–52].

Свой незаурядный ум, талант теоретика и политического деятеля Пестель использовал исключительно на благо своей стране, понимая под этим благом русскую революцию. На следствии он рассказывал о собственном «восхищении и, можно сказать, восторге» при рассуждениях о «живой картине всего счастья», которое должно было наступить в постреволюционной России [28, с.91]. «Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно любил мое отечество, я желал его счастья с энтузиазмом, я искал этого счастья в замыслах, которые побудили меня нарушить мое призвание и ввергли меня в ту бездну, где нахожусь теперь», – писал он из тюрьмы родителям [7, с.421]. Однако почти все годы существования заговора лидер Южного общества выслушивал от своих товарищей обвинения в бонапартизме и аморализме. Впоследствии эти обвинения вылились на страницы воспоминаний и декабристов, и других современников [37, с.143; 3, с.62; 10, с.364–365; 5, с.337]. Были среди южных заговорщиков и те, кто, не обвиняя его в желании захватить власть после победы революции, тем не менее не желали подчиняться его лидерству, предпочитая самостоятельные действия. Одним из таких людей был подполковник Сергей Муравьев-Апостол, будущий руководитель восстания Черниговского полка.

Между Пестелем и Муравьевым-Апостолом существовали серьезные тактические разногласия. «Вообще заметить можно, что два главных существовали оттенка во всех предположениях. По первому располагалось начальное действие в Петербурге, а от армии и губерний ожидалось содействие. По второму располагалось начальное действие в армии где-нибудь, а от Петербурга ожидалось содействие», – показывал Пестель [28, с.104, 178].

Руководитель южной Директории был безусловным сторонником первой точки зрения. «Приступая к самой революции, – показывал он на следствии, – надлежало произвести оную в Петербурге, яко средоточии всех властей и правлений, а наше дело в армии и в губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу». Пестель считал, что торопиться с революцией не следовало. «Не оставаясь в бездействии и не сетуя, ежели удобные случаи пройдут без употребления», к революционному походу следует хорошо подготовиться – чтобы «дело сделать делом» [28, с.102–103, 87].

Тактические разработки Васильковской управы разительным образом отличались от плана Пестеля: революцию следовало начинать как раз

«в армии где-нибудь», причем, чем быстрее, тем лучше. Муравьев-Апостол, по его собственному признанию, «предлагал начатие действия, явным возмущением отказавшись от повиновения, и стоял в своем мнении» несмотря на то, что ему «противупоставляли» «все бедствия междоусобной брани, непременно долженствующей возникнуть от предлагаемого... образа действия». Муравьев настаивал на необходимости «начинать дело при первом удобном случае... самому Южному обществу с теми силами, какие у него есть» [26, с.278, 401]. Соперничество Пестеля и Сергея Муравьева-Апостола вызвало в Южном обществе затяжной кризис. Муравьев настаивал на немедленном революционном выступлении, и Пестель так и не смог переубедить его.

Насколько можно судить из дошедших до нас признаний самого Пестеля, ситуацию, которая сложилась вокруг него, он переживал весьма остро. Александру Поджио он говорил о том, что – в случае победы революции – не хочет «быть уличен в личных видах», собирается «удалиться» в «Киево-Печерскую Лавру» и стать схимником [29, с.76–77; 28, с.160].

Трудно сказать, что на самом деле сделал бы Пестель, если бы заговорщики победили. Но в реальной ситуации середины 1820-х гг. его оскорбляла мысль, что соратники по тайному обществу видят в нем “un ambitieux qui a l'intention de pêcher dans l'eau trouble”, то есть честолюбец, который намерен половить рыбку в мутной воде. Другьям Пестель говорил, что собирается – для того, чтобы пресечь подобные разговоры, – уехать «из России за границу», отойти от общества «тихим образом», «принести государю свою повинную голову» и рассказать о тайном обществе, чтобы тем самым заставить Александра I вернуться к идее преобразований [9, с.371; 1, с.260; 20, с.74].

Вокруг Пестеля в годы существования заговора были не только оппоненты и враги, но и верные друзья, не допускавшие мысли, что они сотрудничают с узурпатором. В 1824 г. в Москве на французском языке вышла книжка стихов под названием “Quelques heures de loisir à Toulchin”, то есть «Несколько часов досуга в Тульчине». Ее автор, князь Александр Барятинский, поручик лейб-гвардии Гусарского полка, был к моменту выхода книги адъютантом главнокомандующего Витгенштейна и активным заговорщиком. В конце 1825 г. Пестель назначает Барятинского – вместо себя – главой Тульчинской управы [1, с.286].

Князь – один из ближайших друзей Пестеля. В 1826 г., на следствии, он – в отличие от многих других заговорщиков – пытался спасти своего лидера, убеждая следователей, что «несчастливая слабость полковника Пестеля» состояла в том, чтобы «хвастаться даже и тем чего не было». О «дружбе», которая «соединяет» его с Пестелем, Барятинский рассказывал и следователям, и случайному соседу по каземату Петропавловской крепости [1, с.280, 260; 13, с.61]. Хотя всем подследственным было понятно, что о близких отношениях с главным обвиняемым лучше не распространяться.

Взаимная симпатия Барятинского и Пестеля отразилась в одном из стихотворений вышедшего в 1824 г. сборника. Стихотворение адресовано “P. Pestel”. Под фамилией – сноска “Colonel, commandant le régime de Viatka” («полковник, командир Вятского полка»):

*Quatre lunes déjà – j’y pense avec effroi,
Prime sodalium! me séparent de toi.
Sans doute, il te souvient, des tranquilles soirées:
Où, par l’épanchement nos âmes resserrées,
Trouvaient dans l’amitié tant de charmes nouveaux.
Alors, te reposant de tes nombreux travaux,
Ou, las d’avoir sondé quelque grande pensée,
Ma muse sous ta main fut souvent caressée <...> [39, p.28]*

*Четыре месяца, – мне вспомнилось с тоской, –
Prime sodalium! я разлучен с тобой!
Ты, верно, не забыл простые наши встречи,
Когда в вечерний час и помыслы, и речи
Сливались в дружестве согретых сердцем слов?
В минуты отдыха от всех своих трудов,
Уставший воспарять возвышенной душою,
Ты о стихах моих беседовал со мною <...> [2, с.636]*

Стихотворение это неоднократно комментировалось исследователями [23; 21; 27, с.293–352 и др.]. Подчеркивая его декабристоведческую значимость, Ю.М.Лотман писал: «Мы получаем возможность заглянуть во внутренний мир не условного, созданного традицией мифа о декабристе, а реального человека этого круга».

Исследователи обращали внимание на латинскую фразу “prime sodalium”, которую поэт вставил во французский текст и которой обра-

щается к своему другу. «Это – характерный прием декабристской тайнописи: для непосвященных “sodalis” – друг, товарищ. Однако у слова есть и специальное значение – “соучастник”», – утверждает Лотман [21, с.364]. Парсамов добавляет: «Сам латинский язык отсылает к римской республике и содержит в себе намек на республиканские идеи Пестеля». Однако в целом в этом стихотворении, по мнению исследователя, «суровый вождь Южного общества предстает в образе чувствительного героя» [27, с.314, 315].

К этому следует добавить, что стихотворение – одно из немногих дошедших до нас свидетельств отношения заговорщиков к своему лидеру, данных не на следствии, когда главной задачей было – выжить, и не тридцать лет спустя, в мемуарах. В этом небольшом тексте Пестель не потенциальный узурпатор, а “prime sodalium” и «чувствительный герой».

Одним из тех, для кого Пестель тоже был “prime sodalium”, был отставной полковник Василий Давыдов, сопредседатель Каменской управы Южного общества.

Василий Давыдов

Имя Василия Давыдова связано в истории отечественной культуры со знаменитым имением Каменкой, которым владела его мать и где жил он сам. «Каменка, – утверждает В.С.Парсамов, – это место встречи различных эпох и культур. Ее неповторимую атмосферу создавали люди различных поколений. XVIII век был представлен самой хозяйкой Екатериной Николаевной Давыдовой, в первом браке Раевской. Она была дочерью екатерининского сенатора Н.Б.Самойлова. Это имение перешло к ней в наследство от матери, родной сестры Г.А.Потемкина, купившего в 1870-е годы Каменку и подарив-

шего ее своей сестре. XVIII век хорошо еще помнил и сын Екатерины Николаевны от первого брака Н.Н.Раевского» [27, с.332].

Давыдов, сводный брат знаменитого героя Отечественной войны – генерала Николая Раевского-старшего, тоже геройствовал на полях сражений. В Бородинской битве он – адъютант Багратиона; «за отличие» в битве получил первый орден – Св. Владимира 4-й степени с бантом. Вообще же в кампаниях 1812–1814 гг. он был дважды ранен, успел побывать в плену, стал кавалером нескольких российских и иностранных орденов, золотой сабли с надписью «За храбрость» и серебряной медали в память кампании 1812 г.

После войны Давыдов недолго продолжал строевую службу. В мае 1819 г. он был «уволен в отпуск за границу до излечения болезни», в июне 1820 г. «назначен состоять по кавалерии» – то есть фактически вышел в отставку. Официальная же отставка – «по прошению, за ранами, полковником, с мундиром и полным пенсионом» – последовала в январе 1822 г. [12, с.184–185].

Живя в Каменке после оставления службы, Давыдов занимался самообразованием, пытался привести в порядок свои расстроенные хозяйственные дела. Активной была его личная жизнь: в сожительстве с Александрой Потаповой, воспитанницей его матери, дочерью мелкого чиновника, в раннем детстве оставшейся сиротой, родилось трое детей. Всего же до момента ареста Давыдов успел стать отцом пятерых детей. В мае 1825 г., после смерти матери, противившейся браку с Потаповой, Давыдов обвенчался со своей гражданской супругой.

Вместе с генерал-майором князем Сергеем Волконским, его старинным другом, Давыдов возглавлял Каменскую управу. «В личности самого Давыдова удачно сочетались политический радикализм и утонченность светской культуры», – справедливо утверждает Парсамов [27, с.333].

Вступив в Союз благоденствия в 1819 г., Давыдов, как и Волконский, не согласился с роспуском Союза на Московском съезде 1821 года. Пестель показывал: «Когда в 1821 году Тульчинская Дума объявила продолжение Союза с республиканскою целью», Волконский заявил, что «он также остается членом; а вскорости потом уведомил он... что и Давыдов остается в обществе» [28, с.158].

Декабрист Владимир Лихарев показывал, что «в устах» Давыдова он «чаще всех имен» слышал имя Пестеля, «произносимое с почтением и с высокими похвалами о необыкновенном уме его, любви к Отечеству и отличном познании местного положения России» [19, с.89].

Сергея же Муравьева-Апостола, всегдашнего оппонента Пестеля, ни Давыдов, ни Волконский не любили. В 1824 г. произошло два знаменательных события, после которых руководители Васильковской и Каменской управы «разошлись неприятно» и прекратили между собой все «сношения», в том числе и конспиративные [12, с.225].

Одно из этих событий было личным: Бестужев хотел жениться на племяннице Давыдова Екатерине Бороздиной, однако отец декабриста не дал на это согласия [24, с.210–211]. Второе же событие заговора касалось непосредственно: Муравьев и Бестужев написали письмо членам дружественного Южного Польского патриотического общества с просьбой убить – в случае начала русской революции – цесаревича Константина, наместника русского царя в Польше.

Князь Волконский, которому, собственно, письмо было отдано для передачи полякам, вскрыл его, прочитал и отдал Пестелю. «Директория истребила сию бумагу, прекратила сношения Бестужева с поляками и передала таковые мне и князю Волконскому», – утверждал на следствии Пестель [28, с.116]. На следствии Волконский показывал, что «на слова начальников Васильковской управы с некоторого времени перестал иметь веру» [9, с.118].

Верный сторонник Пестеля, Давыдов на совещаниях и в Киеве, и в собственном имении голосовал за республику, царевубийство и убийство всей императорской фамилии. В 1823 г. он участвовал в неудачных переговорах о совместных действиях со столичной организацией, от «директории Южного общества» он имел поручение «действовать на офицеров в поселенных войсках» [25, с.227; 18, с.16].

Но место Давыдова-заговорщика в тайном обществе определялось не его голосованием за царевубийство, не переговорами с Северным обществом и не невыполненным поручением проводить агитацию в военных поселениях. Свое имение Каменку он предоставлял для нужд заговора – и там заговорщики встречались и совещались, полагая, что они в безопасности. Сергей Волконский вспоминал, что имение Давыдова «было ежегодным сборным пунктом для совещаний, и этот съезд не навлекал подозрений местного полицейского начальства, потому что этого съезда срок был 24-го ноября, именины его матери, почтенной старушки, к которой в этот день и семья и посторонние съезжались» [8, с.361].

К этому следует добавить, что у многих участников заговора были и личные мотивы для посещения Каменки. Разветвленное семейство Раевских-Давыдовых: у Давыдова, кроме сводного брата Раевского, было

два родных брата и сестра – было связано родственными узами со многими членами тайных обществ. На одной из племянниц Давыдова, Екатерине Раевской, был женат генерал-заговорщик Михаил Орлов, другая племянница, Мария Раевская, стала женой Волконского. Дочери сестры Давыдова Софьи, в замужестве Бороздиной, тоже связали свои судьбы с заговорщиками: Екатерина в итоге стала женой Владимира Лихарева, а Мария – Иосифа Поджио.

Самое важное совещание прошло в Каменке в ноябре 1823 г.; на нем присутствовал Пестель и обсуждались вопросы республики, царевубийства и тактики военной революции. Это было уже «третье суждение» руководителей заговора на эту тему – после встреч в Киеве в январе 1822 и январе 1823 г. Те из них, кто раньше отказывались признать царевубийство «способом действий», согласились с необходимостью смерти царя.

Совещание проходило с соблюдением конспирации: на него были допущены только руководители заговора. Посторонние – не только не состоявшие в заговоре лица, но и рядовые его участники – на заседания не допускались. И даже жили главные заговорщики отдельно от других гостей [19, с.91].

Однако такого рода совещания происходили в Каменке редко. Тот же Пестель показывал, что «в Каменке после 1823 года» «ни разу не был» [28, с.178, 180, 166]. Большую часть времен Давыдов был предоставлен сам себе. «Общество, не имеющее ни единомыслия, ни сил, ни денежных пособий, ни людей значительных, ни даже людей, готовых к действию или весьма мало, ничего произвести не может, кроме пустых прений», – признавал он на следствии [12, с.191].

«Прений» в Каменке было предостаточно. О том, как обычно проводили время гости, приезжавшие поздравить с именинами Екатерину Давыдову, рассказывал друживший с Василием Давыдовым и посещавший Каменку Пушкин: «Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами – Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. – Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов». Самого Давыдова поэт называл «милым и умным отшельником» [31, с.14].

Другое пушкинское свидетельство – адресованное Василию Давыдову и датированное 1821 г. стихотворное послание:

*Меж тем, как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои...*

В стихотворении присутствует и характеристика тех «политических предметов», которые обсуждались в Каменке «за бутылкою аи»:

*Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлую струей,
И за здоровье тех и той
До дна, до капли выпивали.
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! – мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся –
И я скажу: «Христос воскрес».*

В этих беседах о «тех» (революционерах) и «той» (свободе), о мировых революционных событиях, о возможности или невозможности провозглашения свободы в самой России, о том, «треснет» или «не треснет» «ярем» рабства, сложно было отличить голос облаченного в «демократический халат» Василия Давыдова от голосов его собеседников. Однако Давыдов был заговорщиком, а его собеседники, в частности, упомянутые в стихотворении его племянники Александр и Николай Раевские, были вольнолюбцами, но в тайном обществе не состояли. Не состоял в заговоре и сам Пушкин.

Впрочем, и о заговоре в Каменке говорил почти открыто. Это подтверждается знаменитым эпизодом из мемуаров Ивана Якушкина, ехавшего вместе с генералом Орловым на Московский съезд и по пути остановившегося в Каменке. «Приехав в Каменку, – рассказывал Якушкин, – я полагал, что никого там не знаю, и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А.С.Пушкин выбежал ко мне с распростертыми объятиями... Василий Львович Давыдов, ревностный член Тайного общества, узнавши, что я от Орлова, принял меня более чем радушно... Через полчаса я был тут как дома» [38, с.40].

Якушкин рассказал о знаменитой «шутке» заговорщиков, придуманной для того, чтобы сбить с толку Александра Раевского, племянника Давыдова, интересовавшегося, принадлежат ли гости к тайному обществу. В разговоре, происходившем «на половине Василия Львовича», «Орлов предложил вопрос, насколько было бы полезно учреждение тайного общества в России. Сам он высказал все, что можно было сказать за и против тайного общества. В.Л.Давыдов и Охотников (Константин Охотников, адъютант Орлова, был членом Союза благоденствия. – *О.К.*) были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, которую могло бы принести тайное общество России... я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование тайного общества, которое могло бы быть хоть на сколько-нибудь полезно.

Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой; в ответ на его выходку я ему сказал: "Мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы?" – "Напротив, наверное, бы присоединился", – отвечал он. – "В таком случае давайте руку", – сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: "Разумеется, все это только одна шутка".

Якушкин вспоминал, что Пушкин был очень расстроен и «сказал со слезой на глазах: "Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка"» [38, с.42–43].

Лихарев показывал, что «обычные» рассуждения Давыдова «были о государственном хозяйстве, о настоящих политических действиях, о сравнении различных правлений, из которых полное преимущество отдавал Соединенным Американским Штатам». В такого рода разговорах Лихарев, по его собственным словам, соглашался с хозяином дома. «Иногда» Давыдов, «обращаясь к России, со слезам говорил: "Когда же наше Отечество достигнет до таковой же степени просвещения?" И я присоединял мои моления к его о счастье любезного Отечества» [19, с.91]. Волконский же вспоминал, что Давыдов, «личность замечательная по уму, пониманию и теплоте чувств к делу» был «коноводитом» «по влиянию его бойких обсуждений и ловко увлекательного разговора» [8, с.361]. Однако «разговоры», которые велись в имени Раевских-Давыдовых, были проникнуты скорее «барским вольнодумством» [35, с.85],

духом дворянской аристократической фронды, чем духом политического заговора.

Но, несмотря на «барственность» этих разговоров, на то, что большинство из участвующих в них в заговоре не состояли, о том, что в Каменке творится нечто противозаконное, слухи шли далеко за пределами Чигиринского уезда. Правительственным агентам «семейство Давыдовых» было известно «как скопище врагов правительства» [6, с.205–205].

«Бойкие обсуждения» «умного отшельника» и его друзей закончились для тайного общества плачевно.

Летом 1825 г., согласно показаниям Владимира Лихарева, его светский знакомый, «отставной чиновник коллегии иностранных дел» Александр Бошняк поведал ему, что «желает быть участником людей (так в тексте. – *О.К.*) которые думают и желают свободы». В том же разговоре выяснилось, что он «желает свободы» не один, а вместе с начальником военных поселений юга России, генерал-лейтенантом графом Иваном Виттом. Бошняк просил «ввести» его «к Давыдову в дом», но предупредил, что если «правительство что-нибудь откроет, то он отречется от всего», что только что было сказано [19, с.91–92].

Оставляя в стороне сложную историю взаимоотношений графа Витта и южных заговорщиков, отмечу, что Лихарев представил Бошняка Давыдову. При первом же свидании Давыдов, судя по показаниям Бошняка, принял «отставного чиновника» в тайное общество и объяснил ему, что «цель заговора есть истребление или заключение всей императорской фамилии, установление в России представительного республиканского правления», что «дворянство должно отказаться от своих преимуществ, или выехать, или погибнуть», что «от земель помещиков значительные участки должны быть отрезаны крестьянам», что «устанавливается сенат из членов, заслуживавших сие отличие чрез особые подвиги», что «еще в 1823 или в 1824 году от верховной венты... на предназначенном смотре предписано было схватить... государя императора Александра Павловича, но что пред самым исполнением сие повеление было отменено» и т.п. Кроме того, Бошняку было сказано, что «по окончании переворота» «несколько губерний соединятся под управлением одного генерал-комиссара, пользующегося и отличной властью, и огромным содержанием». Бошняку было предложено получить «генерал-комиссарство костромской и прилежащих к оной губерний» [6, с.207–208].

Итогом переговоров Бошняка с Лихаревым и Давыдовым стал донос генерала Витта императору в августе 1825 г.; в октябре император лично беседовал на эту тему с генералом. После этого начальник армейского

штаба генерал Киселев посоветовал своему другу Сергею Волконскому «ради себя» и собственной семьи «уклониться» «от всех этих пустяшных бредней, которых столица в Каменке (имение Давыдова. – *О.К.*)», поскольку «это пахнет Сибирью» [8, с.376–377].

Справедливости ради нужно отметить, что не только Давыдов, но и другие заговорщики, в том числе и сам Пестель, допустили в 1825 г. появление в тайном обществе предателей и провокаторов. Однако мало кто, обладавший столь высоким статусом в заговоре, как Давыдов, был настолько разговорчив с полужнакомыми людьми.

К революционному действию Василий Давыдов так не приступил: 13 декабря 1825 г. Пестель был арестован. В двадцатых числах декабря избежавшие пока ареста заговорщики обсуждали, что делать дальше и возможно ли силой освободить руководителя заговора. Однако Давыдов, присутствовавший на этом совещании, резонно заметил, что без приказа председателя Директории генерал Сергей Волконский начинать восстание не будет. Без приказа полковника невозможно рассчитывать и на Вятский полк, которым командовал Пестель [12, с.217].

Естественно ни Давыдов, ни Волконский не сделали ничего для того, чтобы поддержать восстание Черниговского полка, поднятого Сергеем Муравьевым-Апостолом. Через несколько дней после восстания в Каменке появился поручик Иван Сухинов, участник восстания, сумевший скрыться с поля боя и попросивший убежища у домашнего врача Давыдова. Узнав об этом, руководитель Каменской управы посоветовал врачу «не держать его у себя» [11, с.41].

На следствии Александр Барятинский показывал, что «малое число членов и всегдашнее их бездействие было причиною, что нет во второй армии ни управ, ни порядку между членами». Насчет же Каменской управы и лично Давыдова он утверждал: «Женившись, имевши несколько детей и живучи уединенно в деревне – какая может быть управа у Вас. Л.Давыдова» [1, с.260].

Конечно, то, что видел и понимал Барятинский, не мог не видеть и не понимать Пестель: в том виде, в каком оно существовало в конце 1825 г., Южное общество к захвату власти в России явно было не готово; деятельность слишком многих его членов, в том числе и Василия Давыдова, ограничивалась «увлекательными разговорами». Поэтому вполне естественно, что, готовя революцию, Пестель просто не мог делать

ставку на Давыдова и таких, как он, – верных, либерально настроенных, но совершенно не готовых к решительным действиям.

Библиографический список

1. Барятинский А.П. [Стихотворения] // Поэзия декабристов. Л.: Сов. писатель, 1950. С.636–649.
2. Барятинский А.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т.10. С.253–297.
3. Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1988. 544 с.
4. Бестужев-Рюмин М.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950. Т.9. С.26–176.
5. Боровков А.Д. Автобиографические записки // Русская старина. 1898. №11. С.331–362.
6. Бошняк А.К. Записка // Красный архив. 1925. Т.II (IX). С.195–225.
7. Бумаги И.Б.Пестеля // Русский Архив. 1875. №4. С.421–423.
8. Волконский С.Г. Записки. Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1991. 512 с.
9. Волконский С.Г. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т.10. С.95–180.
10. Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А.С.Суворина, 1886. 588 с.
11. Давыдов В.Л. Из показаний // Красный архив. 1925. Т.6 (13). С.41–42.
12. Давыдов В.Л. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т.10. С.181–249.
13. Зубков В.П. Записки о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 года. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1906. 104 с.
14. Киянская О.И. Декабристы. М.: Молодая гвардия, 2015. 383 с.
15. Киянская О.И. Материалы следствия о членах тайных обществ в фондах Государственного архива Одесской области // 14 декабря 1825 года. Источники, Исследования. Историография. Библиография. СПб.: Нестор-История, 2010. С.47–97.
16. Киянская О.И. Павел Пестель. Офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.
17. Киянская О.И. Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005. 355 с.
18. Комарова Т.С. Декабрист Василий Львович Давыдов // Давыдов В.Л. Сочинения, письма. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2004. С.3–64.
19. Лихарев В.Н. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1969. Т.12. С.79–110.
20. Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 416 с.

21. Лотман Ю.М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992а. Т.2. С.350–368.
22. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Госиздат, 1926. 248 с.
23. Модзалевский Б.Л. Декабрист Барятинский и его стихотворения // Былое. 1926. №1. С.3–13.
24. Модзалевский Б.Л. Страница из жизни декабриста М.П.Бестужева-Рюмина // Памяти декабристов. Л., 1926. Т.III. С.202–227.
25. Муравьев-Апостол М.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т.9. С.177–284.
26. Муравьев-Апостол С.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т.4. С.227–412.
27. Парсамов В.С. Декабристы и Франция. М.: РГГУ, 2010. 432 с.
28. Пестель П.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т.4. С.1–226.
29. Поджою А.В. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т.11. С.37–94.
30. Пушкин А.С. Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. 336 с.
31. Пушкин А.С. Письма. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т.1. 1815–1825. 540 с.
32. Рудницкая Е.Л. Феномен Павла Пестеля // *Annali. Napoli*, 1994. Sezione Storico-politico-sociale. XI–XII. 1989–1990. P.102–117.
33. Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. И.Н.Скоородова, 1891. Т.78. 556 с.
34. Смирнова А.О. Записки (Из записных книжек 1826–1845 гг.). СПб.: Ред. журн. «Сев. вестник», 1895. Ч.1. 342 с.
35. Чулков Г.И. Мятажники 1825 года. М.: Соврем. проблемы, 1925. 298 с.
36. Эрлих С.Е., Эдельман О.В., Карацуба И.В., Готовцева А.Г. Так каким же он был, декабрист Павел Пестель? Четыре взгляда на книгу О.И. Киянской «Пестель» (М.: Молодая гвардия, 2005. 335 с.) // Отечественная история. 2006. №6. С.139–157.
37. Якушкин Е.И. Замечания на «Записки» (“Mon Journal”) А.М.Муравьева // Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. С.141–145.
38. Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. 740 с.
39. Variatinskoj A. Quelques heures de loisirs à Toulchin par le Prince. A. Variatinskoj, Lieutenant des Hussards de la Garde. Moscou, 1824. 61 p.

Наталья Черникова

НОМИНАЛЬНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

ИМПЕРАТОР ВО ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47)"18":342.5

Статья раскрывает двойственность положения императора по отношению к Государственному совету. Вплоть до реформы 1906 г. правитель империи оставался номинальным главой высшего законосовещательного учреждения страны, однако его связь с Советом со временем ослабла, так что во второй половине XIX в. его попытки воздействовать на результат обсуждения законов воспринимались как неоправданное вмешательство и нарушение законодательного процесса. Одновременно усиливалось «втягивание» главы империи в бюрократический механизм, вплоть до его превращения в финальную составляющую делопроизводственного процесса.

The article focuses on emperor's dual position towards the State Council. Up until the year 1906 monarch remained nominal head of the highest legislative authority of Russian Empire but his links with the Council weakened with time. So, in the second half of the 19th century his attempts to influence (to control) the outcome of the discussion of laws were qualified as unwarranted interference and violation of the rules of the law-making process. At the same time emperor's involvement in bureaucratic process grew steadily so he finally became not only the final part of legislative process but necessary component of records management.

Ключевые слова: Российская империя; Государственный совет; император; законодательный процесс; делопроизводство.

Key words: the Russian Empire; the State Council; emperor; legislative process; office work.

E-mail: ncher@inbox.ru

В Российской империи все нити государственного управления сходились в кабинете самодержца, его подпись венчала долгий и многотрудный законодательный процесс. От него зависела форма и содержание того закона, работе над которым многочисленные чиновники министерств, члены законосовещательных учреждений (Государственного совета, Комитета министров), служащие их канцелярий посвятили немало дней, а временами и лет. Все это ставилось в зависимость от мнения и подписи одного человека. И тем важнее было его знакомство со всеми обстоятельствами дела, а желательно и участие в его обсуждении.

Именно это соображение и заставило реформаторов в свое время внести в Учреждение Государственного совета статью, согласно которой его председателем был сам император. Это указание появилось еще в записке «Введение к уложению государственных законов» (1809) М. М. Сперанского и сохранялось вплоть до реформы Государственного совета в 1906 г., хотя очень быстро превратилось в номинальное. Александр I присутствовал на заседаниях Совета только первое время после его преобразования – с января 1810 г. по апрель 1812 г. [9, с.36] Нечасто, хотя и на протяжении всего царствования, появлялся в Совете Николай I. Во второй половине века посещение императором Государственного совета практически сошло на нет.

М.М.Сперанский

Возможно, именно в этом стоит искать причину недостаточной разработанности в историографии темы об участии русских монархов в бюрократическом процессе. Этот вопрос время от времени еще поднимается применительно к первой половине XIX в. [15; 22; 28]. Но произошедшее в его второй половине «упорядочение в разграничении верховной власти и высшего государственного управления» [27, с.491] привело к тому, что в посвященных этому хронологическому периоду работах участие императора в законотворчестве рассматривается, как правило, в рамках проблемы влияния или «делегирования власти», а взаимоотношения

монарха с Государственным советом сводятся к их политическому противостоянию [12; 27; 30; 33]. И хотя подобные выводы временами кажутся чересчур категоричными, нельзя отрицать тот факт, что об участии императора в работе высших учреждений (за исключением занимавшего особое положение Совета министров) во второй половине XIX столетия речь уже не шла.

Дореволюционный исследователь Н. М. Коркунов, попытавшийся перечислить все случаи участия монарха в заседаниях Государственного Совета, указывает, что присутствие на них Александра II ограничилось двумя случаями – при восшествии на престол и при обсуждении законоположения о крестьянах 1861 г.; Александра III – только восшествием на престол [14, с.91]. Наиболее значимым из них было, конечно, заседание Государственного совета 28 января 1861 г. – первое и самое торжественное из 17-ти заседаний, посвященных рассмотрению проектов, подготовленных Главным комитетом по крестьянскому делу. Оно было открыто пространной речью императора, который обрисовал историю вопроса, а также выразил непреклонное желание, чтобы рассмотрение всех проектов было завершено «в первую половину февраля» [10, с.94–97]. Уже одним этим требованием делу придавался чисто формальный характер, поскольку обсудить за две недели настолько важное и сложное дело во всех подробностях было невозможно. Речь императора, отмечал в своих воспоминаниях Д. А. Милютин, предрешила дело – «противники освобождения поняли, что не было уже возможности ни изменить данное делу направление, ни затянуть его» [17, с.62]. Такая цель, конечно, оправдывала исключительное присутствие Александра II.

Чрезвычайные заседания

А вот «присутствие» императора на заседании Совета при восшествии на престол требует отдельного разговора.

Особой формой заседаний Государственного совета были его чрезвычайные собрания. Назвать их заседаниями, да еще и в присутствии монарха, довольно сложно. Фактически они сводились к тому, что члены собирались для подписания адреса и затем отправлялись к императору (что было особенно просто, когда Совет заседал в Зимнем дворце) или, в случае его отсутствия, отправляли ему адрес. Поводом для чрезвычайных заседаний были юбилеи, восшествие на престол или «избавление от опасности».

Чрезвычайным заседанием Государственного совета был отмечен, например, день восшествия на престол Александра II. Еще накануне, 18 февраля 1855 г., новый император прислал к председателю Совета князю А.И. Чернышеву своего адъютанта с распоряжением, чтобы Государственный совет на следующий день «в исходе первого часа пополудни, был собран для представления Его Величеству». По приглашению председателя члены Совета на следующий день собрались в половине двенадцатого и, выслушав манифест о вступлении на престол императора Александра II, в полном составе, с государственным секретарем и управляющим делами Комитета министров, перешли на собственную половину императора. Александр Николаевич сначала принял в своем кабинете председателя Государственного совета, а затем, выйдя к остальным членам, обратился к ним с соответствующей случаю речью: благодарил за службу покойному государю и выражал надежду, что Государственный совет и в его царствование будет продолжать действовать так же «благородно, чисто и честно». После этого император вернулся в кабинет, а Государственный совет, снова в полном составе, отправился в Белую залу для участия при высочайшем выходе в придворный собор, а затем и в сам собор, где в присутствии императорской фамилии была провозглашена и произнесена всеми присутствующими присяга, подписаны присяжные листы [10, с.89–90; 31, с.155–156].

Воцарение Александра III 2 марта 1881 г. было калькой с воцарения его предшественника, лишь с небольшими изменениями в последовательности событий [21, с.24–25, запись 2 марта 1881 г.].

Очень похожим было и не упомянутое Коркуновым чрезвычайное заседание Совета, посвященное 25-летию царствования Александра II 19 февраля 1880 г. В этот день члены Совета собрались очень рано, в 10 часов утра, для подписания составленного по случаю события адреса-журнала и затем отправились в приемную Государя, где председатель Совета зачитал вышедшему императору поздравление [10, с.136–138].

Чрезвычайные заседания Совета неизменно собирались при известиях об угрозах жизни самодержца – покушениях и катастрофах. Первое из покушений на Александра II, 4 апреля 1866 г., пришлось на понедельник, день заседания Общего собрания. Как раз ко времени его окончания (около половины четвертого) в Совет приехал герцог Лейхтенбергский и его сестра принцесса Баденская, которые были свидетелями покушения на императора и поспешили сообщить эту

весть председателю Совета великому князю Константину Николаевичу. Тот тотчас отправился к Александру II, а члены Совета и чины Канцелярии поднялись в Большую церковь Зимнего дворца и после благодарственного молебна в полном составе проследовали к императору для выражения верноподданнических чувств. Александр II вышел к ним из кабинета, благодарил за участие [10, с.126–127]. В следующем, 1867 г., покушение произошло в Париже, так что члены Совета вместо личного «выражения чувства верноподданнической радости и благоговейной признательности к Провидению за чудесное

Император Николай I

избавление Его величества и августейших сыновей его от опасности при злодейском покушении, следовавшем в Париже 25 мая сего года» ограничили телеграммой [19, с.1]. Сходным образом были оформлены заседания по поводу других покушений на Александра II, известия о крушении императорского поезда у станции Борки 17 октября 1888 г., ранения наследника престола Николая Александровича в Японии в 1891 г.

Все они сводились к подписанию журналов, адресов, телеграмм и, при возможности, к представлению членов Совета императору. Это были торжественные, формальные мероприятия, не имевшие ничего общего с обычными заседаниями. Так что последним

императором, действительно участвовавшим в занятиях Совета, был Николай I, да и он уступал председательское кресло назначенному им председателю [10, с.66].

Мнимая самостоятельность Совета

Впрочем, дистанцирование от работы Совета не мешало императору оставаться в курсе всего происходившего, чему в значительной мере способствовали и еженедельные доклады председателя Совета

и министров. Кроме того, еще в 1857 г. Александр II распорядился, чтобы ни одно дело не вносилось в Государственный совет без его ведома. Совет, было указано в резолюции, должен рассматривать только те проекты, «которые, по Моему приказанию, представляют на рассмотрение» [10, с.122]. Это аннулировало право министров и главноуправляющих делать представления об отмене законов без предварительного разрешения императора. Наконец, все обсуждавшиеся Советом проекты требовали высочайшего утверждения. Таким образом, император полностью контролировал законодательный процесс. Но при этом, перестав быть – *de facto* – председателем Совета, он утратил руководство ходом обсуждения дел. Любое его вмешательство в деятельность законосовещательного учреждения (даже простое высказывание своей точки зрения) воспринималось теперь как нарушение гарантированной законом свободы мнений членов Совета.

Особенно много жалоб такого рода относится ко времени правления Александра II. С юности близко наблюдавший стиль управления Николая I, он впитал в себя его отношение к самодержавию и самодержцу, как к высшей, стоящей вне системы силе, облеченной исключительными полномочиями и не связанной никакими формальностями. Соответственно, нередко существенные вопросы поступающих в Совет проектов были уже предварительно решены императором, как это случилось при обсуждении крестьянской реформы 1861 г.

По таким делам, писал А.В.Головнин в 1868 г., «всякое существенное возражение было бесполезно, и оставалось только делать мелкие замечания на подробности или на редакцию». Более того, «Государю случалось выражать членам свое неудовольствие, когда они излагали мнение, противное мнению его министров предварительно им одобренному, а против одного мнения меньшинства он написал собственноручно, что удивляется, что члены Государственного совета могли иметь такое вздорное мнение» [8, с.437–438].

Одиннадцать лет спустя на то же сетовал кн. Д. А. Оболенский: «В Государственном совете с каждым годом дела рассматриваются менее серьезно. <...> Проекты новых налогов, внесенные Грейгом в Совет, велено было непременно рассмотреть в несколько дней и всякое возражение или даже частное замечание принималось с неудовольствием. Одним словом, Государственный совет как самостоятельно подающее совет учреждение более не существует» [18, с.468–469]. Буквально теми же словами описывал сложившуюся ситуацию многолетний статс-секретарь Департамента экономии М. П. Веселов-

ский: «Многие, вносимые в Госуд[арственный] совет представления, – писал он, – бывают заранее предрешены предварительным одобрением Государя, по докладу министра, так что Совету приходится как бы только регистрировать данный закон, изменяя, может быть, лишь подробности внесенного проекта» [1, л.724 об. – 725].

Важной переменной, привнесенной царствованием Александра III, стало увеличение самостоятельности Государственного совета. Александр III вообще был последовательным противником какого бы то

Император Александр III

ни было предварительного обсуждения проектов. Именно эта причина лежала в основе его отказа собирать Совет министров перед внесением вопросов на рассмотрение Государственного совета. В таком случае, считал он, «делалось бы известным его личное мнение, которое затем стесняло бы при обсуждении дела в Совете» [24, с.16, запись 29 января 1887 г.].

В крайнем случае, он мог задать направление обсуждения, хотя, по свидетельству А. А. Половцова, такие случаи были нечастыми. Это произошло, например, при упразднении Комиссии прошений, когда он потребовал, чтобы она была присоединена к Главной императорской Квартире, за исключением

судебных дел, для которых создана специальная комиссия [21, с.129, запись 20 марта 1882 г.]. Но все подробности этой реформы вырабатывались без вмешательства монарха. Равным образом в 1887 г. при присоединении городов Таганрога и Ростова к Области Войска Донского императором был предрешен только сам факт этого присоединения. Правда, возникшее при обсуждении этого проекта недопонимание между Александром III и председателем Государственного совета вел. князем Михаилом Николаевичем вызвало в бюрократических кругах небольшую бурю.

19 марта вел. князь Михаил Николаевич сообщил государственно-му секретарю А. А. Половцову, что «эта мера решена и что Совет дол-

жен обсуждать только средства приведения этой меры в исполнение». Половцова такой поворот дела очень обеспокоил. Получается, писал он в дневнике, что в будущем каждый министр, представляя проект, «будет объявлять высочайшее повеление, чтобы обсуждение касалось только таких, а не иных частей законопроекта» [24, с.43, запись 19 марта 1887 г.]. Для усиления своей позиции он обратился к К.П. Победоносцеву, с которым у него были довольно тесные отношения: оба закончили Училище Правоведения (Победоносцев в 1846, а Половцов – в 1851 г.) и были на «ты». Победоносцев сразу согласился написать императору письмо, тем более что и сам считал предложенную военным министром П.С.Ванновским форму объединения неприемлемой. Победоносцев даже заявил, что вследствие такого распоряжения «не поедет в заседание, будучи твердо намерен говорить о существовании меры, пользу коей отвергает» [24, с.44, запись 19 марта 1887 г.].

Письмо было написано вечером того же дня, и уже на следующий день получен ответ, в котором император писал о произошедшем недоразумении, о том, что вопрос решен только в принципе, «но можно обсудить, что лучше: прямо присоединить уезды к области Донской или подчинить их наказному атаману на правах ген[ерал]-губернатора» [13, с.204; 24, с.44–45, запись 20 марта 1887 г.]. Это разъяснение кардинально изменило ситуацию, поскольку обсуждение теперь не ограничивалось лишь способами присоединения, но касалось и его формы, то есть того самого «существа» проекта, о котором говорил Победоносцев.

Заседание Соединенных департаментов законов и экономии состоялось 21 марта, причем военный министр остался в полном одиночестве против 17 участников. Его представление оспаривали не только Победоносцев, но и М.Н.Островский, И.А.Шестаков, Ф.Г.Тернер, Е.А.Перетц, А.М.Дондуков-Корсаков. Даже «призванный в качестве эксперта бывший наказной атаман Чертков» согласился с Победоносцевым, а не с Ванновским [24, с.45, запись 21 марта 1887 г.]. Суть разногласий заключалась в том самом вопросе, который был поставлен императором: включать ли полностью вновь присоединяемые территории в существующее в войске управление или оставить их в отдельном управлении и подчинить наказному атаману как генерал-губернатору. Наказной атаман войска Донского генерал-лейтенант Н.И.Святополк-Мирский (именно его точку зрения выражал военный министр) настаивал на первом варианте и даже утверждал, что «не считает возможным для себя управлять иначе» [23, с.146, письмо

от 25 марта 1887 г.]. Остальным предусмотренное проектом слияние учреждений представлялось до того «нестройным, запутанным, невозможным к осуществлению», что его реализация для самой атаманской власти стала бы «помехою и источником бесчисленных недоумений, пререканий и столкновений» [23, с.145, письмо от 25 марта 1887 г.]. Сам факт бурного обсуждения этого вопроса уже свидетельствует об отсутствии вмешательства императора в дела Совета. Хотя справедливости ради стоит упомянуть и о том, что император поддержал мнение оставшегося в одиночестве министра, и все обсуждение, таким образом, потеряло свой смысл. И все же 1880-е годы были временем, когда суждения Совета стали более независимыми.

Другое дело, что никаких прочных оснований эта новая реальность не получила и очередная смена на престоле вернула самовластные действия монарха. Это проявилось уже в той форме, которую приобрела, в конце концов, денежная реформа 1897 г.

Первоначально внесенный в Государственный совет весной 1896 г. проект министра финансов С.Ю.Витте был встречен с обычной для Совета осторожностью, и при его обсуждении было, в частности, высказано сомнение в своевременности введения монометаллизма

С.Ю.Витте

при затруднениях, испытываемых в последние годы отечественными ценными бумагами за рубежом, упадке международной хлебной торговли и при неподготовленности населения к столь кардинальным переменам [20, с.262]. Как и в любом другом сложном случае, Государственный совет обратился к министру с просьбой ответить на ряд вопросов и представить по ним «фактические объяснения». Исполнять это поручение Витте не стал, посчитав более удобным для себя провести реформу «помимо Государственного совета» [5, с.91].

В результате уже 8 августа последовал императорский указ о фиксации внутреннего курса

(1 руб. 50 коп. кредитных за 1 руб. золотом) [26, т. 16, № 13194, с.615–616]. А пять месяцев спустя Витте испросил разрешения созвать, для обсуждения реформы, Финансовый комитет под высочайшим председательством «в усиленном составе», пригласив на заседание председателя Государственного совета вел. кн. Михаила Николаевича и некоторых его членов. Такой шаг, создавая видимость серьезного обсуждения реформы, в то же время гарантировал министру поддержку сановников. Действительно, 2 января 1897 г. участники подробно описанного А. А. Половцовым (он был членом Комитета) заседания не только признали важность и своевременность предложенной реформы, но и согласились на прекращение ее обсуждения в Государственном совете и издание соответствующего указа [25, с.186–191, запись 2 января 1893 г.], который появился уже 3 января [26, т. 17, № 13611, с.1–2].

Так, с санкции Николая II обсуждавшийся Государственным советом проект об исправлении денежного обращения лишился наиболее важной своей составляющей. По мнению большинства Совета в таких обстоятельствах продолжение рассмотрения проекта потеряло смысл. С этим согласился и император [20, с.272–274].

Таким образом, накануне XX в., после десятилетия относительного невмешательства верховной власти в деятельность Государственного совета его члены вновь оказались в положении, напоминавшем царствование Александра II. Но иных рычагов влияния на происходившее в высшем законосовещательном органе страны у императора к этому времени не было. С середины столетия глава империи сам отказался от председательствования в Совете и тем фактически исключил себя из процесса обсуждения уже подготовленных законопроектов.

Бюрократическая ипостась императора

Но в то же самое время растущая бюрократизация и рационализация управления вели к постепенному «втягиванию» главы империи в бюрократический механизм, от каждой из частей которого (от самодержца до последнего переписчика) требовалась интенсивная и бесперебойная работа. Монарх фактически оказался составляющей единого делопроизводственного процесса, который, начинался с разработки проекта в недрах министерств и заканчивался наложением высочайшей резолюции.

Сохранилось немало свидетельств современников, рисующих русских императоров именно как чиновников, вынужденных часами просиживать за бумажной работой.

Так, флигель-адъютант М. Л. Дубельт вспоминал, что как-то, будучи дежурным, он пришел к Александру II в три часа ночи, чтобы сообщить, что начавшийся в Петербурге пожар имеет незначительные размеры (в случае, если пожар оказывался большим, император нередко изъявлял желание поехать на него лично). Разговор происходил

Император Александр II. 1860-е гг.

в кабинете Александра II. «Выслушав мой доклад о пожаре, – рассказывал Дубельт, – государь стал выправлять свою грудь. "Устал", с улыбкою сказал он. "Что же вы не ложитесь почивать, ваше величество, ведь уже пробило 3 часа", сказал я императору. "Как же я лягу спать, если я еще не кончил мою работу", произнес государь, указывая на толстую пачку дел, поданных ему к утверждению. Пожелав его величеству доброй ночи, я вышел, а государь прилежно продолжал работать до пятого часа утра» [29, с.42].

«Замечательно добросовестным работником» называет Александра II и Е.А.Перетц: «Все представлявшееся Его Величеству, – а представлялась ему масса дел, в числе которых бывали и сложные записки, – рассматривалось безотлагательно» [21, с.30, запись 6 марта 1881 г.]. Впрочем, иного выхода у главы империи просто не было – поступление на его подпись производимой бюрократической системой бумажной массы также было безостановочным.

Распорядок дня императора почти не оставлял ему свободного времени даже в те дни, когда не было официальных приемов, обедов, балов и проч. В ответ на совет Половцова больше двигаться Александр III так описал свой день: «С утра принимаю доклады вплоть до завтрака. После завтрака иду гулять и потом опять принимаюсь за бумаги. В 5 часов иду пить чай к жене, это единственное время,

когда ее вижу. После обеда хочется что-нибудь почитать, а там опять бумаги до третьего часу» [24, с.295, запись 9 июня 1890 г.].

Николай II также проводил «целые часы за неустанным чтением представляемых ему докладов и подробных записок» [11, с.365] и ежедневно прочитывал «целую груду всеподданнейших докладов министров и главноуправляющих» [6, с.343], так что даже 8 часов работы были для него редким исключением [7, с.180]. Видя в работе с документами «главное исполнение своего долга», император доходил в исполнении его до «необыкновенной усидчивости» и «необычайной самоотверженности» [11, с. 365, 355, 364], – писал современник. Подобные занятия Николая II заставили даже одного из исследователей назвать доминирующей чертой последнего императора «страсть к работе с документами, т.е. к бюрократической деятельности» [16, с.122].

Работа не прерывалась ни в поездках, ни на отдыхе. На пароходах, в поездах, даже в городах, где император останавливался на один–два дня, – везде его ждал стол с присланными бумагами.

Е. А. Перетц вспоминал, как аккуратен был Александр II, в любых обстоятельствах находивший возможность безотлагательно рассматривать и возвращать все присылаемое ему на подпись [21, с.30, запись 6 марта 1881 г.]. Так же поступал и Александр III. Поводом к откладыванию работы не становились ни отдых в Ливадии (где Александр II задерживался до поздней осени), ни присутствие императора на Балканском фронте во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., ни заграничные поездки.

Почти анекдотический случай рассказывает в дневнике морской министр И. А. Шестаков. В июне 1883 г. Александр III, царская семья, приближенные и министры на четыре дня покинули столицу и на пароходах и яхтах отправились на открытие вновь построенного Свицкого канала. На обратном пути на одной из пристаней их ждал фельдъегерь из Петербурга. «Увидя у него чемодан, гр. Толстой внезапно вознегодовал и воскликнул: "Подлец! Сколько бумаг натащил!"» [32, с.117, запись 17 июня 1883 г.]. А в 1885 г., во время поездки в финские шхеры приезд фельдъегеря заставил Александра III отложить отдых. В то время как остальное общество наслаждалось прекрасной погодой на берегу, развлекалось и ловило рыбу, император остался на борту яхты и занялся разбором привезенных бумаг, которые фельдъегерь уже на следующий день должен был увезти обратно [4, л.89 об., запись 21 июля 1885 г.].

Нелегкий труд главы империи был одной из причин бесперебойной деятельности бюрократического механизма. С течением времени увеличение количества бумаг привело к выработке определенного порядка распределения работы императора по дням и даже по часам, который не нарушался и при смене монархов.

За рабочим столом русский император, от подписи которого зависело движение государственной машины, в свою очередь, превращался в машину для резолюций. Эта бюрократическая ипостась императора проявлялась и в его отношениях с Государственным советом.

Сложившаяся традиция требовала, чтобы мемория Государственного совета была готова спустя две недели после Общего собрания и лежала на столе императора во вторник, рано утром [21, с.30, запись 6 марта 1881 г.]. Для этого накануне, в понедельник, государственный секретарь посылал ее управляющему I Отделением Собственной его императорского величества канцелярии, который, не вскрывая конверта, передавал его императору, и уже во вторник, в крайнем случае в среду, утвержденная мемория таким же путем отправлялась обратно [3; 9, с.182]. «Если мемория не слишком объемиста, т.е. листов не более 40–50, – пишет Е. А. Перетц, – то я получал ее обратно часам к 4-м, если она более этого размера, листов до 80, то к вечеру, а если она еще толще, то на следующее утро» [21, с.30, запись 6 марта 1881 г.].

При Александре III, вернее, после того как в январе 1883 г. Е. А. Перетца на посту государственного секретаря сменил А. А. Половцов, сроки представления меморий сдвинулись со вторника на понедельник, но они все так же рассматривались безотлагательно. Это касалось даже многостраничных меморий. За один день была рассмотрена, например, мемория Общего собрания 20 мая 1885 г. в 558 страниц [3, д. 346, листы не нумерованы].

При отсутствии императора в Петербурге период между отправкой мемории и ее утверждением увеличивался на то время, какое требовалось курьеру, чтобы добраться до монарха. Так, незапланированная задержка Александра III к Крыму весной 1886 г., когда на целый месяц были перенесены празднества по поводу возрождения Черноморского флота, замедлила утверждение императором меморий лишь на 4 дня [2, л.62].

Прочтение императором мемории занимало, таким образом, не больше суток, после чего он, как высший чиновник, налагал резо-

люцию и тем самым завершал не только законотворческий, но и делопроизводственный процесс.

Во второй половине XIX в. общая бюрократизация управления привела к тому, что верховный правитель перестал быть непосредственным участником обсуждения законов – роль, которую он, впрочем, играл недолго.

Сохраняя номинальное звание главы Государственного совета, он олицетворял собой высшую власть, которая стояла над бюрократической системой управления и уже по этой причине, по общему мнению, не могла вмешиваться в законосовещательный процесс. Но оставаясь такой внешней силой, император оказался в то же время вписан в административную систему, вынужден был подчиниться существующим бюрократическим правилам и стать важным, но все же винтиком административной машины.

Вероятно, можно даже говорить о том, что сложившаяся система подспудно сужала возможности верховного правителя. Несмотря на сохраняющуюся неограниченную монархию, рационализация управления требовала, с одной стороны, полного невмешательства императора в процесс выработки законов, а с другой – подчиняла его простому и напряженному процессу делопроизводства.

Библиографический список

1. Веселовский М.П. Записки // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.550. Ф. IV. №861. 730 л.
2. Извлечения из меморий Государственного совета // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.543. Оп.1. Д.706. Т.1. 198 л.
3. Мемории Общего собрания Государственного совета. 1856–1895 гг. // Российский государственный исторический архив. Ф.1159. Оп.1. Д.182–439.
4. Оболенский В.С. Дневник. 1885 // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф.224. Оп.1. Д.4. 186 л.
5. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Т.2. Таллинн–Москва: Скиф Алекс, 1994. 576 с.
6. Воейков В.Н. С царем и без царя. М.: Воениздат, 1995. 431 п.
7. Вырубова А.А. Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С.173–232.
8. Головнин А.В. Записки для немногих. Нестор-История, 2004. 576 с.
9. Государственная канцелярия. 1810–1910. СПб.: Государственная типография, 1910. 492 с.
10. Государственный совет. 1801–1901. Краткий очерк деятельности за сто лет. СПб.: Государственная типография, 1901. 287 с.
11. Гурко В.И. Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С.352–418.
12. Долбилов М.Д. Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. Т.9 (127). М.: Наука, 2006. С.5–48.
13. Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. В 2 т., Минск: Харвест, 2003. Т.2. 672 с.
14. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 4-е. В 2 т. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1901–1903. Т.2: Часть особенная. 1903. 596 с.
15. Корф М.А. Император Николай в совещательных собраниях (Из современных записок статс-секретаря барона Корфа // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.98. СПб.: Тип. И.Н.Скорородова, 1896. С.101–283.
16. Куликов С.В. Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. №11. СПб.: Нестор-История, 2007. С.115–183.
17. Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М.: Российский Фонд Культуры Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова, «Российский архив», 1999. 560 п.
18. Оболенский Д.А. Записки князя Д.А.Оболенского. 1855–1879. СПб.: Нестор-история, 2005. 504 с.
19. Опись дел Архива Государственного совета. Т.7. 1867–1870. СПб., Государственная типография, 1911. 464 с.
20. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1896–1897 гг. СПб.: Государственная типография, 1897. 767 с.

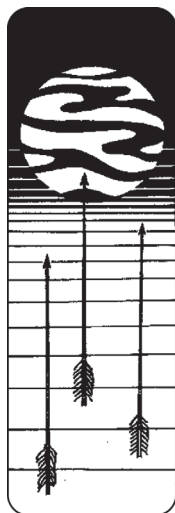
21. Перетц Е.А. Дневник государственного секретаря (1880–1885). М.; Л.: Государственное издательство, 1927. 172 с.
22. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. 416 с.
23. Письма Победоносцева к Александру III. Т.2. М.: Новая Москва, 1926. 384 с.
24. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. М.: Наука, 1966. Т.2. 1887–1892. 578 с.
25. Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 / сост., коммент., вступ. ст. О.Ю.Голечковой. СПб.: АНО «Женский проект»: Алетейя, 2014. 704 с.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. СПб.: Государственная типография, 1899. Т.16 [1896]. 1254 с.; 1900. Т.17 [1897]. 1562 с.
27. Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Политическая энциклопедия, 2010. 511 с.
28. Ружицкая И.В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2018. 312 с.
29. Сафонов А.П. Царствование императора Александра II. Изд. 2-е. М.: типография Вильде, 1900. 187 с.
30. Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.
31. Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование: В 2-х кн. М.: «Чарли», 1996. Кн.1. 608 с.
32. Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Дневники (1882–1888). СПб.: Суздостроение, 2014. 600 с.
33. Whelan H. Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia. New Brunswick: Rutgers University press, 1982. 258 p.

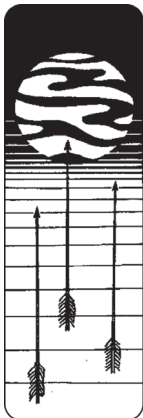
Люди когда-нибудь станут
братьями и снова начнут
с Каина и Авеля.

Станислав Ежи Лец

Всякий грех есть смерть души.

Григорий Богослов

Андрей Ранчин

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

КАИН И СВЯТОПОЛК: ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК

930.85

В статье рассматриваются функции имени библейского первоубийцы Каина как прецедентного для изображения и именования Святополка Окаянного в памятниках Борисоглебского цикла. Именование Святополка оканьный основывается на принципе паронимической аттракции (сближение с именем Каинь, которому как бы приписывается семантика отверженности и крайней греховности). Показано, что функционирование лексемы оканьный в этих текстах различно: в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора она употребляется по отношению к Святополку преимущественно в номинативной, а не в атрибутивной функции и словно становится его именем и одновременно превращается в occasionalный эквивалент имени Каинь. Почти полный отказ Нестора от использования собственного имени Святопѣлкъ/Святополкъ, по-видимому, связан с его сакральными коннотациями (корень свят-). Прослеживается, как в позднейшей древнерусской словесности само имя Святопѣлкъ/Святополкъ становится прецедентным.

This article examines the functions of the name of the biblical first-killer Cain as a precedent for the depiction and naming of Svyatopolk the Accursed in the monuments of the Borisoglebsk cycle. The naming of Svyatopolk "okan'ny" (the Accursed) is based on the principle of paronymic attraction (rapprochement with the name Cain, to which the semantics of rejection and extreme sinfulness is ascribed, as it were). It is shown that the functioning of the lexeme okan'ny in these texts is different: in Nestor's "Reading about Boris and Gleb" it is used in relation to Svyatopolk mainly in the nominative, not in the attributive function and as if it becomes his name and at the same time turns into the occasional equivalent of the name Cain. The almost complete refusal of Nestor from using his own name Svyatop'lk / Svyatopolk, apparently, is associated with his sacred connotations (the root "holy"). It can be traced how in the later Old Russian literature the very name Svyatopolk / Svyatopolk becomes a precedent.

Ключевые слова: памятники Борисоглебского культа; Каин; Святополк Окаянный; агиография; символика имени; паронимическая аттракция; номинативная функция имени; атрибутивная функция имени.

Key words: monuments of the Borisoglebsk cult; Cain; Svyatopolk the Accursed; hagiography; symbolism of the name; paronymic attraction; nominative function of the name; name attribute function.

E-mail: aranchin@mail.ru

В памятниках Борисоглебского цикла убийца братьев Бориса и Глеба князь Святополк неоднократно именуется «вторым Каином». Святополк, заметил Ю. М. Лотман, воспринимался как «обновитель» древнего, прежде «дремавшего» Каинова греха и одновременно как «зачинатель» греха братоубийства в христианской Руси, подаривший ему бытие, создавший страшный прецедент [7, с.107–110]. Так, летописная повесть под 6523/1015 г. в составе «Повести временных лет» дважды уподобляет русского братоубийцу его ветхозаветному прообразу: «Святополкъ же, исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ примимъ, посылая к Борису, глаголаше, яко "С тобою хочю любовь имѣти, и къ отню придамъ ти"»; «Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рекъ: "Се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба?". И примимъ помысль Каиновъ, с лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: "Поиди вборзѣ, отецъ тя зоветъ, не сдравить бо велми"» [8, с.90, 92] (текст по Лаврентьевскому списку). Автор одного из двух пространных житий святых, «Сказания о Борисе и Глебе», сравнивая Святополка с губителем Авеля, прямо именуется русского братоубийцу «вторым Каином»: «Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяй добра человѣка, яко всю надежу свою на Господа положилъ есть святой Борисъ, начатъ подвижнѣи бываати, и обрѣтъ, якоже преже Каина на братоубийство горяща, тако же и Святопѣлка. По истинѣ въторааго Каина улови мысль его, яко да избиетъ вся наслѣдники отца своего, а самъ примимъ единъ всю власть» [1, с.332]. Еще раз в этом памятнике губитель святых уподобляется библейскому первоубийце в молитве, которую книжник вкладывает в уста мстящего за этот грех Ярослава Мудрого: «И въздѣвъ [Ярослав] руцѣ на небо и рече: "Се кровь брата моего въпиеть къ тебе, Владыко, якоже и Авелева преже. И ты мьсти его, якоже и на ономъ положи стонание и трясение на братоубици Каинѣ. Ей, молю тя, Господи, да въсприиметь противу тому"» [1, с.344]. «Стонание и трясение» – аллюзия на библейское сказание о Каине: «Наказывая Каина, Бог сказал: "Стеня и трясыйся будеши на земли" (Быт. 4, 13)» [1, с.531] (комментарий Л. А. Дмитриева). Третий раз Святополк в этом произведении соотносен с Каином во фрагменте, интерпретирующем горькую судьбу братоубийцы, где тот сравнивается уже не только с Каином, но и с другим ветхозаветным лицом, совершившим такой же грех, – с Ламехом: «Якоже Каинѣ, не въдый мьсти прияти и едину прия, а Ламехомъ, зане въдѣвъ на Каинѣ, тѣмъ же седмьдесятицею мьстися ему» [1, с.346] (текст по древнейшему списку Успенского сборника XII в.).

М.М.Антокольский. Нестор Летописец

В другом агиографическом памятнике, посвященном святым страсто-терпцам, – «Чтении о Борисе и Глебе» – сравнение Святополка с Каином содержится уже в экспозиции, причем Нестор, составитель жития, сопоставляет двух великих грешников трижды: «Видите ли втораго немилосердие Каина явльшася? Мышлящу убо Каину, рече, како и кымъ образомъ погубить брата своего Авеля: не бяше бо тогда въдѣти кымъ образомъ смерть бываетъ. И се яви ему злодѣй врагъ, въ нощи спящу, убиство»; «О оканьний, си ли слышалъ, что рече Богъ Каину о убийствѣ брата своего?» [5, с.9] (текст по списку Сильвестровского сборника XIV в.).

Как пронизательно заметил Б.А.Успенский, сама история первого братоубийства на Земле в Несторовом «Чтении» не приводится, хотя во вступлении упоминается о рождении Каина и Авеля: «рассказ о Борисе и Глебе по существу замещает рассказ о Каине и Авеле» [11, с.33] (ср. мои наблюдения по этому поводу [9, с.150–169]). «Подобно Каину, Святополк несет на себе грех родителей; если Каин, как старший сын Адама и Евы, является непосредственным плодом их греха (преступления заповеди Господней), то Святополк, рожденный "от двою отцю", является плодом прелюбодеяния Владимира. Соответственно, и наказание Святополка уподобляется наказанию Каина» [11, с.35].

По мнению исследователя, именно сближением Святополка с Каином «может объясняться и устойчивое наименование Святополка "оканьным" ("оканьным") – данный эпитет фактически выступает на правах собственного имени Святополка, и это обусловлено, возможно, фонетической близостью с именем "Каин"» [11, с.33–34]. И поэтому же «в русском языке у слова оканьный актуализируется значение "проклятый, отрешенный от Бога". Между тем в церковнославянском соответствующее слово <...> означает прежде всего "несчастный, жалкий, бедный, достойный сожаления"» [11, с.35].

Предположение Б.А.Успенского, очевидно, нужно признать верным. При этом, однако, в разных произведениях Борисоглебского цикла эпитет окань-

ный (оканьный, оканьний) используется не совсем одинаково. В «Чтении» Нестора, где эта лексема употреблена по отношению к Святополку 13 раз, она субстантивизируется и почти вытесняет собственное имя великого грешника. Имя Святополкъ в сочетании с этим определением встречается в тексте жития лишь один раз: «Таче увѣдѣвъ оканьный сынъ Святополкъ и акы радуяся отнѣ смерти, всѣде на коня и скоро доиде Кыева града, и сѣде на столѣ отца своего» [5, с.7]. Дважды в начале «Чтения» антагонист святых назван просто Святополкъ, без негативного определения оканьный – в первом известии о нем как об одном из сыновей Владимира и в размышлении о нем Бориса [5, с.6–7, 8]. Употребление в первом случае имени Святополка объясняется необходимостью осуществления референции, отождествления фигурирующего в дальнейшем губителя Бориса и Глеба с этим реальным лицом, то же – в случае с размышлениями Бориса. Отсутствие при первом именовании пейоративного эпитета может быть объяснено тем, что Святополк еще не проявил своего «окаянства», греховности; отказ от использования этого определения при втором упоминании его имени может быть объяснен тем, что здесь агиограф описывает восприятие будущего братоубийцы Борисом, а не выражает собственное отношение ко «второму Каину».

При этом Святополк 12 раз в тексте «Чтения» именуется оканьный без упоминания имени – это определение действительно превращается в эквивалент его собственного имени. Правда, в Несторовом житии Бориса и Глеба определение оканьний также дважды применено к посланцам Святополка, подстергавшим святого Глеба и один раз эпитет оканьный отнесен к Глебову повару, предавшему господина смерти по требованию Святополковых людей. Однако во всех трех случаях лексемы оканьний и оканьный используются в атрибутивной, а не в номинативной функции; не названные имена убийц замещены указательным местоимением тии/ти и существительным поварь: «Оканьний же тии, видѣвше корабль единъ посредѣ рѣкы пловущъ и святого в немъ сущъ, устремишася по немъ, акы звѣрие дивии»; «Оканьный же поварь не поревноваше оному, иже бѣ паль на святомъ Борисѣ, нъ упо-

Монеты Святополка Окаянного

добися Июдѣ предателю»; «Оканьнии же ти изнесоша тѣло святого, повергоша в пустыни подѣ кладю, ти тако отъидоша ко оканьному, възвѣстнша ему вся, еже створиша святому» [5, с.12–13]. Кроме того, 2 раза эта лексема использована как автохарактеристика в формулах смирения агиографа: «оканьный азъ» и «азъ оканьный» [5, с.1, 25]. Преимущественная семантическая связь в «Чтении» лексемы оканьный с обычно не называемым именем Святополка очевидна: из 12 примеров обозначения «второго Каина» этим словом вместо его собственного имени лишь в одном оканьный бесспорно выступает в атрибутивной функции (по отношению к местоимению той), но также без называния имени братоубийцы: «И о томъ увѣдѣвъ оканьный той, яко на полунощпья страны бѣжалъ есть святыи Глѣбъ, посла и тамо, да и того погубять» [5, с.11]. Один пример может истолковываться и как случай атрибутивного, и как случай номинативного употребления этой лексемы: «Он [Святополк] же болшими разгнѣвася на блаженаго, мян оканьный, яко то хочеть по по (sic! – *A.P.*) смерти отца своего столь прияти» [5, с.7]. Оканьный здесь скорее атрибут при он, нежели грамматический субъект. Как пример с атрибутивной функцией в принципе может рассматриваться оканьный в фрагменте: «Таче же того не терпя врагъ, нь, яко же преже рекохъ, вниде въ сердце брату его, иже бы старѣи, имя ему Святополкъ. Нача мыслити на правѣднаго, хотяше бо оканьный всю страну погубити и владѣти единъ» [5, с.6–7]. Здесь оканьный можно считать как атрибутом при Святополкъ, так и грамматическим субъектом при предикате хотяше. Все остальные случаи – это примеры субстантивации, использования этого слова в функции существительного.

В другом пространным житии Бориса и Глеба – «Сказании о Борисе и Глебе» – лексема оканьный используется почти исключительно в атрибутивной функции и потому, несмотря на паронимическую аттракцию с именем Каинъ, не выступает в качестве вариации этого имени как precedentного и не является эквивалентом имени Святополкъ. Здесь эта лексема в атрибутивной функции при имени Святополкъ/Святопѣлкъ встречается 7 раз и лишь 1 раз бесспорно используется в функции номинативной, замещающей собственное имя братоубийцы: «И всегда пособиемъ Божиимъ и поспѣшениемъ святою [Ярослав], побѣдивъ елико брани състави, оканьный посрамлень и побѣжень възвращаашеся» [1, с.344]. Еще 1 раз это определение, выступающее также в атрибутивной роли, отнесено к душе Святополка и стоит в форме местного падежа женского рода: «Нъ ту абие вниде въ сердце его сотона и начаты ѿ пострѣкати вяцьша и горьша съдѣяти и множайша убийства. Глаголааше бо въ души своей оканьный: "Что сътворю? Аще бо до съде оставлю дѣло убийства моего, то дѣвоего имамъ чаяти:

яко аще услышать мя братия моя, си же варивъше въздадять ми и горьша сихъ. Аще ли и не сице, то да ижденуть мя и буду чюжь престола отца моего, и жалость земль моя сьнѣсть мя, и поношения поносящихъ нападутъ на мя, и къняжение мое приметь инь и въ дворѣхъ моихъ не будетъ живущааго. Зане егоже Господь възлюби, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ, приложу къ безаконию убо *безаконие*. Обаче и матери мояе грѣхъ да не оцѣстится и сь правдыными не напишюся, нъ да потреблюся отъ книгъ живущихъ"» [1, с.338] (курсивом в цитируемом издании выделено исправление по другому списку). Однако несколько списков, отнесенных С.А.Бугославским к этой же ранней редакции «Сказания» или к близким ей редакциям, содержат вариант оканьный (оканьный), оканьнии [5, с.38, сн.44; 4, с.81, 104, ср. с.127, сн.355] – в именительном падеже единственного числа и в мужском роде. В этом варианте лексема выступает уже не в атрибутивной, а в номинативной функции, замещая имя Святополка. С.А.Бугославский реконструирует в качестве первоначального именно чтение оканьный, относя эту лексему не к душе братоубийцы, а к самому Святополку [4, с.142]. Бесспорных оснований для такого текстологического решения нет: семантически и синтаксически оба варианта приемлемы; однако в варианте оканьнѣй (оканьнѣй) грамматический субъект опущен, предложение оказывается неполным, при этом в предыдущем предложении грамматическим субъектом было слово, обозначающее не Святополка, а дьявола. Исходя из этих соображений, следует признать конъектуру С.А.Бугославского. С другой стороны, чтение оканьнѣй (оканьнѣй) предпочтительнее как более «трудное» (*lectio difficilior*). Практически полное отсутствие в тексте «Сказания» других примеров номинативного использования лексемы оканьный также свидетельствует против предположения С.А.Бугославского. Впрочем, даже если мы примем это исправление, соотношение в «Сказании» примеров атрибутивного употребления лексемы оканьный при имени Святополкъ и использования ее в качестве замены этого имени будет 7:2 – с явным преобладанием случаев первого рода.

Трижды в «Сказании» слово оканьный (в атрибутивной функции) отнесено к посланцам Святополка: к убийцам Бориса, к Горьсеру – предводителю отряда, посланного против Глеба, к людям Горьсера.

Таким образом, в этом житии в отличие от «Чтения» Нестора слово оканьный не закрепилось в номинативной функции и не превратилось в эквивалент precedentного имени Каин, которое под пером Нестора стало как бы вторым (или даже первым, «подлинным», более верным) именем губителя Бориса и Глеба.

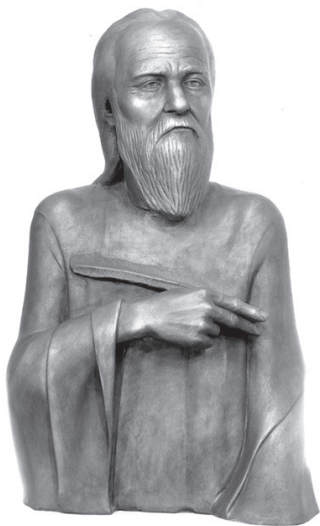
Убиение Бориса и Глеба Святополком Окаянным. Миниатюры

В летописной повести об убиении Бориса и Глеба Святополк словом *оканьный* назван 4 раза – в известиях, сообщающих о приказе князя добить раненого Бориса, о решении предать смерти младшего из братьев, Глеба, об убийстве еще одного брата, Святослава, и в дублирующем сообщении о вокняжении братоубийцы в Киеве (см. [8, с.92, 94, 95]). 4 раза эта лексема отнесена к исполнителям злодейских повелений Святополка: 2 раза к Путьше и его приспешникам (1 раз в номинативной и 1 раз в атрибутивной функции) и 2 раза к посланным убить Глеба – 1 раз к Горясеру (в атрибутивной функции) и 1 – к нему и его людям (в номинативной функции). За пределами летописной повести об убиении Бориса и Глеба слово *оканьный* отнесено в атрибутивной функции к Святополку в статье 6526/1018 г. и один раз (также в атрибутивной функции, но не при имени, а при местоимении его) – в статье 6527/1019 г., описывающей возмездие великому грешнику (см. [8, с.97, 98]).

Таким образом, несмотря на то что все три памятника текстуально связаны, хотя соотношение между ними остается дискуссионным (ср. обзор точек зрения [9, 2017, с.17–53]), корреляция между именами Каинь и Святопѣлкь/Святополкъ в «Чтении», с одной стороны, и в «Сказании» и летописной повести, с другой, оказывается различной.

Чем можно объяснить замену Нестором-агиографом имени Святополкъ на лексему оканъный, выступающую как окказиональный синоним прецедентного имени Каинъ? Ответ можно найти, на мой взгляд, в так называемых небиблейских, или «летописных» чтениях о Борисе и Глебе. О Святополке здесь говорится: «Сею бо кръвь и до коньцины вѣка не прѣстаеть въпиющи къ Богу на безаконнаго и гордаго Святопѣлка, паче же рѣку – поганопѣлка, безглавнаго звѣря» [5, с.113] (текст списка так называемого Захарьинского паремийника).¹ Б.А.Успенский обратил внимание на окказионализм поганополк и интерпретировал его следующим образом: «Характерно, что в паремийном чтении о Борисе и Глебе о Святополке говорится, что он не "Святополк", а "Поганополк", поскольку он борется со святыми и воплощает, тем самым, "поганое", языческое начало» [11, с.43]. Эта интерпретация убедительная. Однако своеобразная полузамена имени братоубийцы окказионализмом может иметь и другую причину. Составное двухкорневое имя Свят-о-пѣлкъ/Свят-о-полкъ содержит первый компонент со значением сакральности, святости, которое разительным образом противоречит деяниям братоубийцы. Неизвестный составитель паремийных чтений подчеркнул это несоответствие, предложив «замену» имени Святопѣлкъ на поганопѣлкъ. Нестор поступил иначе: он практически исключил собственное имя злодея, ему неподобающее, из жития, отдав предпочтение прилагательному оканъный в субстантивной функции, которое благодаря паронимической аттракции и прямому уподоблению Святополка Каину превратилось в аналог или, точнее, в вариант имени Авелева губителя.

А.Ф.Литвина и Ф.Б.Успенский заметили, что имя Святополк, ставшее одиозным в церковной традиции, сохранялось довольно долгое время в княжеском именослове даже после церковного прославления Бориса и Глеба, объяснив это явление следующим образом: «Косвенная вина в гибели братьев (участие в распре с ними) с точки зрения родовой традиции, по-видимому, не могла быть причиной исключения князя из семейной истории,

Нестор. Реконструкция С.А.Никитина

¹ О семантике редкого эпитета безглавныи см. [10].

не могла сделать запретным воспроизведение его имени. Подобный конфликт в рамках родовой практики был делом более или менее обычным и еще мог подлежать разрешению и, в определенном смысле, забвению» [6, с.50, примеч. 35]. Но можно предположить, что исключению имени Святополк из ономастикона Рюриковичей в какой-то степени препятствовала (также или, возможно, прежде всего) его семантика – наличие компонента со значением 'святость'.

Имя Святополк, по-видимому, какое-то время после совершения преступлений «вторым Каином» могло восприниматься двояко: как семантически связанное со святостью и как приобретшее пейоративный ореол из-за этих злодеяний, то есть как ассоциирующееся с дьявольским началом, «окаянное», «отверженное». Память о грехе Святополка в конце концов привела к превращению уже самого этого имени в прецедентное – как обозначающее архетипическую, символическую фигуру братоубийцы.

Эта функция прослеживается у него в так называемом рассказе о преступлении рязанских князей – летописном сказании первой четверти XIII в. из рязанского летописания, сохраненном в летописании новгородском: «Томъ же 6726 [1218] лѣтъ. Глѣбъ, князь Рязаньскыи, Володимиричъ, наученъ сын сотоною на убийство, сдумавъ въ своемъ оканьѣмъ помыслъ, имѣя поспешника Костянтина, брата своего, и с нимъ диявола, юже и прѣльсти, помысылъ има вѣложи, рѣкшема има, яко избѣево сихъ, а сама приимѣва власть всю. И не вѣси, оканьѣ, Божия смотрения: даеть власть ему же хочеть, поставляеть цесар и князя Вышнии. Что прия Каинъ от Бога, убивъ Авеля, брата своего: не проклятье ли и трясение? Или вашъ сродникъ оканьныи Святоплѣкъ, избивъ братью свою: онема вѣньць царства, а собѣ вѣчную муку. Съ же оканьныи Глѣбъ Святоплѣчю ту же мысль приимъ, и сѣкры ю въ сердци своемъ съ братомъ своимъ» [2, с.88] (текст из Новгородской первой летописи старшего извода).

Имена Каина и Святополка в своей прецедентной функции здесь являются эквивалентными.

В так называемой Пространной летописной повести о Куликовской битве (видимо, не ранее середины XV в.) Святополку уподоблен князь Олег Иванович Рязанский, обвиняемый в намерении пособничать Мамаю: «Князь же Дмитрий увѣдавъ леств лукаваго Олга, кровопивца христьянского, новаго Иуду-предателя, на своего владыку бѣсится. И князь же Дмитрий въздохнув из глубины сердца своего и рече: “Господи, сѣвѣты неправедныхъ разори, а зачинающихъ рать ты погуби, не азъ почаль кровъ христьянскую проливати, но онъ, Святоплѣкъ новый! Въздай же ему, Господи, семь седмерицею, яко въ тмѣ ходит и забы благодать твою!”» [3, с.124] (текст

по Новгородской Карамзинской летописи). Молитва Дмитрия Донского – вариация молитвы Ярослава Мудрого перед сражением 1019 г. со Святополком (молитва содержится в «Повести временных лет» под 6527/1019 г. и в «Сказании о Борисе и Глебе»).

В этом тексте есть и еще одна отсылка к имени и образу Святополка: в благодарении Дмитрия Донского Богу за победу над Мамаем на Куликовом поле одоление иноверного и иноземного врага уподоблено отмщению Ярослава Святополку: «Помянулъ еси, Господи, милость свою, избавил ны еси, Господи, от сыроядець сих, от поганана Мамаея, и от нечестивых измайлович, и от незаконных агарянь, подаваа чьсть, яко сынъ, своей матери. Уставиль еси стремление страстное, якоже еси уставиль служъ своему Моисею и древнему Давиду, и новому Константину, и Ярославу, сроднику великих князей на окааннаго и на проклятаго братоубийцю безглавнаго звѣря Святоплъка» [3, с.134].

Определение Святополка в этой повести как «безглавнаго звѣря» заимствовано из небиблейских паремийных чтений Борису и Глебу.

В другом памятнике, посвященном Куликовской битве, – «Сказании о Мамаевом побоище», созданном, как принято считать в настоящее время, в конце XV или в первой четверти XVI в., князь Олег Иванович Рязанский также сопоставлен со Святополком: «Князь же Олегъ Резанский начать поспѣшывати, слати к Мамаеви послы и рече: "Подвизайся, царю, скорѣе к Руси". Глаголет бо премудрость: "Путь нечестивых не спѣшится, нъ събирают себѣ досажениа и поносъ" [Пс. 145, 9; Иер. 44, 8]. Нынѣ же сего Олга оканнаго новаго Святоплъка нареку» [3, с.144] (текст одного из списков Основной редакции). Книжник приписывает Олегу размышления, в которых варьируются раздумья Святополка перед вторым убийством, содержащиеся в «Сказании о Борисе и Глебе»: «Глаголаша ему бояре его: "Намъ, княже, повѣдали от Москвы за 15 дний, мы же устыдѣхомся тебѣ сказати: како же в вотчинѣ его есть, близ Москвы, живетъ калугерь, Сергиемъ зовуть, велми прозорливъ. Тѣй паче вѣоружи его и от своих калугерь даль ему пособники". Слышавъ же то, князь Олегъ Резанский начать бояться и на бояре свои нача опалатися и яритися: "Почто ми не повѣдали преже сего? Тѣ азъ бых послалъ и умолилъ нечестиваго царя, да ничтоже бы зло сѣтворилося! Горе мнѣ, яко изгубих си умъ, не азъ бо единъ оскудѣх умом, нъ и паче мене разумнѣе Олгордъ Литовский: нъ обаче онъ почитаеть законъ латыньский Петра Гугниваго, аз же, окаанный, разумѣх истинный законъ Божий! Нъ что ради пользохся? И збудется на мнѣ реченное Господомъ: "Аще рабъ, вѣдаа законъ господина своего, преступить, бьенъ будетъ много" [Лк. 12: 47].

Нынѣ убо что сътворих? Вѣдый законъ Бога, сътворителя небу и земли, и всея твари, а приложихся нынѣ къ нечестивому царю, хотящу попати законъ Божий! Нынѣ убо, которому моему худу разумѣнию вдах себе? Аще бы нынѣ великому князю помогль, ть отнудь не приметъ мя – вѣсть бо измѣну мою. Аще ли приложуся к нечестивому царю, ть поистиннѣ яко древний гонитель на Христову вѣру, ть пожреть мя земля жива, аки Святоплѣка: не токмо княжения лишень буду, нъ и живота гоньзну и преданъ буду въ гену огненую мучитися" [3, с.160]. Однако в отличие от Святополка Олег все же не выбирает путь гибели, отказываясь от войны с Дмитрием Донским.

Имя Святополка в этих контекстах используется как символическое, эквивалентное по своей функции имени Каина в памятниках Борисоглебского цикла: если прежде Святополк именовался новым, вторым Каином, то теперь уличаемого в убийстве и/или предательстве князя называют новым, вторым Святополком.

В «Сказании о Мамаевом побоище» Святополк и его имя становятся также символично-метафорическим обозначением Мамаю как иноверца-врага Руси. Ольгердовичи советуют князю Дмитрию перейти Дон для битвы с Мамаем, ссылаясь, в частности, на такой прецедент, как победа Ярослава над «вторым Каином»: «да не будетъ ни единому же помышления въспяты; а о велицей силѣ не помышляй, яко не в силѣ Богъ, нъ в правдѣ: Ярославъ, перевезеса рѣку, Святоплѣка побѣди, прадѣд твой князь великий Александръ, Неву-реку перешед, короля побѣди, а тебѣ, нарекиши Бога, подобаеть то же творити» [3, с.166].

Князь Дмитрий в «Сказании о Мамаевом побоище» перед битвой молится подобно Ярославу, готовящемуся к решающему сражению со Святополком, в летописной повести и в «Сказании о Борисе и Глебе»: «въздѣв руцѣ на небо, нача плакати, глаголя: "Владыко Господи челоуѣколюбче! Молитвъ ради святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба помози ми, якоже Моисию на Амалика и прѣвому Ярославу на Святоплѣка, и прадѣду моему великому князю Александру на хвалящегося короля римскаго, хотящаго разорити отечество его. Не по грѣхом моимъ воздай же ми, нъ излий на ны милость свою, прости на насъ благоутробие свое, не дай же насъ въ смѣхъ врагомъ нашимъ, да не порадуются о насъ врази наши, и рекутъ страны невѣрныхъ: "Гдѣ есть Богъ ихъ, на нь же уповаша?" Нъ помози, Господи, христианомъ, ими же величается имя твое святое!"» [3, с.172].

В «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича», памятнике, созданном, скорее всего, в конце XIV – середине XV в., о победителе Мамаю говорится: «И поможе Богъ князю Дмитрию, и сродници его, святаа му-

ченика Борис и Глѣбъ; и окаанный Мамай от лица его побѣже. Треклятый же Святоплѣкъ в пропасть побѣже, а нечѣстивый Мамай без вѣсти погыбе» [3, с.210] (текст Новгородской Карамзинской летописи).

Так имя убийцы Бориса и Глеба, изначально уподобленного Каину, само становится символическим и прецедентным для именованя уже не только вероломных братоубийц, но и иноземцев, оцениваемых как враги православнои веры и Русскои земли.

Библиографический список

1. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т.1: XI–XII века. 543 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т.5: XIII век. 527 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т.6: XIV – середина XV века. 583 с.
4. Бугославський С. Україно-руські пам'ятки XI–XVIII в.в. про князів Бориса та Гліба: (Розвідка та тексти). У Київi: З друкарні Всеукраїнської Академії Наук, 1928. (Пам'ятки мови та письменства Давньої України, 1; Monumenta linguae nec non litterarum Ucrainae Veteris, 1. Исторично-філологічний відділ Всеукраїнської Академії наук, 77). XXIII+206+II с.
5. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И.Абрамович. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1916. (Памятники древнерусской литературы. Вып.2). XXIII+204 с.
6. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М.: Индрик, 2006. 904 с.
7. Лотман Ю.М. «Звонячи в прадѣдную славу» // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т.3. С.107–110.
8. Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С.Лихачева; пер. Д.С.Лихачева и Б.А.Романова; под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.; Л.; Издательство АН СССР, 1950. Ч.1: Текст и перевод. (Серия «Литературные памятники»). 406 с.
9. Ранчин А.М. Памятники Борисоглебского цикла: Текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 512 с.
10. Ранчин А.М. К интерпретации небиблейских паремийных чтений Борису и Глебу: образ Святополка Окаянного // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. №3. С.83–94.
11. Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки славянской культуры, 2000. 128 с.

Дайте мне музей и я
его заполню.

Пабло Пикассо

И соловей может помочь
пахарю, если не надевать
на него хомут.

Лешек Кумор

Кирилл Шапошников

**«МЫ СЧИТАЕМ Ю.М.СОКОЛОВА
ПОЛИТИЧЕСКИМ ВРАГОМ
И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЕГО
ПРЕБЫВАНИЕ В МУЗЕЕ
НЕВОЗМОЖНО...»**

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА УВОЛЬНЕНИЯ
Ю.М.СОКОЛОВА С ПОСТА ДИРЕКТОРА
БИБЛИОТЕКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1929 г.)**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
930.25

На основании архивных документов и опубликованных источников охарактеризован вклад известного фольклориста и литературоведа Юрия Матвеевича Соколова (1889–1941) в развитие и становление Библиотеки Государственного исторического музея в послереволюционный период, представлена его деятельность на посту руководителя музейной библиотеки в 1922–1929 гг. Раскрыты обстоятельства вынужденного ухода ученого из Исторического музея в результате конфликта с дирекцией Музея. Ряд публикуемых документов вводится в научный оборот впервые.

The article deals, based on the archival documents and published materials, with the contribution of the well-known folklorist and literary critic Yuri Matveyevich Sokolov (1889–1941) to the development and formation of the Library of the State Historical Museum in the post-revolutionary period, and his activities as head of the museum library in 1922–1929, as well, as the circumstances of his forced departure from the Historical Museum due to the conflict with the Museum's management. A number of published documents are being introduced into scientific circulation for the first time.

Ключевые слова: Соколов Юрий Матвеевич; Государственный исторический музей; Библиотека Государственного исторического музея; история библиотечного дела; архивные документы; Дынник Валентина Александровна; Лепешинский Пантелеимон Николаевич; Милонов Юрий Константинович; Протасов Николай Дмитриевич.

Key words: Sokolov Yuri Matveyevich; State Historical Museum; Library of the State Historical Museum; history of librarianship; archival documents; Dynn timer Valentina Alexandrovna; Lepeshinsky Panteleimon Nikolaevich; Milonov Yuri Konstantinovich; Protasov Nikolay Dmitrievich.

E-mail: shap@shpl.ru

Не только фольклорист и этнограф

С именем Юрия Матвеевича Соколова (1889–1941), возглавлявшего Библиотеку Государственного исторического музея в 1922–1929 гг. связано становление музейной библиотеки в качестве одной из крупнейших научных библиотек страны, активное пополнение ее фондов, налаживание системы обслуживания читателей. Деятельность Ю. М. Соколова в качестве фольклориста, этнографа и литературоведа, равно как и его брата-близнеца, Бориса Матвеевича Соколова (1889–1930) неоднократно становилась предметом изучения отечественных исследователей [13; 14; 15; 18; 22; 28]. В то же время о его работе в Библиотеке Российского (Государственного) исторического музея в 1914–1929 гг. до настоящего времени известно немного, еще меньше – об обстоятельствах его вынужденного ухода из Музея в 1929 г. Ю. М. Соколов был последним из представителей научной интеллигенции на посту руководителя музейной библиотеки в послереволюционный период, все последующие руководители Библиотеки ГИМ, а затем ее преемницы – Государственной публичной исторической библиотеки вплоть до середины 1950-х гг. принадлежали к числу «пламенных революционеров» и активных борцов за установление советской власти [33; 34; 36; 37; 38].

Документы, выявленные автором в личном архиве братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых в РГАЛИ (фонд 483) и в Научно-ведомственном архиве ГИМ¹ позволяют охарактеризовать роль Ю. М. Соколова в истории музейной библиотеки и пролить свет на события весны – лета 1929 г., завершившиеся увольнением Ю. М. Соколова из Исторического музея.

Нежин – Москва

Братья Борис и Юрий Соколовы родились 8 апреля 1889 г. в г. Нежин Черниговской губ. в семье известного профессора-слависта Матвея Ивановича Соколова (1854–1906). Семья Соколовых переехала в Москву в 1904 г. после избрания главы семейства профессором Московского университета и деканом историко-филологического факультета. В 1906 г. после окончания 10-й московской гимназии Юрий Соколов поступил на Словесное отделение Историко-филологического факультета Московского университета. В 1911 г. по окончании курса был оставлен при Университете для приготовления к профессорскому званию. С 1911 г.

¹ Автор благодарит хранителя Научно-ведомственного архива ОПИ ГИМ И. В. Клошкину за помощь, оказанную при выявлении материалов для настоящей публикации.

преподавал в частных московских гимназиях Е.В.Констан, О.А.Виноградовой, Ю.П.Бесс, М.Г.Брюхоненко и Реальном училище Н.Г.Бажанова, в 1913–1924 гг. преподавал в Московской консерватории.

В Историческом музее

С 1 февраля 1914 г. Ю.М.Соколов работал в библиотеке Исторического музея младшим помощником библиотекаря, затем библиотекарем. В 1916 г. вместе с М.А.Петровским² написал докладную записку «О состоянии и нуждах Библиотеки Музея» о необходимости проведения в Музее реорганизационных мероприятий, большинство из которых было реализовано в послереволюционное время. Основные положения этой записки были изложены в «Отчете Государственного исторического музея за 1916–1925 гг.» [27, с.109–110]. Согласно предложениям

Ю.М.Соколов. 1910-е гг.

М.А.Петровского и Ю.М.Соколова, музейная библиотека должна носить не только вспомогательный характер для остальных отделов Музея и собирать литературу согласно задачам музейных отделов, но и быть самостоятельным подразделением Исторического музея, представляющим историю книги на Руси. В докладной записке указывалось на начинавшийся уже тогда чувствоваться недостаток в помещениях и необходимость выделять дублетные экземпляры, освобождаясь, таким образом, от лишнего балласта путем обмена с другими учреждениями. Планомерное развитие Библиотеки признавалось возможным лишь при следующих двух условиях: наделении правом получения обязательного экземпляра по соответствующим

²Петровский Михаил Александрович (1887–1937), литературовед, библиограф, переводчик. Сотрудник Исторического музея в 1913–1929 гг.: младший помощник библиотекаря, старший помощник библиотекаря (1914), зав. отделом книг по истории литературы (с 1919 г.), зав. отделом научной библиографии (с 1922 г.). Уволен в 1929 г. Арестован в 1935 г., отбыл ссылку в Томске, повторно арестован в 1937 г., приговорен к расстрелу.

отраслям знания и увеличении специальных средств Музея на приобретение книг, особенно книжных редкостей. Также в записке была отмечена необходимость увеличения штата Библиотеки.

«Я стал работать с советской властью с самого начала...»

Вот как впоследствии описывал свою работу в первые послереволюционные годы сам Юрий Матвеевич: «Я стал работать с советской властью с самого начала. В первые месяцы 1918 года я сам пришел в Наркомпрос и предложил свою работу по библиотечной линии. М. Н. Покровский может это подтвердить. Это было в то время, когда огромное большинство интеллигенции, во всяком случае, профессуры, саботировало. Мне пришлось много вытерпеть в нашей академической среде из-за того, что я стал работать вместе с большевиками. Работая в Наркомпросе, в Отделе научных библиотек, я увлекся библиотечным движением и стал вместе со своими товарищами добиваться решительных реформ в постановке научных библиотек. <...> Несколько лет подряд я с настойчивостью проводил реформы, затрачивая много энергии на организацию библиотечных совещаний и съездов. Так 2–3 июля 1918 г. и 23 июля того же года состоялись библиотечные совещания при Наркомпросе, 10–12 августа 1918 года такое же совещание в Петрограде. 25 января – 1 февраля 1919 г. была создана первая библиотечная сессия в Москве, 22–26 сентября 1919 г. был проведен под моим председательством съезд по реформе академических библиотек, заложивший основы реорганизации этих библиотек на новых началах...» [5, л.21].

«Охваченный порывом к спасению книжных богатств»

В 1918–1922 гг. Ю. М. Соколов был сотрудником московского отделения Отдела научных библиотек Наркомпроса, участвовал в организации сети академических библиотек в стране, выработке концепции их деятельности, а также в формировании и пополнении их фондов за счет национализированных частных библиотечных коллекций. Благодаря стараниям Ю. М. Соколова наиболее ценные коллекции и экземпляры направлялись в ГИМ, в результате проявленной им настойчивости в Исторический музей поступило ценное книжное собрание Патриаршей (Синодальной) библиотеки из Московского Кремля.

В черновом варианте «Автобиографии» Ю.М.Соколова, написанной 8 июля 1925 г., читаем:

«Большое удовлетворение мне доставила возможность принять самое активное участие в обогащении Библиотеки книжными сокровищами во время войны, а г[лавным] о[бразом] за годы революции. Библиотека Г[осударственного] Ист[орического] Музея с 450 000 томов в 1914 г. выросла до 1 200 000 тт. в настоящее время, в значительной мере, при моем содействии. Охваченный порывом к спасению книжных богатств, которым грозила опасность гибели во время гражданской войны, я принимал все меры к направлению книжных коллекций, принадлежавших частным лицам и ликвидированным учреждениям, в госуд[арственные] книгохранилища, книги имеющие значение для истории русской культуры – в Библиотеку Рос[сийского] ист[орического] музея» [4, л.2–2об].

«Наплыв книг был так велик и стихийен, что в течение долгого времени книги размещались по всему Музею, и только в 1922 году удалось книги собрать в специальном помещении <...>, сложив огромное большинство их штабелями по всем галереям и предоставленным Библиотеке кладовым», – писал Ю.М.Соколов в 1928 г. [1, л.1].

Ю.М.Соколов. Июль 1920 г.

Ценные сведения о деятельности Ю.М.Соколова в этот период содержатся в его переписке 1919–1923 гг. с братом Борисом, опубликованной В. А. Бахтиной в фундаментальной книге «Из далеких двадцатых годов двадцатого века: (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М.Соколовых)» в 2010 г. [19].

Так, в письме от 19 августа 1919 г. Ю.М.Соколов писал:

«Пришлось мне повозиться и с другим делом, с библиотекой Епархиальной <...> Тяжелое дело предстоит с библиотекой Оптиной пустыни. Ее постановили (Покровский) распределить, а вредные книги уничтожить. Я выступаю с категорическими возражениями, ссылаясь на мнение специалистов-библиотекарей и Коллегии по делам музеев.

Как не относиться к религиозной литературе, все же ее нельзя отрицать, как исторический материал. И как могут историки мыслить иначе» [19, с.111].

С 1919 г. он заведовал читальным залом библиотеки, с 1 июля 1922 г. временно исполнял обязанности главного библиотекаря (заведующего библиотекой), а после ухода из Музея К. С. Кузьминского³ в декабре 1922 г. стал заведующим библиотекой.

**«Нам не нужен заспанный
скучающий библиотекарь»**

13 октября 1921 г. Ю. М. Соколов выступил на заседании Комиссии по редактированию Устава РИМ.

Сохранилась его «Записка о необходимости существования читального зала как самостоятельного отдела Российского исторического музея», в которой, в частности, говорилось следующее:

«...Читальный зал – это тот отдел Музея, в котором происходит совершенно своеобразная работа, не совпадающая с деятельностью других частей Музея. Если рисовать себе работу Исторического музея в будущем именно как активное участие в деле просвещения, а не только консервирование историко-бытовых памятников, то было бы странно представлять себе работу Читального зала, как читальни нашего русского обычного типа, с заспанным скучающим библиотекарем и читающей какой-нибудь роман сотрудницей. При подобной картине будущего, конечно, трудно было бы поверить в какую-то особую роль читального зала. <...> Читальный зал предполагается, как я указал в своих прежних докладах, разбить на два отделения: одно – справочно-информационное, другое – отделение выдачи. Первое ведает справочной библиотекой Читального зала, сообщает по запросам читателей справки библиографического характера по историко-культурным дисциплинам, организует выставки новых книг, периодические выставки по отдельным научным вопросам, регистрирует пожелания читателей по улучшению постановки библиотечной работы в Читальном зале, а также дезидерата по вопросам о пополнении библиотеки, организует постоянную тесную связь с различными научными отделами Музея, направляя в отдел читателя, заинтересовавшегося специальными историко-бытовыми или музейными проблемами, наводя научные справки в отделах, пользуясь указаниями последних, устраивая лекции или чтения <...>

³ Кузьминский Константин Станиславович (1875–1940) – литературовед, книговед, искусствовед, главный библиотекарь Исторического музея в 1914–1922 гг.

Историческому музею представляется возможность произвести опыт живой работы с читателем, работы, поставленной на новых началах...» [7, л.11–11об.]

Из письма к брату от 29 октября 1922 г.:

«Читальный зал, наконец, открыт. Как будто бы маленькое дело, а сколько потребовалось энергии, хлопот, усилий, настояний, начиная хотя бы с горячих споров и со Щекотовым⁴, и с Кузьминским, когда они оба ополчились на меня и так противились образованию из читального зала особого отдела? Некоторым казалось тогда, что меня скушали с маслом, но не тут-то было: моя взяла! Далее надо было расширить штаты, добиться освобождения читального зала из-под архива, настоять на исправлении канализации, водопровода, вентиляции, телефона и т.д. и т.д., подобрать справочную библиотеку в несколько тысяч томов, составить несколько каталогов, выработать инструкции и правила и т.д., и т.д., и т.д. Все же есть у нас с тобой организаторские способности. Жаль только, очень жаль, что подорвались физические силы. Но, может быть, Бог даст, это ослабление сил лишь временное явление!» [19, с.652]

Из письма от 5 декабря 1922 г.:

«Очень доволен я росту посетителей читального зала, правда, медленному, но верному. Начали с 8 человек, а теперь уже дошли до 45. Организовал выставку книжных новинок и этим вызвал большое сочувствие публики. Озабочен широкой пропагандой за наш читальный зал. Теперь тепло, светло, уютно» [19, с.664].

«Амурные шалости»

В переписке с братом нашли довольно подробное отражение обстоятельства развода Ю.М.Соколова с первой женой – Зоей Семеновной, урожд. Ковганкиной (1891–1961), и романа с Валентиной Александровной Дынник (1898–1979), литературоведом и переводчиком, завершившегося венчанием в августе 1923 г. [19, с.675–700]. Свое необычайное сходство с братом-близнецом⁵ Юрий Матвеевич использовал при посещении квартиры невесты. Из письма к брату от 10 февраля 1923 г.:

⁴Щекотов Николай Михайлович (1884–1945) – художник, искусствовед, музейный работник, директор Исторического музея в 1921–1925 гг.

⁵Братья-близнецы отличались большим внешним сходством, что служило поводом для возникновения анекдотов, имевших распространение в литературных и научных кругах. В 1924 г. братья Соколовы заняли первое место среди 18 пар близнецов [19, с.591].

«Выкидываю я иногда совершеннейшие глупости. Так, например, чтобы облегчить мне возможность частых посещений квартиры Валентины Александровны (к ней нужно проходить через комнаты хозяев – очень почтенной аристократической семьи), мы с Валентиной Александровной придумали: выдавать меня иногда за тебя: однажды я зашел за Валентиной Александровной (чтобы идти в театр на "Перикола") и стал представляться хозяевам как новое лицо – проф. Соколов. Валентина Александровна называла меня Борисом Матвеевичем, я хмурил лоб, делал серьезное лицо, поддерживал усиленно "профессорское" достоинство, отвечал свысока, поругивал легкомысленного брата Юрия, сердился на свою даму, что она слишком долго собирается и т.д. Хозяева были поражены до чрезвычайности нашим сходством, хотя одна пожилая дама и находила, что Юрий Матвеевич веселее, живее, у него более добродушный вид, глаза больше и взгляд открытее... Дело зашло так далеко, что немислимо стало раскрывать хозяевам истину (они очень почтенные люди), и я очень тебя прошу, когда приедешь в Москву, при возможной встрече с ними виду не подавать, что ты с ними никогда знаком не был... Вот до чего доходят мои амурные шалости» [19, с.676–677].

«Все старания мои направлены к обслуживанию Библиотекою широких масс читателей»

С именем Ю. М. Соколова связаны многие преобразования в музейной библиотеке 1920-х гг.: библиотека начинает получать обязательный экземпляр, разобраны и пущены в читательский оборот коллекции А. А. Бобринского, П. В. Зубова, Д. И. Иловайского, часть Уваровской библиотеки, уточнен профиль комплектования фондов, помимо инвентаризации книжных фондов библиотеки была проведена инвентаризация книжных коллекций, разбросанных по многочисленным отделам Музея.

В автобиографическом очерке, написанном в июле 1925 г., Ю. М. Соколов писал: «Весною 1924 г. я был приглашен на специ[альное] совещание в Главнауке под председательством зам. зав. Главнаукой В. П. Зылева по выработке временных инструкций о Библиотеке РИМ. Инструкция выработала те принципы, которые должны определять взаимоотношения Библиотеки и Истор[ического] музея. Я был и остаюсь противником снижения Библиотеки лишь до значения внутреннего отдела Музея. Библиотека в 1 200 000 томов (третья по своим размерам во всем СССР) не может быть сведена до скромной роли подсобного учреждения для Музея. Все старания мои направлены к обслуживанию Библиотекою

широких масс читателей, гл[авным] о[бразом] студентов ВУЗ'ов. В настоящее время пропускная способность до 50 000 посещений в год с выдачей до 100 000 тт.» [4, л.2об].

Параллельно Ю.М.Соколов ведет большую научную и общественную работу. Вновь предоставим слово самому Юрию Матвеевичу:

«В 1924 г. я принимаю участие на Первом библиотечном съезде; 12 декабря 1924 г. на первой конференции научных библиотек я делаю доклад о типовом положении для научных библиотек; 9 декабря 1926 г. я принимаю участие на Второй конференции научных библиотек в Ленинграде. Параллельно с этим я работаю в Библиотечной комиссии ГУСа и в библиотечных совещаниях Главнауки. <...> Кроме того, я участвую на различных съездах по реформе музеев в Москве и Ленинграде. Одновременно с этим веду педагогическую работу и от имени научно-методической секции МОНО организую пять исторических конференций по преподаванию языка и литературы. Наряду с этим принимаю самое деятельное участие в краеведческом движении, в течение многих лет состою членом Центрального Бюро Краеведения. Имя мое краеведам СССР достаточно известно. В области своей прямой научной специальности – в фольклористике провожу новые приемы преподавания в ВУЗах, сильно отличающиеся от ранее принятых. По профсоюзной линии я работаю с большим увлечением, в значительной мере прививаю навыки профсоюзной работы в Историческом музее в то время, когда большинство научных работников от профсоюзной работы стояло вдалеке. В течение многих лет я состою в местном ГИМа. Являюсь председателем месткома несколько созывов подряд. Я настолько в глазах своих товарищей по Музею являюсь признанным общественным работником, что меня в течение многих лет товарищи обычно выбирают председателем общих собраний Музея» [5, л.21].

Согласно новому положению, утвержденному Главнаукой в 1928 г. [20, с.151–158], во главе библиотеки стоял уже не заведующий, а директор, библиотека входила в сеть государственных научных библиотек и получала определенную автономию от Музея. Благодаря налаженной работе читального зала Библиотека ГИМ стала популярной среди московского студенчества и молодых ученых. Как писал Ю.М.Соколов, «быстротой обращения книги, устранением ненужных формальностей, возможностью быстро получать в самой Б[иблиоте]ке необходимые справки, удобством и уютom помещения, наличием удачно организованной подсобной б[иблиоте]ки при чит[альном] зале, читальный зал Б[иблиоте]ки приобрел несомненное признание у читателей» [1, л.2].

Начало конфликта

Огромное число книг, полученных библиотекой в послереволюционные годы, оставалось в неразобранном виде, что послужило причиной конфликта Соколова с руководством ГИМ. В отчете Библиотеки ГИМ за период с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. Ю. М. Соколов отмечал, что «в настоящее время Б[иблиоте]ка загромождена книгами выше всякой меры. Приходилось нередко уставлять книги в шкафах в три – четыре ряда. Основная задача Б[иблиоте]ки первых годов революции – прием и охрана книг – была достигнута. Б[иблиоте]ка стала перед новой задачей, еще более грандиозной – по рациональной расстановке и научной библиотечной обработке книжного богатства» [1, л.1].

Работа по освоению книжных богатств в библиотеке, разумеется, велась, однако ее темпы не устраивали руководство музея. «Инструкция по образованию, хранению, учету и отчуждению Обменного фонда при Библиотеке ГИМ» 1926 г. предусматривала, что экземпляры с важными рукописными пометами, автографами и т. п. должны были оставаться в библиотеке в количестве трех экземпляров. При этом редкие и особо ценные в музейном отношении книги оставались в фонде библиотеки даже в том случае, если количество экземпляров превышало три. В состав дублетов выделялись экземпляры, худшие по качеству и сохранности, представляющие для библиотеки меньшую ценность. Дублеты выделялись в состав обменного фонда «Комиссией по изъятию книг» по докладу заведующего обменным фондом. [8, л.223]. Проведение такой работы требовало высокой квалификации сотрудников и значительных трудовых затрат. По расчетам Ю. М. Соколова на разбор залежей при существовавших кадровых ресурсах библиотеки требовалось около 20 лет.

Юрий Матвеевич активно возражал против немедленного механического перераспределения неразобранных фондов, в частности Уваровской библиотеки⁶. Решение о ее немедленном разборе и передаче «непрофильной литературы» было принято на заседании Комиссии по разборке книжного фонда 30 января 1929 г., заместитель директора библиотеки М. Л. Мильштейн предложил ограничить доступ в читальный зал, допуская в него только научных работников, выделив большую его часть для установки шкафов и развертывания ударной работы по разборке фондов. Согласно предложению Мильштейна, вся непрофильная для отделов

⁶ Библиотека А. С. и П. С. Уваровых из имения Поречье Можайского уезда Московской губ. была передана П. С. Уваровой на хранение в Исторический музей в 1917 г. вместе с экспонатами «Поречьего музеума».

Исторического музея литература должна была немедленно передаваться в другие государственные библиотеки [3, л.8].

«Особо нуждающимся» читателям было предоставлено помещение каталожного зала на 30 мест. Заккрытие читального зала вызвало резкое недовольство читателей-студентов, обратившихся с жалобами к директору ГИМ П. Н. Лепешинскому и в Главнауку. По распоряжению Главнауки половина читального зала была открыта для читателей с 8 марта 1929 г.

«Безоговорочно отрицательное отношение к реорганизации ГИМ на новых началах» Документы, сохранившиеся в личном фонде Ю. М. Соколова в РГАЛИ, позволяют проследить развитие конфликта. На заседании

Правления ГИМ 6 июня 1929 г. заместитель директора музея по научной части Ю. К. Милонов⁷ заявил о необходимости освобождения Ю. М. Соколова от служебных обязанностей. Мотивами к своему заявлению Ю. К. Милонов выставил «резко выраженное стремление Ю. М. Соколова добиться автономности Б-ки, его формально-пассивное отношение к выполнению задания Правления по разборке залежей и, наконец, его безоговорочно отрицательное отношение к реорганизации ГИМ на новых началах». Выступление Ю. К. Милонова поддержали директор ГИМ П. Н. Лепешинский⁸, члены Правления: Н. М. Матвеев⁹, А. М. Бирзе¹⁰. П. Н. Лепешинский посчитал «дальнейшее пребывание Ю. М. Соколова в Б-ке нежелательным, в силу общего расхождения линии Правления по библиотечному делу ГИМ и политики директора Б-ки; это чувствовалось с самого начала, хотя бы в вопросе о выработке положения о Б-ке, и чувствуется сейчас». Н. М. Матвеев

⁷ Милонов Юрий Константинович (1895–1980) – участник революционного движения, государственный и политический деятель, историк, зам. директора (1926–1929), директор ГИМ (1930–1931 гг.). Инициировал полную перестройку экспозиций всех залов ГИМ с позиции марксистского понимания истории. В 1938 г. репрессирован, отбывал срок на Кольме. После освобождения в 1948 г. жил в Магадане. Реабилитирован в 1956 г., вернулся в Москву.

⁸ Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868–1944) – революционный и партийный деятель, литератор. Директор ГИМ в 1927–1930 гг.

⁹ Матвеев Николай Михайлович (1876–1951) – государственный и партийный деятель, в 1928–1930 гг. – зам. директора ГИМ.

¹⁰ Бирзе Анна Мартыновна (1892–1939?) – художник, искусствовед, сотрудник ГИМ в 1929–1932 гг.: член правления, зам. директора по просветительной работе, с марта 1931 г. – зав. учетно-распределительным отделом. В 1933–1938 гг. – директор ГАФКЭ (ныне РГАДА). Дальнейшая судьба неизвестна.

ев указал на «разные отношения Правления и Ю. М. Соколова к штатному вопросу: в то время как Правление предприняло сокращение штатов, директор Б-ки настаивал на их расширении». В ответном слове Ю. М. Соколов заявил, что сам уже принял решение уйти из числа сотрудников ГИМ и попросил Правление по-товарищески остановиться на вопросах, затронутых членами Правления и некоторых сторонах жизни Музея и Библиотеки. В сохранившейся выписке из протокола заседания Правления ГИМ ответы Юрия Матвеевича представлены конспективно, можно выделить следующие ключевые вопросы: за последний год он не настаивал на автономности библиотеки и обвинять его в автономистских тенденциях нельзя; также нельзя безоглядно разбазаривать книжные запасы, сделанные в предреволюционные и революционные годы; до назначения М. Л. Мильштейна на должность заместителя директора Библиотека не получала никакой экономической помощи от Правления и возможность приобретения стеллажей для разборки фондов отсутствовала. Далее Ю. М. Соколов отметил, что «приписываемая М. Л. Мильштейну заслуга по разборке фондов не может еще быть признана заслугой, так как в этом направлении проделана только подготовительная работа, а основная работа предстоит еще в будущем в виде сверки фондовых запасов с каталогом и наличным составом Б-ки, для последней цели потребуются и значительное время, и дополнительный штат». Кроме того, он отметил крайнюю неквалифицированность М. Л. Мильштейна как библиотечного работника. По поводу вмененного ему в вину негативного отношения к реорганизации ГИМ Соколов заметил, что он «не может принять обвинение в несогласии вообще с реорганизационными мероприятиями» [5, л.5]. Далее Юрий Матвеевич в некоторой запальчивости заявил, «что в Музее создавалась очень неблагоприятная атмосфера: царит недоверие, чувствуется бюрократизм, взят курс на молчание; работники боятся высказывать свои мнения о фактах работы учреждения; Правление оторвано от коллектива работников – П. Н. Лепешинский очень занят, Н. М. Матвеев не знает некоторых работников даже в лицо. Все это создает нездоровые условия работы, и последняя не может развиваться нормально». Он также сказал, что «ему не хотелось бы думать, что вопрос об его уходе из Историч. музея ускоряется в связи с предстоящей чисткой аппарата» и выразил сожаление, что ему «не придется теперь принимать участие в обсуждении вопросов, связанных с этой чисткой, так как он один из тех, которые могли бы смело указать на отрицательные стороны в работе» [5, л.5об.].

Правление ГИМ постановило:

«1. Ввиду резкого расхождения линии работы Правления и директора Б-ки считать необходимым освободить Ю. М. Соколова от служебных обязанностей, сделав об этом представление в Главнауку и указав на те мотивы, которые были приведены Ю. К. Милоновым в его заявлении и которые заставляют Правление пойти на эту меру в отношении Ю. М. Соколова.

2. Вместе с тем поставить на обсуждение в Главнауке в целях проверки действительности те обвинения о курсе на молчание, о бюрократизме и вообще об отрицательной атмосфере, препятствующей нормальному развитию работы, которые были высказаны Ю. М. Соколовым в данном заседании» [5, л.5об.].

**«Я знаю, что разбазарить
легко...»**

17 июня 1929 г. Ю. М. Соколовым было направлено письмо наркомупросвещения А. В. Луначарскому с изложением сути конфликта.

Юрий Матвеевич писал, что он вовсе не настаивает на сохранении занимаемой им должности в связи с создавшимися тяжелыми условиями работы в музее, но в то же время просит вникнуть в положение дел в Историческом музее и оказать тем самым ему моральную поддержку. Ю. М. Соколов сообщал наркомупросвещения, что решительным образом возражает «против стремления Правления чисто механическим путем разрешить труднейшую проблему о ликвидации еще некаталогизированных книжных фондов, образовавшихся в нашей библиотеке, как и во всех крупных государственных книгохранилищах, за первые годы революции. Тогда, как Вам хорошо известно, музейные и библиотечные работники затратили столько увлечения и энергии, направляя в государственные книгохранилища перешедшие волею революции народу культурные богатства, принадлежавшие привилегированным классам. Мне лично посчастливилось принять самое деятельное участие в этой большой работе, с самых первых шагов организации ее в Наркомпросе весной 1918 г. под непосредственным руководством М. Н. Покровского и покойного В. Я. Брюсова. В Наркомпросе, в Отделе научных библиотек, я работал более пяти лет. Я горжусь тем, что мне вместе со своими товарищами по работе удалось направить сотни тысяч книг в государственные книгохранилища, в частности, в Библиотеку ГИМ. Наша Библиотека за годы революции выросла с 600 000 томов далеко за один миллион томов. Мы,

конечно, знали, что при малой площади Музея трудно будет вместить в него все это нахлынувшее книжное богатство, но я и сейчас глубоко убежден в правильности своей и моих товарищей линии: нужно было, прежде всего, книги спасти от возможной гибели и сохранить, а вопрос о рациональном размещении и обработке естественно нами откладывался до более позднего времени <...> Что было в моих силах и что позволяли скудные средства Музея, отпускавшиеся Правлением, я делал, но я считаю недопустимым, чтобы Музей разрешил проблему устранения тесноты простым, но не убедительным способом: распылением собранного имущества. Я знаю, что разбазарить легко, а вот сохранить и рационально разместить – задача, правда, более трудная, но более соответствующая культурному строительству» [7, л.38].

«Не смог переключиться на новые рельсы музейной работы»

В личном архиве Ю. М. Соколова сохранились протоколы трех заседаний комиссии Главнауки от 25, 27 июня и 3 июля 1929 г. под председательством Н. П. Суворова, на которых были рассмотрены высказанные взаимные обвинения. Приведу некоторые высказывания, зафиксированные в этих документах.

П. Н. Лепешинский, в частности, заявил: «Сотрудники Музея дифференцируются на два лагеря: одна часть сотрудников идет навстречу всем начинаниям Правления с охотой, с энергией работает, а другая часть враждебно относится, замкнулась, отгородилась от современности <...> Новые сдвиги и явления в Музее не могли не отразиться на обывательской психологии наших сотрудников, их страшит мысль, что насиженные места потеряются. Были угрожающие анонимки членам Правления. Мы чувствуем внутренние сдвиги в области политической жизни. Я опасюсь даже ВРЕДИТЕЛЬСТВА. Я должен вам сказать, что имеются упорные слухи, будто бы, где-то собираются наши недоброжелатели, чтобы конспиративно обсудить тактику противодействия нашей политике. Я не знаю, бывает ли там Ю. М. Соколов, но все вместе взятое создает во мне политическое недоверие к Ю. М. Соколову» [5, л.боб.].

Из выступления Ю. К. Милонова: «Дело не в Ю. М. Соколове и не в Библиотеке, а в той борьбе, которая развернулась на научном фронте, и которая отражается у нас в Музее. Мы имеем борьбу двух лагерей по вопросу ортодоксального марксизма. Мы считали главной

задачей реконструкцию Музея на основе ортодоксального марксизма, и в связи с этим, наблюдается бешеное сопротивление людей идеологически настроенных. Борьба ведется в закулисах. <...> Сотрудники дифференцируются, одни отмалчиваются, другие при всей видимой лояльности остаются враждебными, методы борьбы с нами разные, но объективно они находятся в одном лагере. К этому типу сотрудников Музея я отношу Ю.М.Соколова. <...> Мы считаем Ю.М.Соколова политическим врагом и дальнейшее его пребывание в Музее невозможно» [5, л.7–7об.].

Из выступления Н.М.Матвеева: «Библиотека по существу должна быть лишь одной из составных частей Музея, вспомогательной частью. А между тем, что мы наблюдаем: давнишнюю определенную и до сих пор неослабевающую тенденцию руководителя Библиотеки Ю.М.Соколова рассматривать Библиотеку как особый, автономный отдел, чуть ли не параллель всему ГИМу. При такой упорной тенденции один из отделов – Библиотека – идет вразрез к сокращению и упрощению аппарата, к тому, чтобы новый аппарат вполне соответствовал революционным задачам Музея. Характерно, что, несмотря на стремление Правления к сокращению штата, Соколов возбудил вопрос об увеличении штата Библиотеки на 30 единиц. Все это красноречиво говорит за то, что Соколов далек от контакта с Правлением по вопросу о новой структуре Музея. <...> Считаю невозможным дальнейшее пребывание Ю.М.Соколова в Музее». [5, л.7об.–8].

Ученый секретарь ГИМ Н.Д.Протасов¹¹ привел «конкретные факты автономистских стремлений Соколова в отношении отрыва от Музея Б-ки и превращения ее в публичную, против чего Н.Д.Протасов всегда протестовал, в соответствии с директивами Правления <...> Эта борьба за автономичность Б-ки особенно обостряется с 1924 г., когда по непонятным причинам в Наркомпросе было решено придать автономный вид Б-ке ГИМ. Работникам Музея памятли бурные заседания Ученого Совета 15 февраля и 18 апреля 1924 г., на которых члены Совета и особенно директор Н.М.Щекотов резко протестовали против этого, но Ю.М.Соколов вел себя определенно – он не протестовал, и можно было подозревать, что он и подсказал отделение Б-ки <...> Ю.М.Соколов игнорировал интересы ГИМ. Много раз Правление

¹¹Протасов Николай Дмитриевич (1886–1940) – археолог и искусствовед, в 1922–1930 гг. – заведующий Византийским отделом ГИМ, в 1926–1930 гг. – ученый секретарь ГИМ. В 1919–1938 гг. – сотрудник Румянцевского музея (затем ГБЛ): до 1922 г. – заведующий отделом древностей, с 1923 г. – заведующий отделом редкой книги и графики.

и Н. Д. Протасов лично указывали Ю. М. Соколову на необходимость принятия самых решительных мер для ликвидации залежей. Для этого ничего решительно не делалось <...> Человек с такой настроенностью не может рационально и ответственно работать в ГИМ в тот момент, когда Правление революционными методами организует весь ГИМ на новых началах...» [5, л.8–8об].

Комиссия Главнауки в своем итоговом постановлении констатировала, что «общая политическая линия Правления Музея в данном деле была правильной. Ю. М. Соколов по линии библиотеки, расходившийся в установке ее работы с Правлением, не смог переключиться на новые рельсы музейной работы. Создавшееся положение имеет только один выход, с которым выразили свое согласие и т. Лепешинский, и т. Соколов, а именно: заявлениями обоих названных лиц и последующим изучением дела большинство взаимных обвинений, в особенности обвинение Правления в бюрократизме, зажиме и расправе с критиками, с одной стороны, и обвинения Соколова в безоговорочно отрицательном отношении к реконструкции Музея – с другой – должно быть снято с обеих сторон, но при создавшемся положении оставление т. Соколова на работе в Музее следует признать нецелесообразным» [5, л.26].

Ю. М. Соколов был освобожден от обязанностей директора Библиотеки ГИМ с 10 июля 1929 г. [5, л.27а].

Из «Отчета Библиотеки ГИМ за 1928–1929 годы» известно, что в феврале 1929 г. из кладовых было перенесено для разбора около 140 000 томов, которые были разобраны по разделам (истории, археологии, географии, литературы и т. д.), из этого числа было отработано 35 427 томов, из них отобрано для включения в фонд 17 444 тома. Согласно указанию Главнауки, непрофильная литература передавалась в ГБЛ, библиотеки Политехнического музея, Иностранной литературы, Пединститута Республики немцев Поволжья и др. Всего было передано 12 328 тт. [2, л.1].

«Дело следствием было прекращено...»

После ухода из ГИМ деятельность Ю. М. Соколова была связана исключительно с фольклористикой, он продолжал преподавательскую деятельность. В «Дополнении к автобиографии» от 6 декабря 1936 г. ученый писал, что «весной 1932 г. был арестован особым отделом ОГПУ, по расследовании был освобожден, а дело следствием было

прекращено»¹ [6, л.32об.]. С 1933 г. он руководил фольклорным отделом Государственного литературного музея, с 1934 г. был председателем фольклорной секции Союза писателей СССР. В 1938 г. им была организована кафедра фольклора МИФЛИ (с 1941 г. вошла в МГУ).

Все это время Ю.М.Соколов и В.А.Дынник продолжали жить в служебной квартире №27 в здании Исторического музея. В архиве ученого сохранился черновик заявления об улучшении жилищных условий, относящийся к середине 1930-х гг.: «Из двух комнат занимаемой мною квартиры – лишь одна светлая, другая же темная. Светлая – наш рабочий кабинет и библиотека (библиотека моя свыше 10 000 томов, по характеру моей научной работы я должен иметь большое количество справочных изданий), темная комната – наша спальня и столовая. Будучи по характеру своей научной работы (в качестве фольклориста) тесно связан с широким кругом столичных и провинциальных специалистов, я принужден устраивать

Ю.М.Соколов. 1930-е гг.

¹По свидетельству К.Н.Атаровой, В.А.Дынник также была арестована, сидела в тюрьме в камере с уголовницами, с которыми наладила хорошие отношения, по памяти пересказывала им сказки и приключенческие романы А.Дюма [11, с.178].

прием посетителей на дому, и жене моей, тоже научному работнику, приходится очень значительную часть времени проводить в темной комнате...» [6, л.59].

В 1939 г. Ю. М. Соколов был избран академиком АН УССР и директором Института фольклора АН УССР, основанного в 1936 г. Его жизнь оборвалась скоропостижно – он умер 15 января 1941 г. от сердечного приступа в Киеве на чествовании академика А. Е. Крымского после взволнованно произнесенной речи [16; 29; 30]. Похоронен ученый в Москве на Новодевичьем кладбище [21, с.106].

**«Автономистские тенденции»
и их последствия**

«Автономистские тенденции», ставшие одной из причин увольнения Ю. М. Соколова из Исторического музея, нашли воплощение

в 1934 г., когда музейная библиотека согласно постановлению СНК РСФСР №664 от 23 июля 1934 г. «О мероприятиях по обеспечению проведения в жизнь постановления ЦИК СССР от 27 марта 1934 г. о библиотечном деле в СССР» была выделена в самостоятельное учреждение, имеющее свой бюджет. Тогда же бывшая музейная библиотека получила новое название – Государственная историческая библиотека, или Государственная научная историческая библиотека

Юношеский филиал ГПИБ в здании ГИМ. 1950-е гг.

НКП РСФСР [12; 23]. В 1938 г. согласно постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 марта 1938 г. и СНК РСФСР № 143 от 28 мая 1938 г. Государственная историческая библиотека при ГИМ была ликвидирована, а ее фонды наряду с фондами ликвидированной Объединенной библиотеки Институты красной профессуры составили основу Государственной публичной исторической библиотеки, открытой для читателей 20 декабря 1938 г. в здании в Старосадском пер. [10; 31; 32]. В помещении читального зала в здании ГИМ в феврале 1939 г. открылся филиал ГПИБ для учащихся средней школы, который проработал на Красной площади до 1966 г. и пользовался популярностью среди московских школьников, за это время его посетило около 3 миллионов юношей и девушек. В 1966 г. филиалу было предоставлено новое помещение на первом этаже жилого дома-новостройки на Большой Черкизовской ул., в том же году он был преобразован в Государственную республиканскую юношескую библиотеку (ныне Российская государственная библиотека для молодежи) [17; 25; 26]. Таким образом, стремление Ю. М. Соколова к повышению статуса музейной библиотеки и обслуживанию широких масс читателей, высказанное в 1920-х годах, в настоящее время находит свое воплощение в деятельности двух федеральных библиотек – Государственной публичной исторической библиотеки России и Российской государственной библиотеки для молодежи, неизменно пользующихся популярностью среди читателей разных возрастов. Помещение читального зала в здании Исторического музея на Красной площади в настоящее время занимает Отдел книжного фонда ГИМ [24].

Библиографический список

1. Отчет Библиотеки Музея о работе за 1927–1928 академический год // ОПИ ГИМ. Ф.НВА. Оп.1. Д.344. 64 л.
2. Отчет Библиотеки Музея о работе за 1928–1929 академический год // ОПИ ГИМ. Ф.НВА. Оп.1. Д.375. 11 л.
3. Протоколы заседаний Комиссии по разборке книжного фонда Библиотеки Музея. 11 марта – 4 окт. 1929 г. // ОПИ ГИМ. Ф.НВА. Оп.2. Д.95. 15 л.
4. Автобиографический очерк Соколова Ю. М. // РГАЛИ. Ф.483. Оп.1. Д.120. 4 л.
5. Дело об освобождении от служебной обязанности Директора Библиотеки Государственного Исторического Музея Соколова Ю. М. Заявления в правление

ГИМ и Главнауки. Выписки из протоколов и протоколы заседаний правления ГИМ // РГАЛИ. Ф.483. Оп.1. Д.135. 34 л.

6. Краткая автобиография Соколова Ю.М., списки его трудов и занимаемых должностей и основные даты его деятельности // РГАЛИ. Ф.483. Оп.1. Д.143. 65 л.

7. Соколов Ю.М. «Библиотека Государственного Исторического музея» (отчет). Записка и особое мнение о необходимости существования читального зала, как самостоятельного отдела Исторического музея. Письмо-заявление Соколова Ю.М. Луначарскому А.В. об освобождении от обязанностей директора библиотеки с приложением выписки из постановления правления Музея [и др.] // РГАЛИ. Ф.483. Оп.1. Д.232. 57 л.

8. Протоколы заседаний, докладные записки, составленные Соколовым Ю.М., сметы, отчеты, [...] и др. документальные материалы Государственного исторического музея // РГАЛИ. Ф.483. Оп.1. Д.237. 246 л.

9. Портрет, фотографические снимки на паспорт и другие Соколова Ю.М., 1918–1939 гг. // РГАЛИ. Ф.483. Оп.1. Д.2821.

10. Архивные документы свидетельствуют...: история открытия Государственной публичной исторической библиотеки (1938–1939 гг.): сб. док. / Гос. публ. ист. б-ка России; авт. – сост. К.А. Шапошников. М., 2011. 360 с.

11. Атарова К.Н. Воспоминания о Валентине Александровне Дынник / [запись Н.А. Панькова] // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. №2(27). С.176–180.

12. Бакун Д.Н. Библиотека Государственного исторического музея в 1917–1938 гг. // Из истории московских библиотек. Вып.1. М., 1996. С.11–25.

13. Бахтина В.А. Соколов Юрий Матвеевич // Московская энциклопедия. Т.1: Лица Москвы. Кн. 4. М., 2012. С.372–373.

14. Бахтина В.А. Фольклористическая школа братьев Соколовых: (достоинство и превратности науч. знания). М.: Наследие, 2000. 334 с.

15. Гофман Э.В., Минц С.И. Братья Б.М. и Ю.М. Соколовы // Онежские былины. М., 1948. С.9–31.

16. Гудзий Н. Юрий Матвеевич Соколов: [некролог] // Известия Академии наук СССР. Отд. лит. и языка. 1941. №2. С.120–122.

17. Жилыева Л.П., Травкина И.Г. Юношеский филиал // Государственная публичная историческая библиотека: (из опыта работы за 20 лет): сб. ст. М., 1958. С.219–230.

18. Иванова Т.Г. Б.М. и Ю.М. Соколовы: (Миллеровское крыло «исторической школы») // Иванова Т.Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С.60–85.

19. Из далеких двадцатых годов двадцатого века: (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых) / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; подгот. текстов, вступ. ст., коммент. и указ. В.А. Бахтиной. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 816 с.

20. Историческая библиотека в 1920-е – 1930-е годы: сб. док. и материалов / Гос. публ. ист. б-ка России; сост., подгот. текстов к публ., авт. вступ. ст. и коммент. К.А. Шапошников. М., 2019. 212 с.

21. Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал: некрополь монастыря и кладбища. 2-е изд., испр. и доп. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1998. 640 с.
22. Коротин Е. Жизнь народа и его творчество: (собрание и изучение фольклора Б.М. и Ю.М.Соколовыми). Уралск, 1960. 75 с.
23. Костюнина Н.В. Библиотека Императорского Российского исторического музея в Москве, 1883–1938 гг. // Библиотека и история: сб. материалов междунар. науч. конф., 18–19 нояб. 2008 г. М., 2010. С.88–96.
24. Лазаренко Е.В. Организация пространства Библиотеки Государственного исторического музея – история и современность // Музейные библиотеки в современном обществе: пространство библиотеки. Вчера, сегодня, завтра: научно-практ. конф., 31 марта – 2 апр. 2015 г.: тезисы докл. М., 2015. С.29–32.
25. Малая историческая на Большой Черкизовской // Московская правда. 1966. 29 марта (№ 73). С.4. (Новоселы московских улиц).
26. Новоселье библиотеки // Вечерняя Москва. 1966. 11 апр. (№84). С.2.
27. Отчет Государственного исторического музея за 1916–1925 гг. М.: Работник Просвещения, 1926. 275 с. разд. паг.
28. Померанцева Э.В. О теоретических взглядах Ю.М.Соколова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики, антропологии. Вып.5. М., 1971. С.201–212.
29. Розанов И. Юрий Матвеевич Соколов: [некролог] // Литературная газета. 1941. 19 янв. (№3). С.6.
30. Чичеров В.И. Памяти академика Ю.М.Соколова // Литература в школе. 1941. №3. С.27–29.
31. Шапошников К.А. Документы ЦК ВКП(б) об организации и открытии ГПИБ // Библиография. 2009. № 1. С.79–91.
32. Шапошников К.А. Как создавалась Историческая библиотека: документальная хроника (по материалам ГА РФ, РГАСПИ и Архива Президента Российской Федерации) // Библиотека и история: сб. материалов междунар. науч. конф., 18–19 нояб. 2008 г. М., 2010. С.45–72.
33. Шапошников К.А. Первый директор Исторической библиотеки: [о Н.Н.Яковлеве] // Библиография. 2008. №3. С.130–137.
34. Шапошников К.А. «Пламенные революционеры» Александр Цытович и Анна Тарелкина. Путь от Иркутска до Марсея // Россия XXI. 2019. №6. С.166–183: ил.
35. Шапошников К.А. Юрий Матвеевич Соколов (1889–1941) – директор Библиотеки Исторического музея // Музейные библиотеки в современном обществе: Хранители книжных собраний: тезисы докладов XVII Научно-практической конференции, 20–22 октября 2020 года. М., 2020. С.49–52.
36. Шапошников К.А. Страницы биографии Михаила Федоровича Леонтьева (1897–1986), директора Исторической библиотеки и преподавателя МГБИ – МГИК // Библиотечное дело – 2014: Библиотечно-информационная деятельность и документно-информационные коммуникации в сфере культуры и образования. Скворцовские

чтения: материалы девятнадцатой междунар. науч. конф. (23–24 апр. 2014 г.). Ч.1. М., 2014. С.110–114.

37. Шапошников К. А. Страницы биографии Фаины Ставской (1890–1937): террористка-анархистка, политкаторжанка, директор Государственной исторической библиотеки // Библиотечное дело – 2013: Библиотечно-информационная деятельность в современной системе информации, документных коммуникаций и культуры: Сборниковские чтения: материалы восемнадцатой междунар. науч. конф. (24–25 апр. 2013 г.). Ч.1. М., 2013. С.110–113.

38. Шапошников, К. А. Александр Васильевич Цытович (1873–1942) – директор Библиотеки Государственного исторического музея. Страницы биографии / К. А. Шапошников // На пороге перемен: книжные, архивные и музейные коллекции: материалы научной конференции «Четвертые Рязановские чтения», 15–16 марта 2018 г. М., 2020. С.105–125: ил.

***Памяти
Андрея Витальевича
Каравашкина***

*(20 августа 1964 –
15 января 2021)*

15 января 2021 г. ушел из жизни доктор филологических наук, профессор Историко-архивного института, заведующий кафедрой русской классической литературы РГУ, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы (ИМЛИ) Российской академии наук, выдающийся ученый-гуманитарий, медиевист-литературовед, филолог, историк общественной мысли, автор многих трудов по истории России.

А.В.Каравашкин родился в Москве 20 августа 1964 г. С отличием закончил МГПИ им. В.И.Ленина. В 1991 г. защитил кандидатскую диссертацию «Концепция человека и способы изображения исторических лиц в посланиях Ивана Грозного (научный руководитель проф. Н.И.Прокофьев)». С 1991 по 2004 год работал на кафедре литературы МПГУ, пройдя путь от старшего преподавателя до профессора. В июне 2001 года защитил докторскую диссертацию «Русская средневековая публицистика: проблема творческой индивидуальности (Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский)». В 2004–2005 годах был проректором по научной работе Московского гуманитарного педагогического института (МГПИ). С 2005 года – профессор РГУ.

А.В.Каравашкин принимал участие в становлении такого нового направления российской исторической науки и медиевистической русистики, как историческая феноменология. Его обширные

энциклопедические знания, культурологическая и философская начитанность воздействовали на широкую студенческую аудиторию, показывая пример, каким не только может, но и должен быть образцовый ученый-гуманитарий.

С 1998 г. А.В.Каравашкин – автор журнала «Россия XXI», а уже через год – член редколлегии журнала. Мы работали вместе больше 20 лет. Это были замечательные, интереснейшие годы. Андрей Витальевич охотно делился с нами своими великолепными знаниями. Его экспертные оценки статей зачастую оказывались значительнее самих статей. Творческий человек, он предложил свое видение комментариев к статьям («врезки» к рубрикам) – цитаты известных мыслителей современности и прошлого, которые отражают рефлексию журнала на проблемы, заявленные в статьях. До некоторой степени эти цитаты стали самостоятельным жанром в рамках журнала, материалом для раздумий читателя. То есть – интеллектуальным и эмоциональным камертоном. Андрей Витальевич делал это талантливо!

Светлая память, дорогой коллега, друг!

*Друзья,
Редколлегия,
Редакционный совет*

**Публикации А.В.Каравашкина
в журнале «Россия XXI»**

1998

1. Образовательное пространство России: что угрожает его единству?
(Совместно с А.И.Филюшкиным)	№ 11
2. Мифы Московской Руси. Жизнь и борьба идей в XVI веке (Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский)	№ 11

1999

3. Мифы московской Руси: жизнь и борьба идей в XVI веке (Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский) – окончание	№ 1
4. Московская Русь и «Ромейское царство»	№ 3
5. Самоопределение историка	№ 6

2000

6. Единственная реальность	№ 6

2001

7. В поисках утраченной альтернативы	№ 4

2003

8. После науки: о приемах гуманитарной идеологии
(совместно с А.Л.Югановым)	№ 1
9. Источниковедение культуры в контексте развития исторической
науки (окончание). Дискуссия (подведение итогов)	№ 4

2004

10. «Круглый стол» (28.04.04): Жизнь и театр	№ 3

2006

11. Библейские тематические ключи: пределы верификации	№ 1
12. Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории: XI–XVII вв.	№ 4

2007

13. Строгое творчество. О живописи и графике Александра Айзенштата	№ 3

2011

14. Американская сказка (о книге Оливера Юргена)	№ 4

2013

15. Две стратегии нарратива: убедительность и доказательность в агиографии Епифания Премудрого	№ 3
16. Иван Тимофеев: история и риторика	№ 6

2014

17. Актуальность древнего текста	№ 6

2018

18. Современная историография культуры: история как самосознание (о книге А.Л.Юрганова «Культурная история России. Век двадцатый») (Совместно с Ф.Г.Тараторкиным)	№ 2
19. На границе эпох: литературная архаика в книжности XVII в. (три примера)	№ 4

2019

20. Непосредственный опыт в текстах Древней Руси: игумен Даниил, инок Фома, протопоп Аввакум	№ 5
21. Три покаяния: культурно-исторические типы допетровской Руси	№ 6

Наши авторы

Костырченко Геннадий Васильевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Чернов Павел Вячеславович

соискатель ученой степени кандидата исторических наук,
Санкт-Петербургский институт истории Российской
академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Суханова Наталья Ивановна

доктор исторических наук, профессор,
доцент кафедры новейшей истории России ГОУ ВПО
Московский государственный областной университет

Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной
критики факультета журналистики РГУ, ведущий
научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Черникова Наталья Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук, профессор,
кафедра истории русской литературы
филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Шапошников Кирилл Александрович

заведующий справочно-библиографическим отделом
Государственной публичной исторической
библиотеки России (Москва)

Our authors

Kostyrchenko Gennadii Vasil'evich

D.Sci., historian, leading researcher,
FGBUN Institute of Russian History,
the Russian Academy of Sciences

Chernov Pavel Vyacheslavovich

Applicant for the degree of Ph.D. of Historical Sciences,
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy
of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Sukhanova Natal'a Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Associate Professor,
State Educational Institution of Higher Professional
Education Moscow State Regional University

Iskhakov Salavat Midkhatovich

D.Sci. historian, Leading Researcher,
Institute of Russian History, RAS

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism,
Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities,
leading researcher of the Institute of Scientific Information on
Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Chernikova Natal'a Vladimirovna

Ph.D., historian, research fellow of the Institute of Russian
History, the Russian Academy of Sciences

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor, Chair of History of Russian Literature,
Philological Faculty of Moscow State University

Shaposhnikov Kirill Aleksandrovich

Head of the Reference and Bibliographic Department
of the State Public Historical Library of Russia (Moscow)

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс 118643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел. 8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2020.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 10.03.2021. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,25 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

1. 2021 january-february

Labels and Myths

Gennadii Kostyrchenko

Belarusian Kaleidoscope:
from the War to the 1950s and from Moscow
and Minsk to the Western Regions _____ 6

Pavel Chernov

Regimental Histories of the XIX – early XX
Centuries as a Tool for the Formation of
Historical Memory _____ 36

National Doctrine

Natal'a Sukhanova

“Russian State” or Russia?
(A.I.Denikin on the Role of the Highlanders of
the North Caucasus in the Civil War) _____ 60

Salavat Iskhakov

On the Issue of Party Building among the
Crimean Tatars in 1917–1928 _____ 80

Pages of History

Oksana Kiyanskaya

Companions of Pestel. Decembrist Vasily Davydov _____ 102

Natal'a Chernikova

Nominal Chairman: Emperor at the head of the State Council _____ 118

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Ranchin

Cain and Svyatopolk:
Precedent Names in Ancient Russian Culture _____ 136

Topical Archive

Kirill Shaposhnikov

“We consider Y.M.Sokolov a political enemy and his further stay in the Museum impossible ...”

The Circumstances of Y.M. Sokolov's Dismissal from the Position of the Director of the Library of the State Historical Museum (1929) _ 150

РОССНА XXI